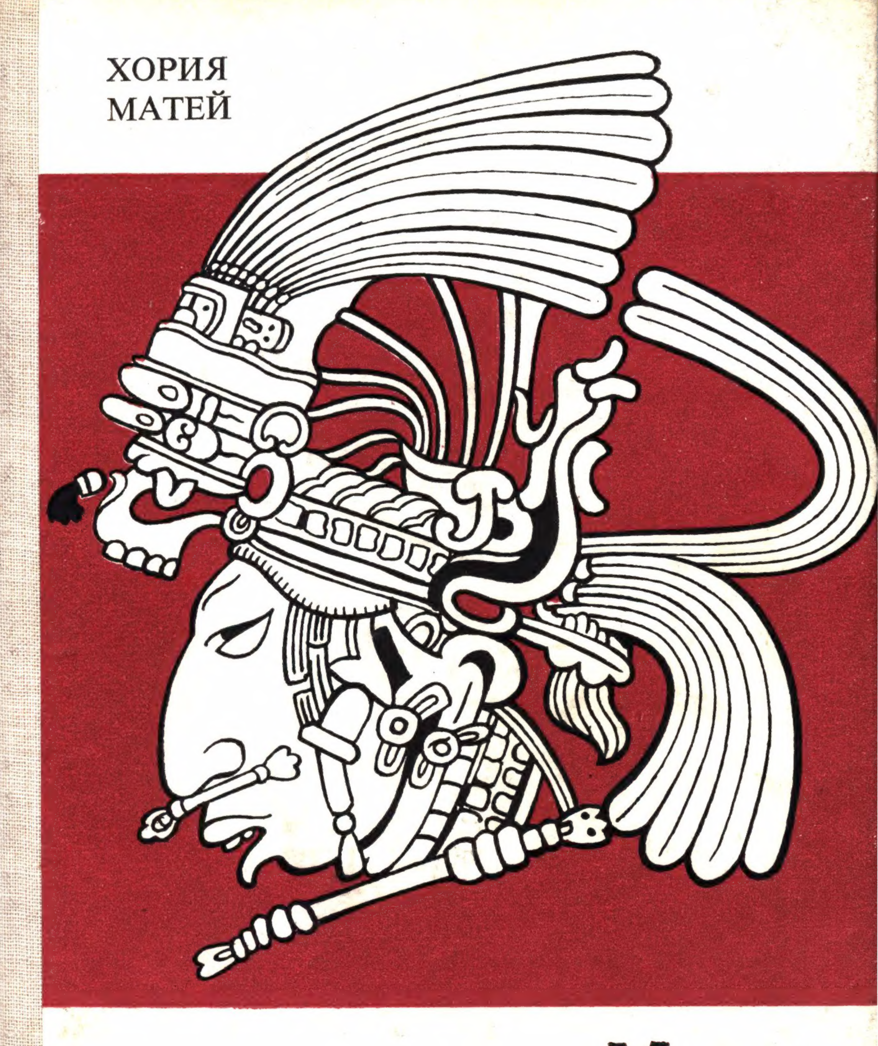
ХОРИЯ
МАТЕЙ

МАЙЯ

ОБЛОЖКА ГЕНРИ МАВРОДИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛОДЕЖИ

ХОРИЯ МАТЕЙ

МАЙЯ

Перевод с румынского
Т. ВОРОНЦОВОЙ

HORIA MATEI
MAIAȘII
EDITURA TINERETULUI, 1967

«КАСТИЛА! КАСТИЛА!»

Февральским утром 1517 года — четверть века спустя после того, как дон Кристобал Колон, больше известный под своим итальянским именем Кристофор Колумб, впервые пристал к берегам Вест-Индии, — три небольших корабля вышли из Гаванского порта и взяли курс на запад. Флотилию возглавлял Франсиско Эрнандес де Кордоба, а главным лоцманом был Антон де Аламинос. Суда были оснащены для долгого путешествия по морям и неведомым странам; трюмы были набиты провизией, бочками с пресной водой и снаряжением, а для «дикарей», которые встретятся на «терра инкогнито», был прихвачен католический священник, по имени Алонзо Гонсалес, и припасены различные побрякушки, вроде стеклянных бус, вместе с самым новейшим оружием —

арбалетами и широкоствольными ружьями, под названием эспинголы.

На двадцать первый день плавания матрос, дежуривший на верхушке главной мачты, возвестил: «Tierra! Tierra!» И вскоре суда испанцев были окружены множеством каное с индейцами, оживленными и взволнованными неожиданным визитом. Это были первые из юкатанских индейцев майя, с которыми повстречались более поздние завоеватели Мексики. (Кажется, и Колумб в 1502 году встретил нескольких майя на острове Гуанаха, в Гондурасском заливе, но он не придал этой встрече никакого значения и, во всяком случае, не понял, что имеет дело с населением, совершенно отличным от встреченных им до тех пор). Маленькая флотилия достигла точки, находящейся на северо-восточной оконечности полуострова Юкатана. Это место мореплаватели назвали мысом Каточе; Эрнандесу де Кордоба казалось, что это слово туземцы повторяли чаще всего.

Испанцы высадились на берег и стали выпытывать у аборигенов, есть ли у них золото. Ведь золото и было главнейшей целью морской экспедиции. Но у туземцев не было золота и, когда белые люди стали чересчур настойчивы в своих расспросах, в их взглядах появились подозрительность и недоверие. Стеклянные побрякушки не произвели на них особого впечатления. Видно, «дикари» были не такими уж дикарями; у них были свои украшения — из ярких перьев, из резного зеленого нефрита и раковин, которые они ценили гораздо больше. Пришельцы объяснялись с индейцами знаками и, когда мирная беседа вскоре преврати-

лась в спор, испанцы вынуждены были спешно погрузиться на свои корабли и поднять якоря.

Через несколько часов плавания вдоль берега в западном направлении они заметили селение и снова высадились. В центре этого селения испанцы с изумлением обнаружили три каменных здания, построенных по всем архитектурных правилам; это опять-таки свидетельствовало, что мореплаватели имеют дело отнюдь не с дикарями. Внутри зданий было нечто вроде алтарей и идолы из обожженной глины. Священник Гонсалес тотчас же отслужил мессу, из которой туземцы ничего не поняли и которая их ничуть не тронула. Солдаты тоже не могли похвастаться успехом: их добычу составляли несколько деревянных шкатулок, металлических (но не золотых) медальонов и диадем и несколько мелких украшений в форме рыб или птиц.

После этой неудачи испанцы целых пятнадцать дней плыли по Мексиканскому заливу в юго-западном направлении, идя вдоль берега, но не высаживаясь на него. Лишь в устье реки, где позднее был заложен город Кампече, они бросили якорь, чтобы пополнить запасы пресной воды. Бочки были уже почти наполнены, когда матросов окружило примерно полсотни индейцев в длинных, наподобие тоги, хлопчатобумажных одеждах. Матросы страшно удивились, услышав из уст индейцев часто повторяемое: «Кастила! Кастила!».

Откуда этим индейцам известно, как называется далекая родина пришельцев? Но по всему было видно, что настроены они мирно, так что испанцы последовали за ними в их город, где возвышалось несколько храмов, стены которых были расписаны

изображениями змей и самых разных чудовищ. Затем появились и другие туземцы, одетые беднее. По-видимому, это были рабы. Они носили охапки сухого камыша и складывали его в кучу, как для костра. Из храмов вышли длинноволосые, в белых туниках жрецы с сосудами, в которых горели ароматические смолы; знаками они объяснили, что чужестранцы должны покинуть город раньше, чем потухнет костер. И испанцы сочли, что благоразумнее подчиниться.

Солдаты капитана Эрнандеса де Кордоба сделали еще одну вылазку — в Порточане (ныне Чампотон), где на восемьдесят испанцев обрушился дождь из булыжников и стрел. Хотя арбалеты и эспинголы были гораздо более грозным оружием, чем пращи и луки индейцев, однако испанцы снова вынуждены были отступить; капитан Эрнандес де Кордоба получил целую дюжину ранений, а один из его солдат, Берналь Диас дель Кастильо — позднее описавший эти и другие происшествия, свидетелем которых он был, — получил раны от трех стрел и чуть было не простился с жизнью.

Раздраженные неудачами, которые следовали одна за другой, испанские наемники стали роптать на капитана Эрнандеса и лоцмана Аламиноса, и те сочли, что в такой обстановке самое благоразумное будет вернуться пока что на Кубу. Здесь в рассказах участников морского похода родилось название новой земли — Юкатан, этимология которого довольно причудлива: *юкка*-растение, родственное маниоке, из корней которой изготовляется хлеб кассаве, а *тале* обозначает место, где выращивается это растение. Итак, хотя по своему

складу испанское, название полуострова Юкатан представляет собою первое слово, введшее в европейские языки два термина из лексики майя — *юкка* и *тале.* За этим первым... филологическим контактом последует, как мы увидим дальше, и много других.

А что же с таинственным словом *кастила,* откуда оно стало известно туземцам из Кампече? Эта загадка не разрешилась и в 1518 году, когда кубинский губернатор Диего Веласкес организовал новую экспедицию, снарядив четыре судна, капитанами на которых были Хуан де Грихальва, Педро де Альварадо, Алонзо де Авила и Франсиско де Монтехо. Имена этих четырех вместе с Эрнандо Кортесом связаны с открытием в Новом Свете одной из древнейших цивилизаций. Разумеется, губернатор Веласкес отнюдь не задавался целью узнать, откуда индейцам известно слово чисто испанского звучания *кастила;* целью экспедиции было все то же золото, в котором испанская корона испытывала постоянную нужду. Экипажу этих четырех кораблей удалось обнаружить новые поселения майя и — что было очень важно — нанести на карту береговую линию северо-западного Юкатана.

Загадку раскрыла третья экспедиция, под командой Эрнандо Кортеса. Достигнув острова Косумель, расположенного у северо-восточного берега Юкатана, Кортес узнал здесь от местных вождей — касиков, что в селении, до которого два дня пути вглубь страны, живут пленниками «белые бородатые люди». Кортес решил освободить этих людей. Он направил туда двоих индейцев с письмом и стеклянными предметами в ка-

честве выкупа, а вблизи мыса Каточе выставил маленькое судно под командой Диего де Ордаза.

Индейские посланцы выполнили доверенную им миссию. Два дня спустя они вручили письмо испанцу, по имени Херонимо де Агилар, который в самом деле был пленником одного из селений Юкатана. За восемь лет до этого на пути от Дариена к острову Сан-Доминго его корабль потерпел крушение у берегов Юкатана, и он был взят индейцами в плен вместе с другими семнадцатью испанцами, среди которых были и две женщины. Несколько пленников были принесены в жертву идолам, остальные перемерли от разных болезней, и в живых остались только Херонимо де Агилар и некий Гонсало Герреро.

Когда, после целого ряда перипетий Агилар добрался, наконец, до солдат Кортеса, те сначала приняли его за индейца. Он был смугл лицом, коротко подстрижен, тело его было прикрыто чем-то вроде фартука, и на ногах, как у юкатанских крестьян — эспадрильи. Когда его провели к Кортесу, Агилар уселся на земле по-индейски и сказал :

— Я — испанец.

Ему дали европейскую одежду и отслужили религиозную службу ; потом все собрались вокруг него на песчаном берегу, и он подробно рассказал о своих злоключениях. Тоскуя по родным местам, он часто произносил вслух название своей родины, Кастилии ; от него и выучили это слово аборигены с мыса Каточе. От Агилара Кортес почерпнул некоторые полезные сведения, например, о том, что в глубине страны много больших поселений с храмами, где возвышаются громадные

статуи. Он, Агилар, был пленником в одном месте, которое с тех пор стало называться Женским мысом, ибо там был храм с множеством женских статуй.

Другой же оставшийся в живых испанец, Гонсало Герреро, отказался вернуться на родину. «Агилар, брат, — сказал он на прощание, — я женат, у меня трое детей, я выбран касиком и военачальником на случай войны. Ты возвращайся, если хочешь, и да хранит тебя господь-бог! А я остаюсь». Индианка же, на которой женился Гонсало Герреро, обратилась к Агилару с такими словами: «Уходи, раб, и молчи, больше ни слова».

Из рассказов Агилара Кортес понял, однако, что несмотря на величественные каменные храмы и громадные статуи, на Юкатане нет золота. Так что, когда Агилар вызвался быть его проводником в походе вглубь страны, где, по его словам, можно было бы найти «немножко золота», Кортес со смехом ответил: «Я пришел сюда не за такой ерундой, а затем, чтобы служить богу и королю...» Где-то на западе его ждали Мексика и Теночтитлан, «позолоченный город». Но это уже другая глава из истории конкистадорских походов.

Что касается Гонсало Герреро, — ренегата, как называли его испанцы, — то десять лет спустя, в 1527—1528 гг., он появится в районе городов Четумаль и Бакалаль, во главе организованного им войска аборигенов и причинит испанским отрядам Алонзо Авилы тяжелые потери. Гонсало Герреро с полным правом можно считать одним из крупнейших авантюристов своего века.

«ТРАПЕЦИЯ» МАЙЯ

По свидетельству статистики, 7 процентов населения Латинской Америки — индейцы. Следовательно, между южной границей США и мысом Горн на Огненной Земле, на территории 20 500 000 кв. км живут 17 200 000 индейцев; живут по своим обычаям и говорят на своих языках, отличных от языков остального населения.

Долгое время происхождение американских индейцев вызывало многочисленные научные споры. (В последнее время американских индейцев стали называть америндейцами). На сегодняшний день большинство ученых принимают гипотезу об азиатском происхождении туземного населения Америки. Американский археолог Жорж Вайян считает, что эти люди, искусные охотники, попали сюда, преследуя диких зверей через Берингов пролив, до Аляски; передвижение совершалось

небольшими группами, что и привело к такому разнообразию языков и физического типа.

Многочисленные, уже послевоенные, археологические открытия как будто подтверждают эту гипотезу. В Тепехпане, у границы между Мексикой и США, археолог Альфонсо Касо нашел в 1945 году человеческий скелет в таком контексте, который указывает, что на этих землях 10—12 тысяч лет назад люди занимались охотой. С помощью одного из новейших методов исследования — радиоактивного углерода C^{14} — установлено, что возраст некоторых поселений равен 35 000 лет; этот же метод позволил установить, что культура кукурузы и фасоли существовала в Мексике еще за пять тысячелетий до н. э.

Эволюция америндейских народов была необычной. Там, где земля была щедрой и плодородной, они перешли к ее обработке, осели на ней, стали строить города, создали свои культуры, из которых культура инков из Перу и культура майя из Мексики достигли наиболее высокого развития.

Территорию, на которой живут сейчас майя, люди населяли еще десятки тысяч лет назад. На берегу реки Пассион археолог Барнум Браун обнаружил фрагмент кости, принадлежащей исчезнувшему виду ленивцев (Bradypus) со следами порезов, нанесенных острым оружием. В 1952 году возле Ицатапана был обнаружен скелет мамонта, носящего на себе неоспоримые доказательства: между ребрами скелета всажен кремневый наконечник, а вокруг скелета разбросан целый ряд других кремневых и обсидиановых орудий.

Территория америндейцев майя относится к областям, где зафиксирована самая древнейшая (в

Новом Свете) культура кукурузы, черной фасоли, тыквы, агавы и других растений. Кроме кукурузы, которая происходит из этих мест, а также и ряда других растений американского происхождения, остальные (фасоль, например, и тыква), родственны культурам, издревле выращиваемым в Старом Свете.

*

В период испанского завоевания в конце XV и начале XVI веков майя населяли Гватемалу (за исключением некоторых районов на тихоокеанском побережье), западную часть Сальвадора и Гондураса, весь Британский Гондурас, а в Мексике — штаты Юкатан и Кампече, территорию Кинтана-Роо и восточные районы штатов Табаско и Чиапас. Все населяемые майя земли образуют таким образом трапецию, ось которой, проходящая с севера на юг, растягивается примерно на 900 км ; большое основание трапеции, проходящее с запада на восток, — 550 км, а малое основание, проходящее через оконечность Юкатана, — около 400 км. Вся территория эта расположена в субтропической зоне, самая крайняя точка которой лежит почти на четырнадцатом градусе северной широты.

К приходу испанцев по соседству с америндейцами майя жили и другие племена : их соседи на западе говорили на языках племен зоке и чапанеков и на нескольких диалектах нахуатли, родственных языку астеков, называемому вообще древним мексиканским языком. К югу и юго-востоку от них жили индейцы племен пипиль, тоже

говорившие на своем особом языке, зона распространения которого доходила до берегов Тихого океана ; кроме того, соседями майя были тараски и караибы.

В классический период расцвета культуры майя она была связана с четырьмя другими культурами. Прежде всего, с майя поддерживали культурные связи сапотеки с территории нынешнего мексиканского штата Оахака, центром которой был Монте Альбан. Затем цивилизация, известная под названием теотиуаканской, по названию города, расположенного примерно в 45 км к северо-востоку от Мехико. Третьей была созданная ольмеками цивилизация Ла вента, процветавшая к югу от Веракруса и наиболее близкая к цивилизации майя. И, наконец, назовем четвертую, из центральных районов штата Веракрус, материально воплотившуюся в величественные руины Эль Ташина ; считается, что это — культура тотонаков. Археологические открытия опровергли старую теорию, согласно которой культура майя развивалась совершенно обособленно. Недавние исследования показали, что пять культурных центров, существовавших почти в одно и то же время, взаимно влияли друг на друга. В последний отрезок классического периода, примерно, в 1200—1400 гг. процветавший тогда город Тула (или Толлан) в штате Идальго, около 80 км севернее Мехико, тоже оказывал на культуру майя значительное влияние.

На протяжении всего классического периода границы территории, населяемой майя, были при-

близительно те же, что и в конце XV века, к приходу испанцев. Вполне вероятно, что в начале этого периода они проходили несколько дальше к западу, достигая современных штатов Табаско и Чиапас.

В XVI веке еще существовала группа, говорившая на родственном майя языке, — уакстеки, или уастеки, относительно обособленные на севере Веракруса, в центральной Мексике. По свидетельствам европейцев, вступивших с ними в контакт сразу же после конкисты, а также по данным археологических раскопок уастеки, хотя и говорили на языке майянской ветви, принадлежавшей к группе пенутьенских языков, обладали культурой, которая отличалась от цивилизации майя целым рядом особенностей; самые ранние следы этой культуры относятся примерно к 1000 году до н. э.

Южная сторона населяемой майя трапеции (северная Гватемала и прилегающие к ней районы Сальвадора) представляет собою гористую местность с множеством высоких вершин, в большинстве своем вулканического происхождения, с городами по долинам рек или на плато. Земли здесь плодородные, дожди обеспечивают богатые урожаи; климат влажный, тропический. В наши дни на возвышенных местах выращивается пшеница и картофель, а на западе и юге тянутся крупные плантации сахарного тростника, кофе и банановых деревьев, культуры которых были введены здесь позднее, уже европейцами. В период расцвета цивилизации майя главными культурами были кукуруза, фасоль, тыква и сладкие бататы, а на тихо-

океанском побережье росли дающие какао деревья, зерна которых ценились настолько, что были своего рода универсальной монетой в Центральной Америке.

В наши дни центральная Гватемала с ее зелеными долинами и горными склонами в сосновых лесах, с ее живописными селениями индейцев майя, с ее озером Атитлан — этим окруженным вулканами морским глазом — ежегодно привлекает множество туристов, особенно из Северной Америки.

Для цивилизации майя горная местность Гватемалы была благоприятна и в других отношениях: вулканические породы использовались для постройки жилых и культовых зданий, а также для изготовления *метате* (жерновов для размола кукурузы).

Но несмотря на благоприятный климат и богатые почвы, несмотря на разнообразие флоры и фауны и ценность минералов, южная часть «трапеции» внесла, кажется, не такой уж значительный вклад в культуру майя. В области скульптурного и архитектурного мастерства, например, юг отставал от центральных и северных районов; доказательством тому служит, в числе прочего, тот факт, что на юге не обнаружено ни одной стелы с иероглифическим текстом. Историки и археологи вообще объясняют эту отсталость тем, что южные районы страны были подвержены частым землетрясениям, так что древняя цивилизация майя использовала их скорее как источник снабжения, а большие города создавала в центральных и северных районах.

Наибольшего расцвета цивилизация майя достигла в центре «трапеции», охватывающем равнину на севере и северо-востоке горного района, а также высокие плато Чиапаса, где иероглифических текстов встречается больше всего.

Центральная зона, известняковой природы, поднимается на 30—180 м над уровнем моря; она испещрена холмами и в значительной части покрыта тропическими лесами; ее орошает множество рек и озер. В течение последних столетий эрозия почвы привела к заболачиванию многих из этих рек. Самое сердце этой зоны, куда входит гватемальский округ Петен и прилегающие к нему районы Мексики и Британского Гондураса, в настоящее время почти безлюдно; но в древности, особенно в IV—X вв., здесь было множество городов и одним из самых значительных среди них был Тикаль.

Наконец, северную часть «трапеции» составляли полуостров Юкатан, ныне мексиканские штаты Юкатан и Кампече, а также территория Кинтана-Роо. Здесь климат значительно суше, растительность больше кустарниковая, почвы известняковые, реки редки. Именно эта центральная зона была бедна природными ресурсами. И несмотря на это, Юкатан принадлежал к тем районам, где культура майя достигла высокого уровня, особенно в свой последний период, о чем свидетельствуют многочисленные археологические открытия.

Самые крупные вершины Юкатана, расположенные в горах Сьерра де Мани, не превышают 150 м. Поверхность земли усеяна многочисленными

углублениями в форме воронок и колоколов, шириною до нескольких десятков метров. Дождевая вода просачивалась сквозь известняковую породу, образуя подземные озера, а когда своды над ними обрушивались, получались такие естественные воронки или колодцы, называемые по-юкатански *сеноте*. Вокруг них вырастали поселения майя.

ЗАГАДКА ЗАБРОШЕННЫХ ГОРОДОВ

Ученые наших дней сходятся во мнении, что культура майя не только была соседкой, но и прямой наследницей другой, более древней культуры ольмеков, центр которой находился в местности Ла вента, на болотистом острове. По всей вероятности, ольмеки были первыми жителями Нового Света, осознавшими значение календаря. Им принадлежит самая древняя из высеченных на камне дат. Это 31 год до н. э. (по нашей системе), высеченный на стеле из Трес Сапотеса. Следующая дата — 162 г. н. э. — высечена на нефритовой фигурке. Но обе эти даты относятся уже к сравнительно позднему периоду: исследования с помощью радиоактивного углерода C^{14} отсылают нас к существованию Ла вента в 1454 ± 300 гг. до н. э., вплоть до 126 ± 250 гг. н. э. Ольмекским

календарем воспользовались и майя, усовершенствовав его и сделав самым точным в мире.

Первые сведения об индейцах майя относятся примерно к 500 г. до н. э., когда после длительного трехвекового процесса собственно майя окончательно отмежевались от уастеков. Самые последние исследования свидетельствуют, что в этнографическом и лингвистическом отношении уастеки составляли майянскую ветвь обширной пенутьенской группы племен, однако, в то время как майя непрерывно развивали свою культуру, достигнув сравнительно высокой цивилизации, уастеки остались на довольно низкой ступени развития. Они не принимали участия в развитии иероглифического письма и календаря и не пользовались типичными элементами архитектуры майя. В искусстве, правда, они создали собственный стиль, но он оставался почти неизменным в течение трех тысячелетий.

Первый исторический период населения майя, который археологи называют *периодом формирования,* продолжался более восьми столетий, вплоть до 320 г. н. э. От этого периода осталось очень немного свидетельств, разбросанных по всей территории. Керамические фигурки, обнаруженные в районе Петена, носят печать своеобразия физических черт. Своеобразие заключается, например, в удлиненной форме головы и приплюснутом носе. А это доказывает, что древними жителями здешних мест были именно майя. У некоторых вылепленных вручную фигурок руки и ноги изображены в манере, которую сегодня можно назвать импрессионистской, предвещавшей будущее развитие скульптуры майя.

Первая эпоха расцвета культуры майя — 320—987 гг. н. э. — названа историками Древним царством (по аналогии с историей древнего Египта). Этот длившийся более шести с половиной веков период начинается с самой древней даты (320 г. н. э.), высеченной на табличке, которая найдена вблизи города Пуэрто-Барриос, в Гватемале (самая древняя из датированных стел находится в Вашактуне; она помечена 9 апреля 328 г. н. э. и обнаружена в 1916 году археологом Сильванусом Морлеем), а завершается этот период тем временем, когда майя покинули свои крупнейшие города по причинам, до сих пор еще не совсем ясным.

Одним из самых величественных памятников начального периода (320—633 гг.) Древнего царства является пирамида в Вашактуне, лучше всего сохранившаяся из всех памятников в равнинных местах. Она и сегодня еще привлекает внимание археологов. Несколько обнаруженных здесь погребений дают представление о похоронном обряде в период формирования майя и в начальный период Древнего царства. Стелы с высеченными на них иероглифическими знаками, каменные храмы и многоцветная керамика этой эпохи обнаружены также в Тикале, Копане, Паленке, Ошкинтоке и других местах.

К концу VI века культ памятников распространился по всей средней долине реки Усумасинты, вплоть до южных районов Кампече, затем достиг восточного побережья Юкатана и проник в леса Чиапаса, до современного Британского Гондураса. В этот второй период Древнего царства (633—731 гг.) по всей территории майя воздвигались

храмы для отправления культов. К этому времени относятся и самые значительные памятники из поселения, обнаруженного в Пьедрас-Неграс, на берегу реки Усумасинты.

Рельефные стелы красноречиво свидетельствуют о том, что майя много внимания уделяли астрономическим и математическим познаниям и особенно календарю, что наложило глубокий отпечаток на всю их культуру. На стелах, этих каменных документах, жрецы отмечали свои успехи в изучении звезд, а самые лучшие художники вырезали на них изображения божеств. Каменным стелам отводились самые важные места в городах, перед культовыми пирамидами и дворцами.

К концу этого периода ритм строительства замедляется. Некоторые города, ранее выделявшиеся возведением храмов, почти совсем прекращают всякое строительство. Таковы, например, Тикаль и Вашактун, где до сих пор не обнаружено ни одной рельефной стелы, относящейся к этому периоду. Но к середине VIII века строительство возобновляется, еще более интенсивное. Это третий период Древнего царства (731—987 гг.), продолжавшийся более двух с половиной столетий и оставивший внушительные строения в Киригуа, Флоресе, Ихтуне и в других местах.

Пока еще не разгадано, почему в строительном деле произошел значительный спад, но тот факт, что при его возобновлении искусство и архитектура майя претерпели значительные изменения, очень многозначителен. Форма керамики и ее орнамент изменились довольно резко. Главные персонажи на стелах, обычно изображавшиеся в профиль, теперь открывают свое лицо, и ноги их

повернуты ступнями наружу. Лишь изредка голова вырезается в профиль и плечи слегка повернутыми. В строительстве огромные вмурованные в стены камни уступают место каменным плитам меньших размеров, которые гладко отшлифованы и наложены на основание стен. Изменения эти происходят не везде в одно время, но мало-помалу распространяются на всю территорию майя.

Эта эпоха расцвета культуры майя названа Древним царством не совсем удачно, ибо речь идет не о царстве, а об отдельных городах, живших своей независимой жизнью, но взаимно влиявших друг на друга и поддерживавших торговые связи. Некоторые археологи считают, что равнинные города майя объединились в классический период в своего рода федерацию, управление которой находилось в руках небольшой касты жрецов и представителей знати, связанных родством и выполнявших главным образом религиозные функции. Управление городами было двойным: во главе каждого города стоял вождь — *халачвиник,* — в руках которого была гражданская власть и некоторые религиозные функции, и жрец, занимавшийся исключительно культовыми делами и изучением астрономии. В малых поселениях, располагавшихся вокруг городов, руководящая верхушка набирала рабочую силу для возведения храмов, пирамид, дворцов и стел; строительство велось после сбора кукурузы, когда простые люди под присмотром архитекторов, каменщиков и деревщиков могли использоваться для подвоза материалов и для разных подсобных работ.

Как уже было сказано, в третий период Древнего царства темпы строительства оживились; в

это время не только возводится множество храмов и дворцов, но и качество построек меняется к лучшему: кладка стен становится аккуратнее, здания просторнее, керамика тоньше, стелы изящнее, а в скульптуре чувствуется больше восприимчивости и вдохновения.

К концу этой эпохи расцвета города майя стали приходить в упадок, и процесс этот местами начался резко и неожиданно; в некоторых случаях работы были прерваны столь внезапно, что уже законченные фундаменты остались без стен, а в Вашактуне стены последнего дворца были выложены лишь наполовину. Вырезанные на последних стелах даты позволяют заключить, что в некоторых городах этот постепенно охватывавший всю территорию майя застой начался довольно рано (в Копане — вскоре после 800 г.). В 987 году строительство прекратилось уже повсюду.

Причины застоя еще не разгаданы окончательно. Наиболее распространено мнение, что подсечно-огневой метод земледелия — майя сжигали под пашню леса, сеяли на ней 2—3 года, а затем снова бросали, отдавая во власть лесов, — требовал слишком много усилий, рост населения вызывал нехватку провизии и хроническое недоедание, так что люди вынуждены были покинуть родные места. Объяснение это не совсем удовлетворительно, ибо в некоторых районах, например, в Киригуа, земли очень плодородны, периодические разливы реки Мотагуа благоприятствуют урожаям, и все-таки Киригуа был одним из первых замерших городов, что ставит данное выше объяснение под вопрос.

Другие ученые считают, что процветавшие города Древнего царства майя опустели вследствие какой-нибудь эпидемии. Английский ученый Ж. Д. Бернал (в «Science in History» Лондон, 1957 г. — «Наука в истории общества»; в Бухаресте изд. в 1964 г.) указывает: «В определенных пределах ни один географический район не может долгое время сохранять за собою роль центра экономического и культурного прогресса, если не располагает необходимыми природными ресурсами... которые бы соответствовали определенному уровню технического развития. Другое столь же важное для этого условие — в том, чтобы климат соответствующего района не благоприятствовал эндемическим болезням или общему захирению населения, каким был, например, климат, положивший конец древней цивилизации майя».

В своих суждениях о районе, заключенном в «трапеции», ученые склоняются к мнению, что здесь повинны малярия и анкилостомоз (болезнь, вызываемая паразитом кишечника), которые и сегодня еще представляют здесь довольно серьезную проблему. Однако новейшие исследования позволяют заключить, что эти болезни распространились здесь после колонизации, что ни малярийный паразит, ни червь, которого паразитологи называют кишечной анкилостомой, не были здесь известны до завоевания Центральной Америки испанцами. Кроме того, эпидемии приводят к захирению медленно, хотя и прогрессивно, а возведенные наполовину стены Вашактуна наводят на мысль о неожиданном и внезапном явлении, о катастрофе.

Интересную гипотезу выдвигает, между прочим, американский археолог Д. Э. С. Томпсон. По его мнению, в 900—950 гг. произошел целый ряд крестьянских восстаний против правящей верхушки жрецов и знати, вызванных тем, что крестьянам предъявлялись непомерные требования в качестве рабочей силы на строительстве дворцов, и тем, что они вынуждены были кормить постоянно возраставшее число ничего не производящих людей. Возможно также, что частично восстания вспыхивали по религиозным причинам, например, из-за принятия правящей олигархией некоторых тольтекских элементов культа. Томпсон считает, что крестьяне изгнали или, может, даже перебили городских вождей, и пожар восстания перекидывался из одного города в другой. Власть перешла в руки вожаков восставших и жрецов из мелких поселений. Большие стройки таким образом внезапно остановились; народ продолжал посещать церемониальные центры по своим религиозным и торговым делам, но новых культовых зданий уже не строил. И постепенно старые здания, не получавшие должного ухода, развалились и заросли буйной растительностью.

Несмотря на множество теорий, выдвигаемых историками и археологами-американистами, загадка заброшенных городов Древнего царства майя до сих пор еще по существу не разгадана. Природная катастрофа, например, землетрясение, в этом активном сейсмическом районе исключается, ибо, как уже сказано, города были покинуты постепенно и следов катаклизма в них не осталось.

Когда майя покинули последний из городов (в 987 г. н. э.), завершился период, названный Древним царством, и в истории их цивилизации наступил новый период, отмеченный значительными переменами в общественной и культурной структуре.

НОВОЕ ЦАРСТВО «ПЕРНАТОЙ ЗМЕИ»

Когда были покинуты главные культурные центры Древнего царства, располагавшиеся чаще всего в районах рек Усумасинты и Мотагуа, цивилизация майя переместилась на края «трапеции», особенно к Атлантическому побережью, где зародились поселения Чичен-Ица и Ушмаль, и к Тихому океану, где были основаны города Антигуа, Атитлан и Аматитлан. Сначала культура майя пережила период упадка, который, с одной стороны, совпал с влияниями соседних цивилизаций (теотиуаканской, сапотекской, монта-альбанской и веракрусской), а с другой — с милитаристскими устремлениями новых центров. После периода относительной независимости происходит крупная миграция тольтеков, вышедших из Тулы (штат Идальго) и покоривших важнейшие центры майя на Юкатане.

Тольтеки были, по всей вероятности, родственны майя, что можно заключить при сравнении их языков. Но культура их была самобытна и главной ее особенностью было преклонение перед Кецалькоатлем. Епископ Диего де Ланда, труд которого «Сообщение о делах в Юкатане» («Relációu de las cosas en Yucatán»), написанный в XVI веке, считается одним из самых компетентных испанских источников по истории майя, указывал: «Индейцы считают, что один очень знатный человек, по имени Кукулькан, правил вместе со знатью из рода Ица, которая утвердилась в Чичен-Ице... Они говорят, что он пришел с запада, но не могут решительно утверждать, пришел он раньше или позже Ица или, может быть, одновременно с ними».

Кукулькан (*кукуль* — перо или птица кецаль, *кан* — змея) — это майянская форма имени Кецалькоатль (*кецаль* — птица, *коатль* — змея). Как видно из сообщения Диего де Ланда и из других источников, Кецалькоатль был сначала военным и религиозным вождем города Тула, а затем был обожествлен, как воплощение планеты Венеры и бога растительности. Изгнанный из Тулы в результате происков своего врага Тескатлипоки, он ушел на юг, в район Веракруса или Табаско, а потом вышел на плоту в открытое море. Другая версия легенды о нем указывает, что он сложил на плоту костер и, выйдя в море, зажег его, а через восемь дней (период, когда при нижнем соединении с Солнцем Венера невидима) появился на небе. Вопрос о Кецалькоатле-Кукулькане составляет в наше время предмет самых

усердных исследований, и большинство ученых согласны в том, что он был реальной личностью, точно так же, как отнюдь не легендарным оказался легендарный город Тула, руины которого не так давно обнаружены вблизи современного города Толлана.

Не выясненным остается не только отождествление личности Кукулькана, но и происхождение индейцев ица. Некоторые историки склонны считать их тольтеками, творцами и любителями мифов о Кецалькоатле; по мнению других ученых, они были группой майя из Табаско, которые, как и индейцы майя-чонталь поклонялись Кецалькоатлю и пользовались некоторыми элементами тольтекской культуры. Это последнее мнение подкрепляется тем фактом, что майянское имя Ица встречается и в окраинных районах Юкатана. Во всяком случае, индейцы ица были очень близки к тольтекам, что вытекает и из одной сказки майя (книга *Чилам Балам* из Чумайеля, о которой мы еще будем говорить ниже). В этой сказке сообщается, что эмблемами ица были птица кецаль, ягуар и плоский драгоценный камень, но те же птица кецаль и ягуар были эмблемами и воинов из Тулы.

Летописи майя указывают, что господство индейцев ица над городом Чичен-Ица продолжалось свыше двух столетий. Некоторые источники упоминают о тройственном союзе Чичен-Ицы, Майяпана и Ушмаля, хотя археологические исследования свидетельствуют, что город Ушмаль был заброшен на протяжении почти всего этого периода.

Итак, Новое царство майя переносит центр своей культуры к северу, из Вашактуна, Тикаля, Паленке и Киригуа в Чичен-Ицу, Майяпан и Ушмаль, и культура майя впитывает некоторые тольтекские элементы, важнейшими из которых было поклонение Кецалькоатлю-Кукулькану. Теперь перед нами в самом деле культура, в которой господствует «Пернатая Змея». Изображается она с удивительно большой головой и открытой, словно готовой укусить пастью, со свившимся в кольцо телом, покрытым хвостовыми перьями птицы кецаль. Из Тулы в Чичен-Ицу были перенесены Тескатлипока, всесильное божество, изгнавшее Кецалькоатля, Тлачитонатиух (Восходящее Солнце), глубоко почитавшийся бог войны, и Чикомекоатль (Семиглавая Змея), богиня кукурузы, изображавшаяся как некий персонаж без головы, из шеи которого тянутся веером семь змей. Наконец, в их культе появляются изображения тольтекских божеств дождя, под названием *тлалоки,* которые однако не смогли совершенно вытеснить соответствующих им богов майя — *чаков.*

В городах майя, претерпевших влияние тольтекской миграции, теократия утратила свое влияние, теперь в обществе здесь господствует воин. На фризах пирамид и платформ изображаются ягуары и орлы, символы военных орденов; многочисленны становятся изображения жертвоприношений (воины преподносят богу Восходящее Солнце сердца принесенных в жертву), а высеченные на стенах ряды человеческих черепов напоминают о зловещих *цомпантли* — стеллажах, на которых тольтеки (а позднее астеки) укладывали черепа

своих пленных жертв, убитых в честь кровожадных богов и во славу воинства. Давно прошел тот классический период, когда человеческие жертвоприношения совершались лишь по определенным праздникам, а главными занятиями были строительство дворцов и изучение наук, связанных с календарем.

Жизнь выдвинула необходимость найти обозначения для новых понятий, которых в древнем языке майя не существовало, и, по примеру других мексиканских языков, они были заимствованы у пришельцев из Тулы; таковы, например, слова *тепаль* или *тепуаль,* то есть хозяин, рабовладелец, *масехуаль* — слуга, простой человек, *текпан* — большой коллектив, дворец, *тенамитль* — укрепленный город, крепость, *тепен* — величие, блеск, слава.

В период Нового царства Пернатой Змеи города майя становятся настоящими крепостями. Они строятся уже не на открытых равнинах, а на островах, в центре озер, в холмистых районах или в лесах и окружены частоколом; один из них был окружен живым заслоном из буйно растущей агавы. В своем знаменитом походе Эрнандо Кортес встретил в северо-восточных районах Петена немало таких укрепленных городов; один из них им описан так: «Город стоит на возвышенной скале, и с одной стороны его — большое озеро, а с другой — глубокая река, впадающая в это озеро. Доступ в город возможен только в одном месте, и весь он окружен глубоким рвом, за которым стоит частокол, высотою в две тозы (около 3,9 м) с маленькими окошками для метания стрел. Над этим

забором на шесть или восемь футов (2,27—2,4 м) возвышаются сторожевые башни, а на некоторых башнях навалены кучи камней для защиты».

Итак, в жизни майя произошли решительные перемены: пришлая руководящая верхушка навязала древним племенам майя с Юкатана и из горных районов Гватемалы чужой культ и новый образ жизни. Простые люди, производители кукурузы и ремесленники, вынуждены содержать теперь новых хозяев, считавших войну главным средством управления. Юкатанские города, еще не попавшие под тольтекское господство, в своих заботах о том, чтобы устоять, тоже вынуждены были принять меры для обороны. По-видимому, лишь центральные районы «трапеции» не претерпели в этом отношении слишком больших изменений; эти районы были изолированы природой и для завоевателей не представляли особого интереса.

В период тольтекского влияния и позднее, при астекском господстве несколько раз вспыхивали восстания и начиналось движение за независимость некоторых городов майя. Самым значительным было восстание в Майяпане во главе с Хунак-Кеелем (или Кауйчем), ставшим впоследствие народным героем майя, воспетым в легендах книги *Чилам Балам.* Его выбрали вождем после того, как во время одного жертвоприношения богам дождя он совершил мужественный поступок.

В Чичен-Ице предназначенных для принесения в жертву бросали в священный колодец; кто оставался в живых, поднимался по скалистой стене колодца, принося людям ответ богов дождя: сколько будут лить дожди и каков будет урожай в следующем году. Во время одного из жертво-

приношений, когда ни одна из жертв не осталась в живых, Хунак-Кеель, или Кауйч, бросился в колодец по доброй воле и принес решение богов. В книге *Чалам Балам* из Чумайеля об этом рассказывается так: «И тогда пришли люди, которых должны были бросить в колодец; и стали бросать их, чтобы вожди могли услышать их предсказание. Но предсказания не было (то есть, они все утонули — *Х. М.*). И тогда Кауйч, Хунак-Кеель — таково имя бывшего там мужчины — склонил голову над южным краем колодца. И тогда он бросился вниз. И потом поднялся, чтобы принести предсказания. Люди стали слушать его. А потом стали выкликать его вождем и посадили на трон вождей. Потом объявили его первым среди вождей. А раньше он вождем не был».

У майя в самом деле был вождь по имени Хунак-Кеель, но не в Чичен-Ице, а в Майяпане, откуда он, вероятно, происходил. Наделенный выдающимися достоинствами, он сумел превратить Майяпан в главный город на Юкатане, победив Чак Шиб Чака, вождя Чичен-Ицы и военных вождей из Ицамаля. Майяпан оказывал сильное политическое и религиозное влияние на всю эту область, объединив на какое-то время под своей гегемонией двенадцать крепостей майя. В руинах Майяпана обнаружены остатки большого дворца, где, по всей вероятности, собирались вожди разных майянских городов-государств. В некоторые исторические моменты население этого города достигало 10 тысяч человек, что для того периода было достаточно высокой цифрой.

В этот последний период цивилизации майя, в период упадка, когда совершился переход от срав-

нительно миролюбивой теократии к теократии военной, города (в том числе и Майяпан) располагались в бесплодных, скалистых, лесных или болотистых районах, наиболее удобных для обороны; они уже не представляли собою земледельческих обществ, а добывали провизию из покоренных силой оружия близлежащих районов. В архитектуре Майяпана этого периода заметны следы деградирования. Дворцов, вроде Храма воинов или Храма Кукулькана, характерных для предшествующего периода в истории Чичен-Ицы, уже не строится. Зато развивается строительство из каменных блоков, покрытых толстым штуковым слоем, колонны укорачиваются и весь стиль производит впечатление неумелого подражания архитектуре города Чичен-Ица.

Чичен-Ица и, в меньшей степени, Ушмаль воплощают собою вершину культуры майя в эпоху Нового царства. Чичен-Ица (обнаружен в 1885 году) поражает величием своих монументов, вроде Дворца жриц, Астрономической обсерватории (здание-улитка) и Пирамиды Солнца. Вместе с дворцами Ушмаля и порталом Геркулеса из Чичен-Вьехо, они являются свидетельствами второй и последней эпохи расцвета культуры майя; порабощенный астеками и истерзанный внутренними междоусобицами, союз крепостей майя постепенно распался.

Почти двухвековое господство города Майяпана завершилось восстанием против рода Кокомов (потомков Хунак-Кееля), во главе с Ах Хупаном из рода Тутуль Хиу. Восстание, вызванное тем, что вожди злоупотребляли продажей рабов астекам, завершилось победой восставших, город

Майяпан был разграблен. *Коком* (это слово вошло в язык майя в значении вождя, главы воинства и администрации) был свергнут и убит вместе со своими сыновьями, однако один из его сыновей, находившийся в тот момент в Гондурасе, остался в живых.

Конец гегемонии Майяпана облегчил астекам захват главных городов и ускорил политический и культурный распад крепостей майя. Строительство почти совсем прекратилось, а города, высвободившиеся из-под власти Кокома и оказавшиеся под угрозой астекского нашествия, начали враждовать; только в горных районах Гватемалы племя майя-киче, жившее к северу от озера Атитлана, сохранило на короткое время гегемонию. Затем последовали астекские нашествия, когда городские центры майя превратились в данников живого товара, поставляя рабов для жертвоприношений, и испанская колонизация, нанесшая древней цивилизации последний удар, после которого она уже не могла подняться.

Культура Ла вента(ольмеки)

А. Период формирования: примерно 500 г. до н. э. — 320 г. н. э.

Б. Древнее царство майя	Первый период: 320 — 633 гг. второй период: 633 — 731 гг. третий период: 731 — 987 гг.
В. Новое царство майя	период возрождения: 987 — 1194 гг. период тольтекского влияния: 1194 — 1441 гг. период астекского влияния: 1441 — 1521 гг.

Испанская колонизация

«БЛАГОРОДНАЯ» ПТИЦА КЕЦАЛЬ

Древние города майя оживали только во время важных религиозных церемоний и торговых дней. В промежутках между этими событиями в городах оставалась лишь знать да слуги, в обязанности которых входила забота о культовых дворцах, хранение масок и церемониальных одежд.

А в праздничные дни, предназначенные для церемоний, центры вновь наводняла толпа. Приезжали, часто из отдаленных районов, торговцы и покупатели, продавались товары из южных районов — обсидиановые орудия, зеркала, глиняная домашняя утварь, краски, смола копал и другие товары, в том числе и украшения. После завершения сделок купцы и покупатели несли свои жертвенные дары в скромные святилища, ибо богатые храмы были только для знатных. Затем на специальной площадке в центре города проходили

игры с мячом и представления, в которых танцы совершались в фантастических масках, под звуки барабанов и духовых инструментов.

Следует отметить, что эти празднества почти без изменений сохранились у майя вплоть до наших дней, особенно в селениях горных районов Гватемалы. Даже в наши дни майя живут в разбросанных поселениях поблизости от своих кукурузных полей, и в определенные праздничные дни собираются в городах для участия в важных религиозных церемониях (правда, католических, но с ритуалом, напоминающим их древние традиции) и во время различных гражданских событий, например, выборов административных органов. По свидетельствам многочисленных путешественников современные города Гватемалы и Гондураса живут жизнью, сходной (конечно, в ограниченном смысле) с жизнью, какая была здесь и тысячу лет назад: в промежутках между большими праздниками, вообще совпадающими со временем ярмарок и карнавалов, они полубезлюдны.

Этот характерный для древних церемониальных центров майя образ жизни претерпел некоторые изменения к концу так называемого классического периода, когда города стали превращаться в крепости и окружаться крепостными стенами или же перемещаться в менее доступные места, на вершины холмов, на острова, на береговые косы, окруженные глубокими рвами. Но даже в этот период площадь для церемоний, — находившаяся в центре города, окруженная террасами, платформами, пирамидами и часто многочисленными памятными стелами, всегда прямоугольная, построенная по плану, который не менялся тысячеле-

тиями, — продолжала играть роль культового и торгового центра, где в определенное время собирались представители всего общества.

Во многих городах Юкатана возвышались монументальные ворота, иногда очень внушительных размеров, что ввело в заблуждение некоторых археологов конца прошлого века: использовались они лишь в церемониальных целях, а отнюдь не для въезда в крепость (ибо древние майя не знали колеса и повозки, не имели вьючных и тягловых животных). Довольно широкие улицы связывали между собой разные кварталы, а искусно проложенные дороги, хотя и только для пешеходов, а не для транспорта, связывали окраинные районы с такими крепостями как Тикаль, Вашактун и Ошкинток. На северо-востоке «трапеции», а также в районе Кинтана-Роо была довольно густая сеть сельских дорог. Одна из этих дорог, шириной свыше девяти метров, связывала города Коба и Яхуна, протянувшись на сто километров.

Самой богатой из населяемых древними майя областей был, как уже говорилось выше, лежавший на юге «трапеции» край, охватывавший территорию современной Гватемалы и часть Гондураса. Здесь находились запасы обсидиана (твердого вулканического стекла, образовавшегося при быстром остывании лавы), который служил сырьем для производства ножей и наконечников копий. Вулканический туф (плотно слежавшийся вулканический пепел), выдерживающий очень высокую температуру, был прекрасным сырьем для производства керамики, а жители тихоокеанского побережья были большими мастерами этого дела. Древние майя знали сульфид железа и пользо-

вались им для изготовления зеркал, а красный железняк (окись железа) составлял у них основу широко применявшихся вишнево-красных красителей. К концу периода тольтекского влияния майя, по всей вероятности, добывали и медную руду и извлекали золото из речного песка, но первых высадившихся на Юкатане испанцев разочаровало ничтожное количество найденного здесь золота, и Эрнандо Кортес предпочел отправиться дальше, к «позолоченному городу» Теночтитлану.

У древних майя не столь ценилось золото, сколь перья птицы кецаль. В самом деле, товаром, который, вероятно, больше всего обогатил горные районы «трапеции» майя, были, как ни странно нам кажется сегодня, хвостовые перья кецаля, редкой птицы, обитавшей только в очень высоких горных районах, особенно в горах северной Гватемалы и близлежащих районах Чиапаса и Британского Гондураса. Эти перья пользовались большим спросом: из них изготовляли одежду для знати, они были отличительным знаком знатных граждан.

Хвостовые перья кецаля были предметом широкой торговли, как и нефрит, считавшийся самым ценным украшением и достигавший в торговле Центральной Америки очень высокого курса. Нефрит добывали в горных районах или собирали по руслам рек. До недавнего времени исследователи склонны были считать, что его привозили из других мест, но в последние годы были открыты довольно богатые месторождения нефрита в горах севернее Сакапы, откуда он, вероятно, и поступал в торговую сеть древних крепостей майя.

Среди промыслов, практиковавшихся древними майя, первое место занимала охота. Любопытно,

что лук и стрелы появились у майя довольно поздно, уже в период господства кокомов, вождей Майяпана, будучи введены, вероятно, мексиканскими наемниками, находившимися на службе у крепостных властей. Нет никакого сомнения, что десятки тысяч лет назад лук и стрела пришли из Азии вместе с охотниками, пришедшими на Аляску через Берингов пролив, но на юг они продвигались страшно медленно. Во всяком случае, в Древнем царстве майя они были неизвестны, на изображениях из Чичен-Ицы их тоже нигде нет, и появляются они только в Майяпане. Впрочем, когда майя узнали лук и стрелы, они стали применять их по всей своей территории как на охоте, так и в военных целях. До их появления майя пользовались капканом и копьем, а на птиц охотились с сарбаканом — трубкой с глиняным шариком на конце, который они метали необыкновенно ловко.

Основным занятием и в то же время основной пищевой базой являлось земледелие. Самыми главными техническими культурами были обыкновенная агава, дающая прочное волокно, и мексиканская агава, возделывавшаяся на гватемальском плато, а также и другие ее разновидности, использовавшиеся для изготовления одежды, веревок, мешков. Из сока агавы древние майя делали хмельной напиток — *бальче,* своего рода водку, которая использовалась главным образом при ритуалах; этот напиток давали тем, кто должен был быть принесен в жертву, «чтобы им легче было сообщаться с богами». Разумеется, эффект напитка нельзя проверить, но так или иначе, опьянение позволяло жертвам легче переносить кровавый обряд.

Из продовольственных культур выращивались картофель, сладкий батат, черная фасоль, тыква и другие (к которым мы еще вернемся), но главным образом кукуруза. Многие ученые считают, что кукурузу (культурную, а не дикую) человечеству подарили древние майя. Во всяком случае, кукуруза была материальной базой цивилизации майя, а также и других цивилизаций Мексики и Центральной Америки. Поэтому на ней следует остановиться особо.

ЛЕГЕНДЫ О «БОЖЕСТВЕННОЙ ТРАВЕ»

Религиозные легенды некоторых европейских народов утверждают, будто первый человек был сделан из глины; древние же майя считали, что он был из кукурузы. Кукуруза, их главная пища, вместе с птицей кецаль с ее длинными хвостовыми перьями, составляли главные элементы цивилизации майя.

Вполне вероятно, что люди впервые начали выращивать кукурузу именно на территории, населенной майя. Тридцать американских специалистов — археологов, этнографов, ботаников, зоологов, географов и геологов, работавших под руководством Ричарда С. Мэк Ниша, в течение трех лет (1961—1964) вели обширные исследования в крупных долинах южной Мексики, особенно в долине Теуакана, определив около 400 пунктов со следами человеческого обитания. Находки в пе-

щерах привели их к выводу, что 12 000 лет назад здесь существовало организованное первобытное общество. Люди пользовались каменными орудиями, переселяясь с места на место в поисках пищи.

В числе прочего в пещерах долины Теуакана найдены и остатки кукурузы — зерна, листья, пустые початки (в шести пещерах найдено более 20 тыс. початков). Исследования определили, что одни из окаменелых остатков — это дикая кукуруза, а другие — культурный сорт, появившийся там примерно в 5200 г. до н. э., когда местное население занималось земледелием, пользуясь уже более усовершенствованными орудиями из обтесанного камня и костей крупных животных. Это открытие внесло определенную ясность еще в одну остававшуюся нераскрытой до наших дней загадку: дикая кукуруза из долины Теуакана — прародительница всех ее культурных сортов.

У древних майя была любопытная легенда (по всей вероятности, более древнего, тольтекского происхождения) о том, что человек стал человеком благодаря кукурузе. Легенда рассказывает, что давным-давно кукуруза, называемая «божественной травой», была скрыта в пещере Синкальи, «кукурузном жилище», и благодаря ей плодоносило чрево женщины и питались еще не родившиеся и росшие во чреве младенцы. В то время лишь особое расположение богов позволяло людям находить иногда заросли дикой кукурузы, и часто они вынуждены были голодать. На вопрос, где находится пещера Синкальи, позволителен был лишь такой ответ: «Это известно одним богам».

В действительности же и сами боги не знали, где находится их «божественная трава», и послали

на поиски одного из своих, который узнал, что в определенные ночи красный муравей заползает в «жилище кукурузы» и выползает оттуда. Но где находится это жилище, он узнал только через пятьдесят два года, когда увидел красного муравья, выползающего с большим кукурузным зерном на спине из трещины в каменной горе. Тогда бог обернулся муравьем и пробрался через трещину в пещеру Синкальи, которая была полным-полна золотистых зерен. Бог забрал сколько мог этих зерен и отдал их людям.

И с тех пор человек в самом деле стал человеком. Ему уже не нужно было бродить по земле в поисках пищи, он зарыл зерна в землю и стал ждать, когда они «оживут» и дадут ему пищу. А в ожидании сложил себе хижину. Когда хижин стало много, родилось селение, а из многих селений родился народ...

Но человек не должен забывать бога, подарившего ему кукурузу, должен почитать его и благодарить, приносить ему жертвы. Иначе бог разгневается и пошлет слишком большой зной или слишком много влаги, чтобы его трава засохла или сгнила, наказав таким образом неблагодарных людей.

Это одна из многочисленных у майя легенд о кукурузе, считавшейся «божественной травой». К концу ее видно, что положение было вроде бы не таким уже тяжелым, потому что люди научились предотвращать гнев богов, сооружая плетеные амбары, куда в особо урожайные годы складывали кукурузу про запас на неурожайное время. В доказательство воспользуемся свидетельством одного испанского солдата, который описывал один из

походов на Юкатан. Придя в селение майя, капитан отряда потребовал от вождя показать, где спрятано золото. Вождь привел их к своеобразной кладовой, засыпанной от пола до потолка золотистыми зернами. Солдаты католического короля бросились хватать эти золотистые зерна пригоршнями, но, к их великому разочарованию, оказалось, что это зерна какого-то растения. Зерна не возымели успеха и при испанском дворе, куда капитан поспешил отправить в качестве образца несколько полных горшков. Королевскому двору они были давно известны : за несколько лет перед этим их привез Колумб, открывший вместе с Америкой и кукурузу...

Другая легенда майя говорит, что сначала кукуруза была скрыта под огромной каменной горой, где ее обнаружили муравьи. Они вырыли под горою ход и выносили оттуда драгоценные зерна. За ними подсмотрела любопытная лисица, она попробовала кукурузу, и та ей пришлась по вкусу. Постепенно все животные оценили эту новую пищу и даже человеку она очень понравилась. Но доставать ее могли только муравьи.

Тогда человек попросил богов дождя помочь ему добраться до кукурузы. Три божества попытались расколоть гору громом и молниями, но не смогли. Тогда их вождь, старый бог, до тех пор отказывавшийся от этих попыток, послал дятла простукать гору и найти место, где камень тоньше. Когда это место было найдено, бог велел дятлу спрятаться за скалой и послал один из своих самых мощных громов и расколол каменную гору. Однако любопытный дятел, не послушав бога, высунул го-

лову из-за скалы, одна из молний задела его, и с тех пор голова у дятла красная.

Жар от молний, посланных вождем богов дождя, был столь велик, что частично кукуруза сгорела, одни зерна подрумянились, другие были слегка опалены, а некоторые остались нетронуты ; поэтому и существуют четыре сорта кукурузы — черная, красная, желтая и белая.

А вот еще одна легенда о кукурузе, отзвуки которой и сегодня еще встречаются в индейском фольклоре на высоких плоскогорьях Гватемалы, а также и в книге *Чилам Балам* из Чумайеля. Кукуруза была спрятана в «зеленом камне богов» (в нефрите) ; боги раскололи его и дали кукурузу людям в пищу, а нефрит — на украшения. И наконец, более поздняя легенда, распространившаяся одновременно с завоеванием Юкатана астеками, говорит, что кукурузу похитил у богов и отдал людям Кецалькоатль, за что люди возвели этого великого вождя в ранг богов.

О кукурузе у древних майя сложен целый цикл легенд, сложная мифология, свидетельство того, что это растение играло в их жизни исключительно важную роль. У них был даже бог кукурузы, который изображался с длинными шелковистыми волосами, олицетворявшими шелковистые нити, одевающие кукурузный початок. У кукурузного поля — *мильпы* — были свои духи, а початки, зерна, зеленая оболочка и стержни початков наделялись определенными символическими значениями, связанными с плодородием земли.

Влияние этой мифологии о кукурузе было настолько сильным, что она устояла в веках перед

всеми религиозными воздействиями и концепциями европейцев.

Книга *Чилам Балам,* относящаяся ко второй половине XVI века, то есть к периоду уже после официальной христианизации среднеамериканцев, отождествляет Иисуса, «хлеб жизни», с богом кукурузы...

Более поздние отклики мифологии о кукурузе еще и сегодня ощутимы, особенно в Британском Гондурасе и на Юкатане, и не только в фольклоре индейцев, но и в обычаях, связанных с полевыми работами.

ИШ БАКАЛЬ И АХ ПЕЦ УЙК

В отличие от городов, мелкие поселения майя располагались в укрытых местах, часто на лесных полянах. В одних областях жилища, точнее сказать, хижины, были круглые, в других — прямоугольные или овальные, но все они покрывались камышом или пальмовыми листьями.

В такой хижине располагалось все семейное имущество: *метате* (жернова для размола кукурузы), керамические сосуды, бутылочные тыквы, дрова. Обстановка хижин была примитивной: один или два дощатых ложа с рогожной подстилкой и несколько низких сидений. Тут же стояли плетеные мешки с кукурузным зерном и тканые мешки с фасолью; окошек в хижинах не было, печей тоже. На полочке хранились маленькие глиняные идолы. И в каждой хижине стоял ткацкий станок, на котором женщины изготовляли ткани

из волокна агавы и американского хлопка. Орудия для добывания огня трением — острая, из твердого дерева палочка и кусочек сухого и мягкого дерева — использовались довольно редко; огонь еще с вечера поддерживался таким образом, что к утру сохранялись горячие угли. Иногда к потолку хижины подвешивались деревянные блюда и глиняные горшки. В центре хижины нередко стояла грубая лестница, по которой можно было залезть на чердак, где лежали запасы кукурузы, фасоли, тыкв. Сосуды с водой стояли у входа. Теплая зимняя одежда служила и одеялами. В одном углу лежали орудия мужского труда, обсидиановые и кремневые наконечники, капканы, копье, две-три шкуры, мешочки с краской для гончарного дела. Собаки спали в хижине вместе с детьми.

Такая хижина была характерна для семейных. Незамужние девушки жили и работали в родительском доме, а юноши, достигнув пятнадцатилетнего возраста, переселялись в «мужской дом» на окраине селения, и жили там до самой женитьбы, которая обычно была принята примерно в двадцать лет.

Брачные обычаи древних майя в какой-то мере сходны с африканскими, но в то же время и с некоторыми старыми свадебными обрядами, бытующими в разных областях Европы (в том числе, и в Румынии). Чтобы дать о них представление и показать, как жили простые майя, земледельцы и охотники из мелких поселений вокруг больших городов, мы позволим себе обратиться к археологу Джону Эрику С. Томпсону, который в свой труд о древней цивилизации майя «The Rise and

Fall of Maya Civilisation», University of Oklahoma Press, без указания имени автора) включил несколько рассказов — очерков из их повседневной жизни, лишний раз доказав этим, что ученый может быть в то же время и писателем.

В двух его рассказах (которые мы передаем ниже в свободной обработке) речь идет о юной крестьянской паре — Иш Бакали и Ах Пец Уйке (*иш* — частица, стоявшая у древних майя перед женским именем, а *ах* — перед мужским). Повествование это — не новелла и не рассказ в собственном смысле, в нем нет ни конфликта, ни выдающегося события, просто это описание жизни рядовых людей, с их привычками, бедами и маленькими радостями.

*

«Молодой Ах Пец Уйк жил в последнее время в каком-то беспокойстве, которое по-своему объяснял, глядя на своих товарищей по мужскому дому. Один за другим его друзья-однолетки ушли из этого жилища, женившись. Остались только юнцы шестнадцати-семнадцати лет, на которых он посматривал с превосходством, потому что сам был уже близок к двадцатилетию. Но пока у него нет причин волноваться : если все будет как надо, он тоже не задержится здесь, ибо переговоры о женитьбе приближаются к концу.

Первый раз Уйк заметил Иш Бакаль, когда шел с друзьями к сеноте купаться. На перекрестке двух лесных троп он увидел ее в группе подружек ; ему удалось рассмотреть ее получше, прежде чем девушки повернулись к нему спиной, как того требовал обычай ; к тому же, они и не

могли отвернуться слишком быстро, ибо на головах у них были кувшины с водой.

После этой встречи Уйк часто приходил к тому перекрестку троп в то время, когда носящие воду девушки возвращались с озера. А потом поговорил о женитьбе со своим отцом; во время разговора мать была вроде целиком занята своим ткацким станком, а на самом деле не пропускала ни слова. Мысль о том, что он лишится поддержки сына на полевых работах, на охоте и заготовке дров, омрачала отца, но недавно он выдал замуж старшую дочь, теперь ее муж работал с ним, так что он согласился послать свата к родителям Иш Бакали.

Сват принес благоприятные вести и решено было вместе навестить семейство Иш Бакали в их хижине. Это было намечено на первый день Кабана, день богини Луны, покровительницы женитьбы.

Ах Пец Уйк и Иш Бакаль между тем не обменялись и словом. Но молодому мужчине казалось, что девушке он пришелся по сердцу и она не станет противиться замужеству. И через несколько дней его предположение подтвердилось. Проходя мимо хижины девушки за несколько часов до назначенного визита, он увидел, что она ткет на своем станке узор, состоявший из прикрывающих кукурузный початок листьев и цветов. А ведь все, кто понимает юкатанский язык, знают, что *Уйк* — это «маленький цветок», а *Бакаль* — «одевающие початок листья». Это был единственный способ, которым Иш Бакаль могла выразить свои чувства, ибо обычай требовал, чтобы в выбор мужа будущая невеста не вмешивалась ни сло-

вом, такое важное дело должны решать ее родители при совете жреца.

Визит свата и родителей Уйка прошел благоприятно. Как полагается, сначала ни слова о предложении. Говорили о том, что делается на полях, о том, что кукуруза не уродится, если будет засуха или сырая погода, о том, как бороться с нашествием саранчи, и что прошлогодние жертвоприношения не совсем устранили засуху, и это не удивительно, потому что год начался с рокового дня *кавака*.

Потом гостям принесли тыкву с какао, смешанным с перченой кукурузной мукой, и это было знаком к тому, чтобы разговор пошел по иному руслу; ведь на Юкатане какао выращивали не слишком много и было не в обычае угощать столь дорогим напитком в такой семье, как у Иш Бакали, которая вовсе не принадлежала к городской знати. Итак, это было знаком, что хозяева хижины не против сватовства, но считают, что их семья стоит выше и следовательно, выкуп за невесту будет большой. Но сват был готов достойно ответить на это.

Ловко переведя беседу с урожая к истинной цели визита, он заметил, что семьи Уйка и Бакали могут объединиться, женив своих отпрысков, затем стал перечислять достоинства юноши, прекрасного земледельца и охотника, расхваливая его с красноречием южного купца, продающего драгоценный камень.

Старый Ах Бакаль притворился страшно удивленным этим предложением, но не забыл сказать, что, правда, ему не следовало бы удивляться, ибо благодаря исключительным талантам его дочь,

которая умеет прекрасно ткать и готовить еду, желали бы взять в жены многие живущие по соседству юноши.

— Кроме того, — добавил он, — по всему видно, она может родить много детей. И красоту ее позволительно сравнить с красотой юной богини Луны. В семье ее прозвали еще Иш Кукуль — Перо Птицы Кецаль — так она выдается своей красотой и достоинствами.

Сват ответил пространным перечислением достоинств Уйка. После общего разговора о заслугах обоих, продолжавшегося довольно долго, подошли к более конкретным вопросам, и сват предложил:

— Уйк наделен столькими достоинствами, что родители его считают излишним платить обычный выкуп. Но, согласно обычаю, он будет служить тестю после женитьбы три года, помогая ему в полевых работах, охотясь с ним вместе, разыскивая медовые соты и заботясь о том, чтобы у семьи всегда были дрова. Кроме того, он заплатит четверть кипы зерен какао, восемь бусин, вырезанных из драгоценного красного камня, тринадцать пластин копала, толщиною с кукурузный початок, и две кипы неочищенного хлопка.

Ах Бакаль тотчас же заметил, что такой выкуп слишком мал. Потом позвал дочь и спросил перед всеми, согласна ли она выйти замуж за Уйка, разумеется, если они сойдутся в цене выкупа. Она ответила утвердительно, но притворилась, что все это мало интересует ее. Тогда Ах Бакаль предложил продлить срок отработки зятя до пяти лет и удвоить количество хлопка и какао.

Сват вежливо отказал, а затем добавил:

— У тебя, Ах Бакаль, нет сыновей. Не надо забывать, что ты уже не так крепок, как был в молодости, сильный зять для тебя будет благословением.

Это был самый веский аргумент, ибо Уйк славился как хороший работник.

Торг еще продолжался, и в конце концов согласились на том, что будущий муж отработает у родителей невесты четыре года и отдаст им столько товаров, сколько было предложено вначале. При следующем визите сделка была закреплена обменом тыквами и расписной глиняной посудой, а потом отмечена угощением, принесенным гостями. После торжественного обеда отец Уйка пошел в мужской дом, объявил сыну добрую весть и вручил ему расшитый узорами передник — дар его будущей жены.

Оставалось попросить совета у жреца. На другой день сват отправился к нему с полной тыквой кукурузной муки, в качестве дара. Жрец объявил, что между богами, под покровительством которых родились молодые люди, нет никаких разногласий. Напротив, соединение их стоит под очень благоприятным знаком: Уйк родился в третий день Кана, а как известно, Кан — день бога кукурузы, а тройка — число богов дождя и молний, благоприятствующих урожаям. Для девушки по имени Одевающие Початок Листья и нельзя желать лучшего мужа. День ее рождения — седьмой яшкин — стоит под знаком бога Ягуара и бога жертвоприношений, которые не противятся этому браку. Затем, сделав какие-то расчеты, жрец назвал дни, благоприятные для того, чтобы отпраздновать бракосочетание.

Прошло еще некоторое время, пока родители смогли собрать родственников и друзей на постройку хижины для молодых. Хижину поставили на задах родительского жилья Бакали, и постройка продолжалась всего два дня, после чего Уйк с помощью своего тестя сделал ложе из деревянных досок, связанных лианами, и несколько полок. Очаг — три сложенных треугольником камня, сделать было легко, но надо еще укрепить как следует стол для *метате* Иш Бакали, чтобы он выдерживал удары песта. Родители принесли в новую хижину горшки, корчаги, кухонную утварь, сосуды из тыквы, плетеные корзины, покрывало на постель, цыновку.

За день до свадьбы Уйк готовился к уходу из мужского дома, где все подтрунивали над ним. В эти дни там жило несколько кекчских купцов, пришедших сюда с Альта Верапас, с отдаленных южных гор, в надежде обменять обсидиановые камни на знаменитые юкатанские ткани. Сидя возле огня, они участвовали в общей беседе.

— Приезжали бы в наши края выбирать себе жен, — сказал один из них, обращаясь к юному Уйку. — У нас девушки проходят испытание еще до свадьбы. Невеста должна показать юноше, как она умеет молоть кукурузу и печь лепешки. И если ты обнаружишь, что девушка до свадьбы вела себя недостойно, ты можешь отправить ее обратно и тебе вернут заплаченный выкуп. У озера Атитлана юноша, чтобы показать, что девушка интересует его, подкараулит ее, когда она идет с кувшином воды на голове, и разобьет кувшин. Если юноша ей по сердцу, она молчит, а если рассердится, значит, не хочет его, и он должен купить

ей другой кувшин. Этот обычай гончары поддерживают от всей души.

Юноши из мужского дома не очень верили рассказам купцов, ибо пришельцы издалека обычно всегда плетут небылицы. Но купец утверждал, что сказал истинную правду.

— Вы жалуетесь, что выкуп за женщину слишком велик, — продолжал он. — Тогда отправляйтесь в Кампече. Там за женщину дают только лук и две стрелы и в первый год после женитьбы ее можно отправить назад, когда хочешь.

На другой день утром мать Уйка преподнесла Иш Бакали свадебную рубашку и блузу, которые сама выткала для нее ; а сын ее подарил ей новый передник, украшенный перьями попугая, и еще одну блузу. Отец дал ей пару сандалий и ожерелье из сверкающих крылышек жуков. Приятным сюрпризом был для нее дядин подарок — сережки из твердого дерева, с рисунком из красных и желтых цветов.

Свадебная церемония состоялась вечером, в хижине семьи Бакаль. Во время традиционной трапезы, обильно сдабриваемой бальче, два жреца произнесли краткую речь, прося богов наградить новую хижину детьми. Дядя невесты тоже сказал несколько слов, правда, запинаясь, ибо все время, пока длилось застолье, в изобилии пил хмельную бальче. Потом новобрачных проводили до новой хижины, где жрец отслужил еще одну службу, окуривая жилище копалом и обращая к богу свои молитвы.

На другое утро Иш Бакаль встала еще до зари. Быстро помолившись для очищения от грехов, она

согнулась над горячей золой, оставшейся с вечера, подложила хворосту и стала раздувать искры. Потом вынесла из хижины большую корчагу и достала из нее кукурузную муку и известь ; засыпав их в воду, процедила сквозь продырявленную сухую тыкву. Пока стекала теплая вода, она успела хорошенько промыть кукурузу. Смягченная теплой водой оболочка на зернах легко отделялась. Теперь оставалось только размельчить зерно между двумя камнями.

В селе не одна она занималась такими делами. Свет огней мелькал за окружавшими хижины стенами вьющихся растений, скрежет камней зернотерок свидетельствовал, что соседки ее тоже встали ни свет ни заря. Иш Бакаль начала толочь муку пестом и с удовлетворением отметила, что смесь набухает. Потом она поставила на огонь горшок с черной фасолью, все время подкладывая хворост, чтобы огонь был жарче. А позднее присела перед чурбаном и начала раскладывать тесто на широких зеленых листьях.

Шлепки ладоней, лепивших маленькие лепешки, и шелест листьев были как будто знаком, что ее мужу Уйку пора просыпаться. Заря еще не занималась. Из дверей хижины Ах Пец Уйк заметил яркий блеск звезды на восточной стороне неба, а это предвещало, что день будет благоприятным для охоты. Он зашел в хижину, взял сосуд, в котором обычно жгли смолу, и несколько крупинок копала, хранившегося в выдолбленном пустом початке. Склонившись над очагом, он подхватил несколько головешек и сунул в сосуд со смолой, затем поставил его на землю перед хижиной и сел около него на корточки, лицом к востоку. Свои

молитвы Ах Уйк обращал к солнцу, утренней звезде и богу охоты, прося прощения за намерение отнять у животных жизнь и обещая убить ровно столько, сколько ему нужно для пищи. Молясь, он ронял на угли крупицы смолистого копала, не забыв напомнить богам, что его приношение очень скромно, ибо он человек бедный.

Покончив с молитвами, он зашел в хижину, съел кукурузную *тортилью*, круглую и очень пышную, которую Иш Бакаль замесила на зеленом листе и испекла на углях. Другие готовые тортильи проворная женщина засунула в пузатую тыкву, завернув в тряпку, чтобы лепешки не остывали. Присев на сидение с короткими ножками, Уйк лепешкой доставал из горшка фасоль, посыпал ее толченым перцем и ел, в то время, как молодая жена продолжала печь лепешки. Она переворачивала их на решетке из обожженной глины, служившей сковородой, а готовые складывала в тыкву.

Наевшись, Ах Уйк взял лук, колчан со стрелами, крепкую веревку для носки груза, тыкву с едой и направился к хижине тестя. Светлая полоска на востоке, где утренняя звезда стала тускнеть, предвещала, что вот-вот займется заря. Самое благоприятное для охоты время, правда, упущено, ведь, как известно, на хорошую добычу можно надеяться только до зари.

Но сегодня был день Маника, бога охоты.

... Дойдя до окраины селения, Уйк и его тесть остановились в том месте, где находился маленький алтарь и большая куча камней на обочине тропы. Такие алтари, стоявшие со всех четырех сторон при выходе из села, были посвящены бо-

гам четырех концов земли и неба. Оба охотника положили по камню на кучу и смиренно помолились богу востока, чтобы он послал дождь на их кукурузное поле, ибо оно сильно нуждается во влаге.

В окрестностях селения дичь встречалась редко. Но не так далеко от полей тянулась небольшая саванна, бедная песчаная земля, где росли только травы, хилые деревца и редкий кустарник. Уйк недавно спалил траву и теперь, вероятно, оленей привлекают молодые побеги кустарников, которыми снова зарастает земля.

Оба охотника притаились так, чтобы ветер не мог донести их запах туда, откуда они ожидали появления дичи, и в самом деле, вскоре заметили двух оленей, пасшихся как раз в центре маленького участка. Они подкрались как можно ближе, все время прячась за кустарниками. Остановившись на подходящем расстоянии, старший из охотников натянул лук и прицелился; стрела вонзилась оленю в сердце. Раненый зверь едва успел сделать два-три шага и рухнул. Уйк не стал стрелять в другого оленя, ведь если он убьет больше, чем ему необходимо, боги разгневаются и не пошлют ему добычу в другой раз.

Ах Уйк достал из мешка свои орудия для добывания огня и стал быстро крутить палочку, сунув ее в отверстие куска мягкого дерева. Через несколько минут от него поднялась тоненькая струйка дыма; раздув искру, Уйк получил огонь. В это время его тесть набрал сухого хвороста, и вскоре у них горел костер. Старик взял несколько угольков и, присев на камень, насыпал на них крупицы копала. Пока от них поднимался черный

дым со странным, чуть кисловатым запахом, он обратился с просьбой к оленю и через него — к богу охоты, прося прощения за то, что убил его, и объясняя, что был вынужден это сделать, потому что урожай плохой, а его семья нуждается в пище.

Когда эта короткая церемония завершилась, они начали обдирать оленя. Операция несложная: обсидиановым ножом Уйк подрезал снизу всю кожу от морды до хвоста и вдоль ног и снимал ее, выворачивая наизнанку. Только голова потребовала несколько больше хлопот и усилий. Разрезав тушу, охотники насадили куски мяса на сучья ближайшего дерева, как можно выше, чтобы зверье не дотянулось до них.

Все это заняло довольно много времени и, когда охотники добрались до *мильпы*, своего кукурузного поля, был уже полдень. В плетеном амбаре посреди поля, где у них хранились орудия и куда осенью будет ссыпана кукуруза, они оставили свои луки, колчаны со стрелами и мешки и принялись вырывать сорняки, душившие кукурузные стебли. Урожай обещал быть добрым, хотя дожди не были чересчур обильны. «Божественная трава» росла хорошо, мощно развертывая свои листья, зелень которых ярко выделялась на покрытой золой и присыпанной черными, обгорелыми головешками земле.

К обеду на *мильпу* пришла Иш Бакаль, принеся мешок с сушеным кукурузным тестом, которое, будучи размочено в воде, утолило и жажду, и голод обоих мужчин. Они хотели насобирать и принести в село хворосту, но поскольку надо было

нести оленя, этим делом пришлось заняться одной Иш Бакали. Женщина набрала довольно большую кучу хвороста, связала его веревкой, взвалила на спину, закрепив веревку на лбу, и, согнувшись, отправилась домой. Мужчины работали до вечера и, закончив дело, пошли за оленьим мясом.

Дойдя до села, Ах Уйк достал свой рожок — морскую раковину со срезанным кончиком, — поднес его к губам и издал несколько долгих звуков. Услыхав сигнал об удачной охоте, люди со всего селения поспешили к хижине охотника, которая стояла в центре. Здесь каждому досталось по куску мяса. Жрец как важная персона—хотя по своему сану он был гораздо ниже жрецов культового центра — получил целую ляжку. Доля каждого семейства оказалась на этот раз больше обычного, ибо многие жители были в отлучке, работая на строительстве пирамиды в культовом центре.

Уйк искупался в реке и переменил передник. Иш Бакаль приготовила на ужин очень вкусную еду — кукурузные лепешки с олениной и смесь какао с кукурузными побегами и толченым перцем, тоже редкое кушанье, потому что большую часть урожая бобов какао они отдавали жрецам и знатным людям, которые употребляли какао в пищу дважды в день, а излишки его отправляли на Юкатан, где обменивали на различные товары, главным образом, на расшитые одежды. Уйк ел один, а Иш Бакаль, как и полагается хорошей жене, прислуживала ему.

Поужинав, Уйк поднялся со скамейки, чтобы жена тоже могла утолить голод. До наступления темноты еще оставалось время пройтись по селу.

Обычно он останавливался у хижины своего друга Кантула перекинуться словом, но на этот раз обошел ее. Второго сына Кантула, смышленного для своих восьми лет мальчишку, которого все любили, три дня назад забрали в культовый центр. Завтра его принесут в жертву богам дождя, в числе других детей. Кантул горд и ему удается скрывать печаль, но сегодня лучше с ним не встречаться, не добавлять горечи в его сердце.

Уйк тоже был в большом огорчении. Он представлял себе страх в глазах мальчика, когда его несут на носилках, его смуглое тело, почти сплошь покрытое нефритовыми украшениями, и тяжело повисшую на лбу маску бога дождя. Всего несколько дней назад Уйк помогал ему делать лук. Но жертвоприношения необходимы — кукуруза жаждет влаги, а боги жаждут крови. Люди должны выполнять обещание, боги были щедры, но им тоже нужно питаться, чтобы обладать мощью и выполнять свое назначение. Они не станут посылать свои дары — а дождь из них самый ценный — неблагодарному народу, который не дает им пищи, как положено по обычаю. Прошло уже два года, как селение не давало людей для жертвоприношений, да и в прошлый раз в жертву был принесен пришелец из Четумаля.

Раздумывая об этом, Уйк подошел к общей хижине на сельской площади, где старейшины правили суд. Будучи еще молод, он не имел никакого звания в иерархии общины, поэтому пробрался в задние ряды, чтобы только посмотреть и послушать. Обсуждалось очень важное дело. Один человек пожаловался, что собака соседа утащила у него мясо. Ах Бууль, глава старейшин,

ставил себя на место то жалобщика, то виноватого, спокойно обращаясь к ним с утешительными словами и выслушивая их свидетельства.

— Да, это так, — сказал он. — Мясо — редкая еда. Иногда на его добычу уходит много времени. И верно, что у тебя большая семья, и дети ждали этого мяса, которое съела собака. Это нечестно. Никого нельзя обворовывать. Твоя жалоба справедлива.

Потом выслушал, что сказал в свою защиту другой, и опять согласился с ним:

— Да, это так. Человек должен работать и не может следить за собакой все время. И собака, как ты говоришь, была хорошо накормлена. Утром она получила три лепешки. Кто бы мог подумать, что после такого славного обеда она утащит мясо? И ты прав, говоря, что люди должны хранить мясо так, чтобы собаки не достали его, а твой сосед допустил ошибку и не сделал этого. И все же было бы разумнее привязывать собаку, перед тем как ты покидаешь хижину, или брать ее с собой, если твоя жена, как ты говоришь, лепила горшки и была занята.

Затем, посоветовавшись с другими, глава старейшин объявил решение:

— Частично каждый из вас обоих прав, но в то же время и каждый совершил ошибку. Значит, если вы признаете, что это верно, хозяин собаки после первой же удачной охоты должен вернуть соседу половину украденного мяса. Он — один из лучших охотников в селении, и его собака, раз она смогла съесть столько мяса, должна быть очень сильна и может помочь ему на охоте. Согласны ли вы, что это решение справедливо?

Уйк не стал дожидаться ответа, уверенный, что решение будет одобрено. Дух справедливости и старинный обычай, требовавший добрососедства и преклонения перед мудростью старейшин, не вызывали в этом никакого сомнения. Все люди, точно так же как и деревья, урожаи, звери имеют свои права. И никому не позволено ущемлять эти права или забирать себе больше, чем положено. И если такое случается, глава старейшин судит по справедливости, ставя себя на место каждой из представших на суд сторон.

Вернувшись домой, Уйк еще застал Иш Бакаль за делом — она размачивала кукурузу на завтрашний день. В углу были расставлены горшки и корчаги, предназначенные для продажи после жертвоприношений — в торговый день — в культовом центре. Пора уже было ложиться, ибо вставать надо рано, еще до зари. Завтра — день церемоний в честь богов дождя, и все жители селения пойдут в культовый центр на жертвоприношения, которые происходят на главной площади, а потом на базар. Уйк раздумывал, прибудут ли на торг купцы с высоких плоскогорий. Он надеялся, что придут, потому что ему нужны были несколько обсидиановых ножей, в обмен на которые он мог предложить гончарные изделия и бобы какао. Но он опасался, что после смерти сына Кантула уже не сможет торговаться с купцами.

Засыпая, Ах Уйк слышал квакание лягушек; может, вскоре придет благословенный дождь...».

КАЛЕНДАРЬ: РАСЧЕТЫ ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ ТОЧНОСТИ

Как монументальные памятники из крупных поселений майя на юкатанской низменности и на высоких гватемальских плоскогорьях, так и богатые археологические коллекции во всем мире (керамика, изделия из камня, нефрита и т. д.) свидетельствуют о сравнительно высоком развитии древней культуры майя. Фактически, следовало бы различать две культуры майя: культуру Древнего царства, существовавшую на юге в центрах Вашактун, Тикаль, Копан, Паленке, и культуру Нового царства, характерную для северных юкатанских поселений Чичен-Ица, Ушмаль и Майяпан.

Совершенно справедливо утверждение, что эти периоды были не только эпохами художественного расцвета, но в то же время и «скульптурным выражением хронологии майя», поставленным на

службу культу и календарю. Искуство майя не знало иных тем, кроме как связанных с культом. Их наука, которой занимались жрецы, тоже была связана с календарем и основывалась на календарных расчетах.

Археологи, предпринимавшие первые исследования в древних юкатанских и гватемальских городах, заметили, что регулярно через каждые 52 года майя заново облицовывали свои пирамиды камнем или штукатуркой; старая пирамида покрывалась новой оболочкой, а этой последней также надлежало скрыться под новым покровом. Позднее ученые установили, что этот отрезок времени — 52 года — составлял в исторических представлениях древних майя определенный цикл.

Продолжительность года была установлена в 365, 242 129 дня. Ни один из древних народов не достигал в своих расчетах цифры, столь близкой к точному астрономическому году — 365,242 198 дня. Простой расчет показывает, что в определенном древними майя около двух тысяч лет назад годе ошибка составляет всего 0,000 069 дня, то есть чуть побольше секунды в год.

Помимо этого, жрецы майя пользовались вполне — осмелюсь сказать — современными методами определения солнечных затмений, тоже отличавшимися поразительной точностью. Все это подводит нас к выводу, что жрецы майя, в круг занятий которых входило и изучение движения небесных тел, были не просто астрологами, предсказывавшими будущее по звездам, а астрономами и математиками, вооруженными довольно богатыми знаниями в области небесной механики. В отличие от некоторых народов Старого Света

(китайцев, финикийцев и т. д.), у которых астрономия зародилась прежде всего из практической необходимости ориентации на воде и на суше, у древних майя она была подчинена исключительно нуждам календаря, измерения времени.

В Чичен-Ице обнаружен один очень странный по архитектонике памятник, каких нет в других местах Нового Света; это здание-улитка, как его назвали археологи, или *каракол* (по-испански каракол — улитка). Круглое здание на двух поставленных одна на другую платформах имеет отверстия в направлении всех четырех стран света. В стене одного круглого коридора есть еще четыре отверстия, поменьше — на северо-запад, северо-восток, юго-запад и юго-восток. Затем идет еще один круглый коридор, вокруг центрального пилона — оси «улитки». Это здание из Чичен-Ицы было в эпоху Нового царства астрономической обсерваторией; здесь жрецы майя изучали звезды и делали свои календарные расчеты.

Но до этих жрецов, занимавшихся астрономией особенно в эпоху Нового царства, астрономия практиковалась и в других, более древних центрах — в Копане, Паленке, Киригуа и Вашактуне. Судя по некоторым данным, в Копане были составлены первые и удивительно точные таблицы видимых невооруженным глазом затмений. Некоторые иследователи считают, что древние майя переняли эти таблицы от соседних народов, расширив их и усовершенствовав (заметим кстати, что Копан в то время опережал другие крепости Древнего царства не только в научном, но и в художественном отношении, особенно в области скульптурных и фресковых изображений на па-

мятниках, свидетельствующих об удивительном искусстве портрета).

О сравнительно высоких астрономических познаниях майя говорит и тот факт, что большинство их построек и особенно мемориальные стелы установлены в определенном направлении по отношению к различным звездам и созвездиям. Исключительно важное место занимала у них планета Венера, которую, как мы видели, они олицетворяли с Кецалькоатлем-Кукульканом. Многочисленные памятники, в том числе пирамиды и культовые дворцы, с поразительной точностью поставлены по ходу утренней звезды — Венеры, свидетельствуя, что майянские архитекторы с успехом решали не только свои чисто профессиональные проблемы, например, использование в гармоничном ансамбле достоинств строительного сырья (шлифованных каменных блоков), но и математические задачи, связанные с точной ориентацией зданий. По мнению некоторых исследователей, древние майя были первым народом, который пользовался нулем, но мнение это еще не получило достаточно доказательств.

Система календаря, вернее, календарей, ибо, как мы увидим, древние майя пользовались одновременно двумя календарями, довольно сложна в применении расчетов к разнообразию видимого движения звезд. Современным исследователям — для которых определение майянской хронологии было очень важным, ибо позволяло установить все их исторические даты, — после долгих и упорных усилий удалось расшифровать календарные знаки и системы.

Год первой системы состоял из 260 дней и имел двадцать знаков, повторявшихся по тринадцать раз; каждый день имел свое название и цифру, которые никогда не повторялись рядом: 1 — *имиш*, 2 — *ик*, 3 — *акбаль*, 4 — *кан*, 5 — *чикчан*, 6 — *сими*, 7 — *маник*, 8 — *ламат*, 9 — *мулук*, 10 — *ок*, 11 — *чуэн*, 12 — *эб*, 13 — *бен*; 1 — *иш*, 2 — *мен*, 3 — *сиб*, 4 — *кабан*, 5 — *эсанаб*, 6 — *кавак*, 7 — *ахау* и опять снова: 8 — *имиш*, 9 — *ик*, 10 — *акбаль* и т. д. Это так называемый короткий календарь, или календарь Венеры.

В другой календарной системе использовалось восемнадцать знаков, соответствовавших каждый одному месяцу, в котором 20 дней; то есть это был период в 360 дней, к которому прибавлялись пять добавочных дней, называвшихся *уайеб*. Восемнадцать месяцев этого года назывались *поп, уо, сип, соц, цек, шуль, яшкин, моль, чен, яш, сак, кех, мак, канкин, муан, паш, кайяб, кумху*. Это так называемый длинный календарь, в котором год назывался *туном*.

Пять добавочных дней *(уайеб)* считались роковыми, неблагоприятными для работ и охоты, и были, следовательно, днями полнейшего бездействия. Для них не существовало особых знаков и цифровых обозначений и назывались они одним общим словом.

Наконец, майя пользовались и комбинацией двух систем в том смысле, что каждому знаку дня с его цифрой отводилось место в определенном месяце. Составленный таким образом ансамбль давал цикл в 18 980 дней, то есть 52 года по 365 дней. Если, например, в надписи упоминалась дата 8 *мулук* 11 *яшкин*, мы знаем, что *8 мулук*

определяет место соответствующего дня в цикле, разделенном на 260 дней, а 11 *яшкин* указывает положение этого дня в солнечном году, разделенном на восемнадцать месяцев.

Итак, главными календарными периодами майя были *кин* — день, *нинал* — 20 дней и *тун* — 360 дней; если к туну прибавить 5 злосчастных дней *уайеб,* мы получим *хан* — солнечный год в 365 дней.

Курьезное совпадение: в египетском солнечном календаре, созданном более 6 000 лет назад, год состоял из 12 месяцев, по тридцать дней, с пятью добавочными днями в конце года; христианские копты, ведущие свое происхождение от древних египтян, и жители Эфиопии пользуются этим календарем даже в наши дни.

Чаще всего в майянских надписях встречается дата 4 *ахау* 8 *кумху;* она высечена на нескольких памятниках из Киригуа, Паленке и Пьедрас-Неграс. По мнению некоторых археологов, эта дата была исходной в хронологии майя.

Хотя две календарные системы майя установлены на сегодня совершенно точно, некоторые вопросы, связанные с этими системами, не совсем ясны и являются предметом ученых споров. К числу еще не выясненных вопросов относится, например, значение цикла в 7 200 дней, называвшегося *катуном* (то есть 20 лет по 360 дней) и цикла в 44 000 дней, который не делится ни на одну из календарных единиц майя. Не определено также значение «большого цикла» в 2 880 000 дней, и «наибольшего цикла» в 57 600 000 дней, которые равняются соответственно периодам в 8 000 и 160 000 тунов, о чем записано на стелах Копана.

Древние майя воздвигали стелы с промежутками в 5 лет, и записанные на них даты, а также другие данные (положение по отношению к определенной планете, бросаемая стелой на землю тень в определенные часы дня и др.) всегда имели точное значение, связанное с хронологией, с памятью об определенном событии. Итак, каково же значение этих циклов (выяснен только один — 52-годичный) и, особенно, каким событием отмечались эти 44 000 дней, не соответствующие ни одному календарному делению?

И, наконец, последний вопрос, о котором идут ученые споры, это начальная дата хронологии майя, первый день их календаря. Ученые подсчитали, что этот день был в 3 300 году до нашей эры. А самая древняя стела с глифами, или картушами, находящаяся в Вашактуне, помечена датой, соответствующей 328 году н. э. Таким образом, создается разрыв более чем в 36 веков, и археологам и историкам в результате исследований, которые ведутся сейчас по всей территории древней цивилизации майя, предстоит ликвидировать этот разрыв.

Разумеется, родилась и гипотеза, что этот день — почти 5300 лет назад — не отмечал никакого события в истории майя, а был обычным днем. Но против этой гипотезы можно возразить, напомнив, что древние майя, обладатели самого точного в мире календаря, не высекали на стелах (да и на других памятниках) ничего не значащих, случайных дат.

К тому же, из истории видно, что в древние, да и в более новые времена ни один народ не начинал свою хронологию наобум. Календарь всегда

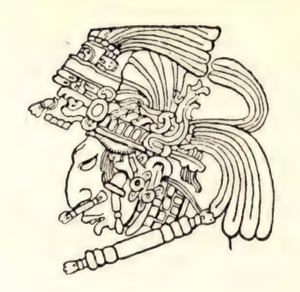
начинался с какого-нибудь события: мусульманский календарь начинается со дня бегства Магомета из Мекки в Медину (16 июля 622 г. н. э.); римский календарь начинается со дня основания Рима (21 апреля 753 г. до н. э.); индийский — со второго весеннего дня по календарю «сака» (3 марта 78 г. н. э.) и т. д. Все календари начинаются, таким образом, днем, когда произошло какое-то событие (иногда легендарное) и, если судить по аналогии, то мы придем к выводу, что этот день 4 *ахау* 8 *кумху,* соответствующий 3300 году до н. э., тоже отмечает в истории (или в мифологии) майя важное событие. Но какое — пока неизвестно.

Однако археологи и палеографы, занимающиеся расшифровкой глифов на памятниках Копана, Паленке, Вашактуна и Чичен-Ицы, еще не сказали в этом отношении своего последнего слова.

Следует учесть, что не только мифологические циклы, но и мировоззрение древних майя испытывало влияние их представлений о времени, совершенно не свойственных мышлению средиземноморских и западных народов. Главной темой деятельности жрецов, архитекторов и художников — представителей надстройки — было течение времени: широкое понятие загадки вечности и понятие более узкое — дробление времени на века, годы, месяцы, дни. «Ритм времени зачаровывал их, — совершенно справедливо отмечает Д. Э. С. Томпсон, — бесконечное течение дней между вечностью и будущим, между вечностью и прошлым вызывало у них восхищение».

Во многих высеченных на памятниках надписях речь идет о расчетах, уводящих в очень далекое прошлое или будущее. На стелах из Киригуа есть расчеты, которые на миллионы лет вперед с точностью указывают день появления и лунную фазу планеты Венеры. Они почти настолько же точны, как и расчеты современных ученых, хотя были сделаны за тысячу лет до составления нашего современного календаря.

Как уже говорилось выше, о культуре майя ученые еще не сказали своего последнего слова. Вслед за археологами, историками и лингвистами, настала очередь астрономов и математиков приняться за изучение памятников этой древней культуры, со всеми ее странностями и противоречиями.

РАСКРЫТИЕ ЗАГАДКИ: ПИСЬМЕННОСТЬ МАЙЯ

Разговорный язык древних майя в наши дни в значительной мере известен. Этому способствовали три рукописи майя и майя-испанский словарь, составленный в первые десятилетия после конкистадорских походов — единственный из написанных латинскими буквами, который сохранился до наших дней. Способствует этому и тот факт, что в наши дни на Юкатане и Гватемальском плато на неомайянских языках, ответвившихся от языков древних майя, говорят около 2 500 000 человек; разумеется, на протяжении веков они претерпели некоторые изменения и особенно лексика их значительно обогатилась новыми терминами, главным образом, испанского происхождения.

Языки майянской ветви пенутьенских языков объединяются в две главные языковые группы: северную, или юкатанскую, и южную, каждая из

которых характеризуется своими фонетическими и лексическими особенностями. Особенности эти про-истекают из разделения — с течением времени — древних языков на диалекты, которые развились в современные неомайянские языки, совершенно самостоятельные, отличные от исходных.

На юкатанских диалектах говорили племена чоль, чонталь, цоциль и центаль, жившие вдоль левого берега реки Усумасинты, в сторону мексиканских штатов Чиапас и Табаско. На других юкатанских диалектах говорило население по берегам залива Гондураса и в долине реки Мотагуа; это были племена манче-чоль, мопан и чорти.

Другими из наиболее распространенных южных диалектов были языки, на которых говорило население тихоокеанского побережья Гватемалы, племена чикомусельтеков, мамов и сутухилей, а также население верхнего течения Усумасинты — якальтеки, ишилы, успантеки и кекчи.

На границе двух диалектных групп располагался диалект чу. На особом диалекте говорили племена покомчей, живших между кекчами и чорти, а также группа покомам, представлявшая собой племя майя, расселенное по южной кромке «трапеции», на сегодняшней территории Гондураса и Сальвадора. Из всех этих диалектов наиболее отшлифованными, «литературными», если можно так выразиться, были говоры северных жителей, юкатанцев, а также племен киче и какчикель, живших возле озера Атитлан.

Фонетическая и грамматическая структура, а также наиболее значительная часть идиоматической лексики языка майя в настоящее время изу-

чены. Диалектные различия в прошлом были не столь значительны, целый ряд названий, особенно связанных с культом, с управлением городов и с торговлей, были общими по всей территории, населенной племенами майя.

Тексты различных памятников показывают, что различные знания свободно распространялись из города в город, а это довод в пользу существования приблизительно единого языка. Например, новый метод расчета фаз луны, появившийся в Копане примерно в 680—690 гг., быстро распространился почти по всем крупным городам центральной зоны. К 700 году астрономы из Копана получили точный расчет тропического года, о чем сделали запись на монументе. На боковой стенке одного из алтарей это открытие отмечено таким образом: 16 высеченных в камне персонажей обращают свои взгляды к выгравированной дате. По поводу этого изображения американский археолог Типл (первым доказавший, что речь идет здесь о расчете солнечного года) с юмором заметил, что данный барельеф представляет «групповой портрет членов Копанской академии наук, выходящих с одного из своих заседаний». Двадцать лет спустя годовщина открытия копанских астрономов была увековечена еще на одном алтаре; на этот раз к выгравированной цифре повернулись лицом 20 персонажей, более половины из которых в масках зверей или богов; это позволило предположить, что здесь изображены «делегаты» из других городов (один из них, в образе летучей мыши, вероятно, из Чиапаса, представляя собою племя цоцилы, ибо на языке майя *цоц* — летучая мышь). Следовательно, вполне возможно, что «академия

наук», как назвал ее Типл, состояла не только из жрецов-астрономов Копана, но и из представителей других майянских городов (один из которых принадлежал племени цоциль). Если это действительно так, перед нами доказательство лингвистического и культурного единства городов майя в эпоху Древнего царства.

Америндейцы майя были первыми в Новом Свете, кто пользовался письменностью. Некоторые ученые утверждают, что они унаследовали письменность от другого, более древнего народа — тольтеков, в период связей с ними еще до эпохи Древнего царства. Во всяком случае, они развили тольтекскую письменность, усовершенствовали ее, приспособив к своим главным целям — составлению астрономических и календарных расчетов и записей на монументах и в кодексах памятных событий.

На первый взгляд письменность майя кажется странной, глифы в богатых орнаментах скорее сходны с живописью, чем с письмом, что позволило исследователям прошлого века счесть письмо майя чисто пиктографическим, из-за чего фактически и задержалась его расшифровка. Действительно, некоторые знаки этого письма соответствуют обозначениям предметов и абстрактных понятий, но другие обозначают звуки и сочетания звуков.

Главными материалами для записей служили у майя замша и нечто вроде бумаги, сделанной из волокна агавы; однако до наших дней прежде всего дошли надписи, высеченные в камне. Наиболее значительные из них находятся на Храме Солнца в Паленке и на стелах из Киригуа. Реже

записи делались на хлопчатобумажной ткани, пропитанной особым крахмалистым веществом.

К сожалению, после конкистадорских походов уцелело очень немного оригинальных рукописей. Известны всего три рукописи, три кодекса, и те находятся в Париже, Мадриде и Дрездене; на родине же, в Центральной Америке, не имеется ни одной. Все древние рукописи майя были уничтожены в первые же годы после испанского завоевания как языческие. Этим и объясняется, что для изучения языков майя и для расшифровки некоторых знаков их письма ученым приходится пользоваться источниками уже после конкистадорского периода, написанными латиницей. Таковы майянско-испанский словарь — *Мотуль* (изданный в 1620 г.), включающий около десяти тысяч слов, затем священные и легендарно-исторические тексты из Чумайельской книги *Чилам Балам* (то есть Книги Пророка Ягуара), а также заметки очевидца Диего де Ланды (которого мы уже цитировали вначале), написанные в 1560—1566 гг.

Эти, а также и другие, менее значительные источники позволили лингвистам впервые познакомиться не только со словарным запасом древних языков майя, но и с их письмом. Диего де Ланда, в числе прочего, указал в своей книге значение 69 знаков майянского письма. 20 из них — названия дней, 18 — названия месяцев и 31 знак — фонетический. Но до расшифровки письменности майя, до разгадки ее системы было еще далеко.

Три находящиеся в Европе рукописи были изучены до мельчайших подробностей; сначала были определены изображения богов и животных, затем разгадана система записи дат и цифр. Всемирно

известные археологи, историки, палеографы и лингвисты — А. Тоззер, Х. Циммерман, Х. Элен, С. Морлей, В. Гейтс и Э. Томпсон — шаг за шагом проникали в тайны письменности майя. На помощь ученым приходили и обнаруженные материалы, например, знаменитый эпос «Попол-Вук» с подзаголовком «Священная книга и героические и исторические мифы индейцев киче», изданный в Брюсселе, в 1861 году миссионером Брасером де Бурбуром. Однако, хотя структура языка и была изучена, дешифровка письменности продвигалась вперед очень медленно. Высказывались самые различные гипотезы: о том, что записанный Диего де Ландой «алфавит» (31 фонетический знак) не верен, что письменность майя совсем не имела алфавита, то есть знаки вовсе не обозначали определенные звуки, что это идеографическая письменность, где каждый знак соответствует какому-нибудь понятию. Находились даже лингвисты, утверждавшие, что пиктографические знаки майя — это своеобразные ребусы, значение которых было известно одним жрецам и, следовательно, это иератическое, зашифрованное письмо, обладающее своим «ключом».

Но истина была где-то посередине и до нее, в числе других, докопался также и советский этнограф Ю. В. Кнозоров, доказавший, что в данном случае речь идет о письменности, сходной с китайской и шумерской, что знаки могут иметь разное значение: одни соответствуют понятиям, другие представляют собою слоги, третьи — звуки. Не так давно важных успехов в дешифровке письменности майя добилась группа ученых из Новосибирска (Э. В. Евреинов, Ю. Г. Косарев и В. А. Ус-

тинов), которые для решения огромного количества операций, необходимых для анализа всех вариантов, воспользовались новейшей техникой — электронно-вычислительными машинами. Глифы, пиктограммы, календарные даты и все знаки из текстов были закодированы и обработаны по специально запрограммированной системе, с учетом частотности определенных слов, слогов и знаков в языке майя, при сравнении их с частотностью знаков из рукописей. Миллиарды операций привели к выводу, что к началу испанской колонизации язык майя мало отличался от языка рукописей; было также установлено фонетическое значение наиболее часто встречающихся знаков и доказано, что Диего де Ланду обвиняли напрасно: записанный им «алфавит» правильный...

В настоящее время расшифровано большинство знаков из Дрезденского и Мадридского кодексов. В них содержатся астрономические сведения и календарные расчеты древних майя, излагаются подробности ритуалов, некоторые космогонические и религиозные мифы.

Итак, в разгадке письменности майя, которая еще несколько десятилетий назад считалась неподдающейся расшифровке, сделан огромный шаг. И электронно-вычислительные машины продолжают работать, с огромной скоростью анализируя миллионы вариантов, активно помогая своим создателям-ученым стирать с лингвистической карты Центральной Америки еще сохранившиеся на ней «белые пятна».

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА, ПРИЧУДЛИВОЕ ИСКУССТВО...

Цивилизация майя — прошедшая, согласно документальным свидетельствам, два этапа, соответствующие историческим периодам Древнего и Нового царства, — нашла самое характерное выражение в архитектуре и изобразительном искусстве. Наши представления о классической монументальной архитектуре в значительной мере связаны с образами Акрополя в Афинах и пирамид в Гизе. Храмы майя кое в чем сходны с афинским Акрополем, а их пирамиды напоминают египетские, но в то же время они построены по совершенно своеобразному плану, они самобытны, не похожи ни на какие другие знаменитые сооружения Старого Света.

Прежде всего здесь следует подчеркнуть, что города майя не были городами в общепринятом значении этого слова. Это были культовые и тор-

говые центры, где люди собирались, чтобы принять участие в религиозных обрядах, выполнить свои гражданские функции, обменять продукты своего труда на другие. Каменные здания, иногда очень внушительных размеров, вовсе не были приспособлены для постоянного жилья: в них не было ни очагов, ни окон, а иногда даже и отдушин для проветривания (знаменательно, что на современном юкатанском языке такие здания, лежащие теперь в руинах, называются *актун,* словом, означающим у юкатанцев пещеру). Во внутренних помещениях дворцов и храмов царил полумрак и только в определенный, очень точно рассчитанный час дня, когда солнце проникало через специальные щели, храмы озарял странный свет.

Разумеется, такие здания могли населять только... боги, которым они и посвящались. Внутри храмов воздвигались алтари, помосты, большие платформы, имевшие при церемониях определенное назначение. Жрецы, их помощники и ученики жили в храмах некоторое время лишь накануне празднеств, когда постились и готовились к свершению обрядов.

Все эти обстоятельства, а также сравнительно развитые познания в области математических, особенно геометрических расчетов, наличие подходящего строительного материала (камня) и самобытной концепции, выработанной в процессе исторического развития народа, позволяло майянским архитекторам воздвигать здания монументальных пропорций, соответственно эстетическим представлениям правящей городами жреческой верхушки, отличавшиеся совершенно оригинальной и само-

бытной архитектурой, поставленной на службу культа — господствующей формы идеологии в древнем обществе майя.

Европейцы, впервые вступившие в контакт с монументальной архитектурой Центральной Америки, были поражены мощностью и смелой конструкцией зданий, странным сочетанием в них света и тени, массивностью строительного материала и своеобразием декоративных мотивов.

«Повсюду неистовство света, — пишет Жан Бабелон в книге «Жизнь майя» («La vie des mayas», Париж, изд. Галлимар, 1934), — которым архитекторы с дерзким и жестоким спокойствием пользуются для достижения декоративного эффекта: антаблементы с резкими горизонтальными выступами, застывшие в непреклонной суровости, каменные шпалеры, нависающие между маленькими колоннами, как решетки или сплетения ивовых ветвей, фризы из связанных между собою треугольников в кружевной резьбе, полукруглые ступени, зигзагообразные мотивы или узоры из прямых углов, прекрасно упорядоченное сочетание, внушающее трепет, как система господства и угнетения. Ни одна вертикаль не смягчает впечатления придавленности, создаваемого этой плоской дремотной архитектурой, воздвигнутой на искусственных насыпях не в поддержку возвышенного акта молитвы, а для того, чтобы еще больше увеличить вещий груз ее силы».

Руины зданий, воздвигнутых некогда архитекторами майя, являются в наши дни самыми популярными туристическими объектами в Центральной Америке, по всей территории между Сальва-

дором и Мексикой. Из них наиболее интересны следующие:

Копан, где монументальная иероглифическая лестница — названная так потому, что вертикальную грань каждой ступени покрывают глубоко высеченные глифы — величественно возвышает свои 63 ступени на 26 метров над уровнем площади, вызывая странное ощущение грандиозности и головокружения у всех, кто имеет любопытство (и смелость) подняться по ней.

Киригуа, расположенный по линии железной дороги между городами Пуэрто-Барриос и Гватемала, стоит на плодородной равнине, на кромке долины Мотагуа, где когда-то были леса, а сейчас расстилаются банановые плантации. Здесь нет высоких пирамид, и каменные здания скромны, но место это самое известное из всех археологических раскопок поселений майя, благодаря стройности и изяществу каменных стел из украшенного резьбою песчаника и причудливых алтарей — громадных каменных блоков в форме населявших мифологию майя фантастических чудовищ неба, в которых вся масса строительного материала гармонично сочетается с тонкой сложностью деталей.

Лубаантун, в южном Британском Гондурасе, не имеет ни стел, ни зданий, но его самобытность проявляется в производящих грандиозный эффект пирамидах, сложенных из квадратных блоков прозрачного известняка, обладающего некоторыми свойствами мрамора и очень похожего на него.

В *Чичен-Ице,* кроме зданий, о которых уже говорилось выше, очень своеобразна архитектура «Дома монахинь» (Casa de las Monjas), названного так после конкистадорских завоеваний, по-види-

мому в ошибочном предположении, что здание занимали своего рода майянские весталки (бравых солдат скорее привлекала теория целомудрия, чем его практика). Это здание стоит на выложенном из камня мощном фундаменте, над которым возвышаются два этажа комнат, украшенных скульптурными масками; отвратительные оскалы этих масок создают особую атмосферу, господствующую над всем этим странным сооружением.

Сан-Хосе, в центральной части Британского Гондураса, был одним из малых культовых центров. Несмотря на свое расположение на окраине «трапеции» майя, он все же был довольно важным торговым городом, о чем свидетельствуют многочисленные находки: расписные керамические сосуды из Юкатана, глиняные фигурки из Веракруса, украшения из раковин, характерные для Тихоокеанского побережья, обсидиановые предметы, вероятно, из Сакапы, расположенной в северо-восточной части гватемальского горного района, нефритовые статуэтки неизвестного происхождения, медные орудия и украшения, по-видимому, из Центральной Мексики, коралловые украшения с берегов Караибского моря, мраморные сосуды, типичные для некоторых районов Гондураса, а также большое количество расписной керамики из самых разных мест. Жители Сан-Хосе не высекали скульптур, но украшали свои здания рисунками на штукатурке.

Некоторые незаконченные здания из *Тикаля,* где работали знаменитые архитекторы, позволяют нам догадываться, как происходила постройка тысячу двести лет назад: одни строители подносили камни и землю для центра пирамиды, другие при-

митивными орудиями распиливали бревна для стройки и готовили дрова для нагрева печей, третьи — обтесывали строительный камень. При торжественном открытии памятников некоторые из рабочих, вероятно, приносились в жертву; в основании стен, под плитами храмов и лестниц лежат в керамических сосудах черепа. На большой церемониальной площади и на платформах перед пирамидами стоят разнообразные стелы из известнякового камня, украшенные скульптурной резьбой и росписями, изображающими богов и иероглифические тексты, напоминающие о том, что неумолимое течение времени продолжало быть важной проблемой у древних майя. Через каждые 5—10 или 20 лет воздвигалась новая стела, неся на себе запись о проникновении за эти промежутки в тайны времени и движения небесных тел. При некоторой доле фантазии мы можем представить себе, как жрецы-астрономы, переходя от одной стелы к другой, проверяют свои теории относительно продолжительности солнечного года или года Венеры.

Наконец, назовем *Вашактун* (в области Петен, в Гватемале). Здесь, в лесу, под слоем земли и буйной тропической растительностью, была обнаружена самая древняя пирамида майя (328 г. н. э.). Когда она была обнаружена в 1916 году, ее покрывала другая, значительно большая по размерам и высоте пирамида; поскольку верхняя пирамида была очень разрушена, ее разобрали и под ней открылась более древняя, сохранившаяся в своем почти первоначальном состоянии. Это квадратная пирамида, высотою более восьми метров, с четырьмя лестницами, ведущими к двум

верхним террасам. Платформы окружены восемнадцатью гротескными масками, высотою 1,8 м. и шириною 2,4 м. Причудливые по замыслу, эти маски внушают однако безмятежный покой, странно контрастирующий с нервозностью всей пирамидальной массы. Изогнутые клыки в углах пасти, косматые брови, приплюснутый нос и язык, наполовину высунувшийся над верхней губой, не вызывают никакого сомнения в том, что это изображение бога Ягуара. Маски с нижней части пирамиды, еще более стилизованные (один художественный критик нашего времени сказал, что они принадлежат к «палеоимпрессионистскому» течению), создают впечатление, что перед зрителем — морды фантастических животных, объединяющих в себе черты змей и ягуаров. Итак, от фундамента и до верхних платформ пирамида из Вашактуна образует единое целое с украшениями, может быть, необычными и причудливыми, но производящими очень сильное впечатление и передающими мощь всего ансамбля.

Постройки майя, будь то храмы, дворцы или пирамиды, не сравнимы ни с какими известными строениями Старого Света. У майянской и астекской пирамид есть целый ряд общих деталей, но те и другие решительно отличаются от египетских, которые являются храмом, святилищем или гробницей. Американская пирамида это просто гигантский постамент — естественный или насыпной, выполняющий роль платформы для культового здания, возвышая его (в прямом и в переносном смысле) в глазах верующих и используя в этих целях крутые, иногда очень смелые, головокружительные лестницы. Итак, эта пирамида не

скрывает в своем чреве никаких секретов, доступных лишь жрецам, как египетские пирамиды, а выставляет святилище на яркий свет тропического солнца, вознося его на платформу, куда могли подниматься только избранные.

Архитекторы майя не знали арки и свода; их заменял так называемый «ложный свод», поэтому их здания были довольно узки и длинны, а при толстых стенах возможны были только очень маленькие окошки. Зато поверхность, подходящая для украшений, была достаточно велика, чем отчасти и можно объяснить великое изобилие фресок и барельефов в культовых центрах.

Городская архитектура, развитие которой не выдерживает никакого сравнения с архитектурой, поставленной на службу культа, расцвела особенно в эпоху Нового царства. В некоторых городах, располагавшихся в засушливых районах, были устроены каменные или цементные плоскодонные водоемы. Археологи обнаружили сложную канализационную систему для вывода воды со дворов и из помещений. Речка, протекавшая через город Паленке, была повернута в другом направлении, к подземному акведуку; по тем его местам, где он не обвалился, могут пройти плечом к плечу пять человек. Каналы, идущие от храмов и дворцов, несли сюда воду, стекавшую с крыш и дворов. Ниже по течению, уже за искусственным руслом, через речку был переброшен выгнутый мост, который археологи, любители ассоциаций, сравнили с мостами древней Венеции.

До нас не дошло ни одного имени тех художников и скульпторов, которые высекали причудливые и в то же время поразительно мощные фигуры,

мы не знаем имен архитекторов, творцов величественных храмов и дворцов древнего Юкатана и создателей пирамид, хотя одна из них — из Чолулы — выше знаменитой пирамиды Хеопса из Гизе (считающейся, между прочим, одним из семи чудес света). Более того, лингвисты наших дней напрасно занимались бы поисками в многочисленных америндейских языках слова «искусство». Понятия этого не было в древней Америке. Барельеф просто назывался богом дождя или богом кукурузы, стела была счетом годов, а пирамида — местом жертвоприношений или постройкой в честь солнца.

Историк искусства Фердинанд Антон в своем труде «Древняя Мексика и ее искусство» (Alt—Mexic und seine Kunst, Лейпциг, 1965 г.) вполне справедливо отмечает, что «безымянный художник, создававший керамические украшения для поклонения умершим, неизвестный скульптор, вытесывавший каменными орудиями каменные изображения божеств, или безымянный архитектор, воздвигавший храмы и культовые дворцы, — все они имели совершенно иное мировоззрение, чем люди нашего времени, пытающиеся объяснить себе этот умерший мир». По поводу же назначения древнего мексиканского искусства с его столь необычайными, самобытными формами он говорит: «Полихромная керамика в погребениях, нефритовые украшения на шее жрецов, обсидиановые маски для сановных покойников, каменные скульптуры у основания пирамид, здания, поражающие своими фресками и сердцами принесенных в жертву пленников, все, что составляло искусство, как и культ, предназначалось для одного — для

поклонения божествам, для сохранения космического порядка».

Если архитектура майя умерла одновременно с Новым царством, искусство их живет до наших дней; каменотесы-художники, гончары и ткачи из малых поселений продолжали свой труд и во время фратрийских войн, и в период испанской колонизации, сохраняя тысячелетние традиции своего народа.

БОЖЕСТВА ДОЖДЯ И... ЛЯГУШКИ

Главнейшими источниками сведений о религиозных верованиях древних майя являются, с одной стороны, живопись, скульптура и надписи на памятниках, а также иероглифические рукописи, так называемые кодексы, а с другой — труды испанцев XVI века. К этому следует добавить еще наблюдения нынешних этнографов, касающиеся пережитков древних культов, которые сохранились в Гватемале и Юкатане, переплетаясь с религиозными идеями, принесенными сюда европейцами. Разумеется, самыми верными источниками надлежит считать непосредственные свидетельства, дошедшие до нас в памятниках и оригинальных кодексах.

Древние майя верили, что небо поддерживают четыре божества — *бакабы,* сидящие в четырех

концах света и обладающие каждый своим цветом: бакаб с востока — красный, а с запада — черный, на севере бакаб — белый, а на юге — желтый. К тому же, во всех четырех концах света находится по священному дереву — *сейба* соответствующего цвета; эти деревья олицетворяют собою изобилие. Например, сейба с востока, красного цвета, покровительствовала всем растениям с красными плодами, съедобным птицам с красным оперением на шее (индюкам) и т. д. Вполне вероятно, что майя, как и другие мексиканские народы (астеки, например), верили, что мир стоит на спине огромного крокодила, плавающего по волнам безбрежного озера.

Вообще у древних майя не было добрых и злых божеств, каждый из них при тех или иных обстоятельствах мог оказаться благословенным или роковым. *Чаки,* например, посылали и благодатный дождь, и град, и долгие дождливые периоды, когда весь урожай сгнивал. Выходит, они могли быть в добром расположении духа и, следовательно, доброжелательны, а могли и разгневаться — и тогда посылали наказание людям, лишая их пищи насущной. В первом случае они изображаются на барельефах и фресках в кротком человеческом обличье, в окружении листьев и кукурузных початков — символов изобилия, а во втором случае их образы угрюмы и страшны, голова чудовищна и окружена зловещими символами. Эта двойственность образов долгое время путала археологов, мешая им точно определить изображенные на росписях и барельефах божества.

В других географических районах божества чаки назывались *ицамна* и изображались, как и первые, в виде или с головою змеи, ящерицы или же крокодила. Заметим, что *ицам* по-юкатански — ящерица.

Наконец, племена майя-чорти, из района Гондурасского залива (города Киригуа и Копан), называли их *чикчанами* и, хотя изображали их в образе чудовищ, приписывали их влиянию изобилие плодов и пищи.

С божествами дождя связано множество легенд. Четыре великана *чака,* стоящие в четырех углах неба, льют на землю дождь из громадных выдолбленных тыкв. Они вооружены огромными каменными топорами и, поигрывая ими, вызывают громы и молнии. Великанам-чакам прислуживают совы и лягушки — *уо,* которые своим кваканием извещают о предстоящем дожде. Как удалось чакам примирить сов с лягушками, трудно сказать, ведь известно, что американские совы — яростные охотницы не только за мышами, но и за лягушками.

Лягушки, кроме того, развлекают богов дождя, выступая в роли... музыкантов. По-видимому, квакание этих маленьких амфибий, столь неприятное в нашем представлении, звучало для чаков нежной музыкой.

Есть забавная легенда о том, что однажды люди принесли в жертву чакам глуповатого мальчика. Боги дождя взяли его в услужение и поручили ему подмести свое небесное жилище. Глупый мальчишка вымел оттуда и всех лягушек, не обра-

щая внимания на их возмущение и протесты. Потом опрокинул огромный кувшин из тыквы одного из чаков, и в том году земля тонула в дождевых потоках, а лягушек было великое множество.

Боги дождя принадлежали к числу самых важных божеств, ибо от них зависел урожай кукурузы. Древние майя преподносили им многочисленные дары, особенно накануне разных полевых работ. Иногда, при большой засухе, приносили даже человеческие жертвы, что было связано с определенным обрядом.

Главнейшими божествами неба были Солнце и Луна, самые первые жители земли, по майянским легендам. Бог-Солнце покровительствовал музыке и гончарному делу и был искусным охотником; Луна была богиней ткачества и рождения. В легенде говорится, что Луна была неверна своему мужу Солнцу, и тот лишил ее одного глаза; с тех пор блеск Луны ослабел. На высокогорных плато Гватемалы до сих пор живет поверье, что затмения происходят в результате борьбы между Солнцем-отцом и Луной-матерью. Каждый день, пройдя по небесному своду, Солнце вечером уходит в «нижний мир», мир мглы, умерших и богов, которые господствуют над умершими. В своем ночном пути Солнце слабеет, теряет свою мощь, у него уже нехватает жару, чтобы зрели плоды на полях, и ему нужна пища — жертвоприношения, особенно человеческие.

В более позднее время, после захвата культовых центров майя племенами, пришедшими с севера и северо-запада, у них был принят и культ бога Кецалькоатля, которого на Юкатане называли

Кукульканом и отождествляли с планетой Венерой. Как и древний бог-Солнце, Кукулькан был покровителем жизни на земле и, особенно, земледельческих работ. Кроме того, древние майя чтили еще и бога растительности; большинство племен поклонялись богу кукурузы, что вовсе не удивительно, ибо основной их пищей была именно эта культура. По-видимому, в одних городах божества растительности и кукурузы рассматривались как воплощения бога-Солнца, а в других — как воплощения Венеры.

В искусстве майя эти боги изображались вообще юношами с правильными чертами лица, с головою, украшенной колосьями или кукурузными початками. В некоторых районах майя поклонялись и богу фасоли, но бог кукурузы всегда был важнее и в божественной иерархии занимал главное место.

К концу эпохи Нового царства все большее значение стали приобретать бог Ягуар, представлявший собою подземный мир, и бог земли Мам, чаще всего изображавшийся как улитка с раковиной на спине. Легенда говорит, что бог Ягуар вызывал и землетрясения, которые в населенном майя вулканическом районе были довольно частым явлением.

И, наконец, в некоторых местах майя поклонялись божествам-животным (летучей мыши, сове), а в других местах — божествам кремневых и обсидиановых орудий. Но это были уже боги второго сорта, если можно так выразиться; главными же всегда, в той или иной форме, были Солнце и Дождь, от которых зависело изобилие кукурузы

и зерновых (о кукурузе и ее важнейшей роли в жизни майя мы еще расскажем в отдельной главе). Однако до нас не дошло никаких сведений, которые бы указывали на существование у майя бога огня, как у большинства других мексиканских народов; вполне вероятно, что древние майя считали огонь проявлением силы бога-Солнца.

ДУХОВЕНСТВО И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Функции, связанные с культом богов, исполняли жрецы. На Юкатане верховный жрец культового центра носил титул *ах кин май,* или *ах кан май,* то есть «Принадлежащий Солнцу». Ему помогали другие, находившиеся у него в подчинении жрецы — *ах кины.* В функции верховного жреца входило наблюдение за ходом церемоний согласно ритуалу, календарные расчеты, посвящение других жрецов в тайны иероглифического письма; верховный жрец занимался астрономической наукой, предсказаниями и руководил обрядом жертвоприношений.

В определенные периоды в городах майя наблюдалось своеобразное двоевластие: с одной стороны, городом управлял гражданский правитель — *халач-виник,* занимавшийся политическими делами, а с другой — верховный жрец, *ах кин май,*

глава духовенства. В разных географических районах и в разные исторические периоды в этой организации происходили некоторые перемены; у племен майя-какчикель было два равных по рангу верховных жреца; один возглавлял обряд жертвоприношений, в ведении другого находились религиозные и астрономические тексты, а также математические расчеты, связанные с календарем. У племен майя-цоциль, живших в Чиапасе, духовенство избиралось исключительно из сыновей знатных, так что политическая и религиозная власть тесно переплетались. Да и на Юкатане с верховным жрецом советовались по всем вопросам, связанным с управлением городом, а глава гражданской власти выполнял некоторые жреческие функции.

Жрецы, занимавшиеся преимущественно предсказаниями, назывались *чиланами*. Они впадали в транс, во время которого им открывались видения и они могли общаться с богами, получать от них повеления, передавая их затем простым смертным.

Были ли эти жрецы шарлатанами? На это трудно ответить. Вполне вероятно, что видения *чиланов* были реальными (поскольку видение может быть вообще реальным), ибо их вызывало состояние транса после употребления наркотика, обычно в смеси табака с известью, а может, и с соком кактуса *пейотль* или *пейот* (Datura stramonium). В этом последнем содержится вещество, вызывавшее у индейцев своеобразное опьянение, которое по записанным в 1650 году свидетельствам монаха Сахагуна «придает им силы, изгоняет всякий страх и вызывает пышные или нелепые видения».

Для предсказания будущего чиланы пользовались также изучением календаря и священных текстов: древние майя верили, что некоторые события повторяются через определенные промежутки времени (обычно через 52 года). Прежде чем обратиться к книгам, жрецы окропляли их водой — сууй, из определенных источников в лесной глуши, куда женщины не имели доступа. У некоторых майя и по сей день есть в языке слово *сууй*, в значении чистый, невинный, девственный.

Еще одна категория жрецов — *наконы* — занималась только обрядами жертвоприношений. Они вырывали у жертв сердце, отдавая его ах кин маю, верховному жрецу, а тот вкладывал его в губы божества — идола. Четыре жреца, называвшиеся *чаки* (как и боги дождя), во время жертвоприношения держали обреченных за руки и за ноги.

К обычным церемониям относилось молитвенное обращение к богам, чтобы они вернулись в то место, где находится город (древние майя верили, что если наступала, например, засуха, значит боги временно покинули данный район). Во время церемонии моления (она практиковалась и у астеков) жрецы разбрасывали перед храмом кукурузную муку; если боги вернутся, на муке останутся следы. В связи с этой церемонией интересно одно сравнительно недавнее открытие в Паленке — три подземных туннеля, ведущих от одного из зданий в центре дворцовых сооружений к различным храмам. Вполне вероятно, что эти туннели были известны только жрецам, которые, воплощаясь в образы богов, таинственно появля-

лись среди смертных и незаметно оставляли свои следы на муке перед храмами.

Верховного жреца ах кин мая можно, по-видимому, ставить несколько выше административного правителя города, поскольку он мог «разговаривать» с богами, тогда как другой занимался только суетными мирскими делами. И все-таки, в некоторых крепостях духовная и светская функции переплетались. Впрочем, как жрецы, так и военная верхушка выходили исключительно из господствующих слоев городского населения.

В последний исторический период — период упадка майянских городов — в религиозной иерархии и в характере церемоний произошли некоторые изменения, вызванные влияниями обычаев завоевателей. По всей вероятности, религия в Туле, а позднее в Чичен-Ице носила уже менее жреческий характер, и воины — поставщики пленников, а значит, и жертв для даров богам, — в какой-то мере сравнялись в ранге со жрецами. В это время рядом со старыми ритуальными дворцами начали воздвигаться новые, более просторные, для собраний военных орденов ягуаров и орлов, о чем свидетельствует и тематика скульптур. Частично завоеватели приняли и древних майянских богов, о чем говорят хотя бы фигуры богов дождя, высеченные на зданиях этого периода. Таким образом, наблюдается явление, характерное и для некоторых народов Старого Света: местные жители, хотя и побежденные, но стоящие на более высокой ступени культуры, в конце концов вынуждают завоевателей принять их образ жизни. Этим объясняется, что в последний исторический период цивилизация майя растворила и поглотила

элементы соседних культур, особенно астекской. Археологические раскопки дали неоспоримые доказательства того, что частично завоеватели Юкатана постепенно сами превратились в майя-юкатанцев, усвоив язык и религиозные обряды майя. От завоевателей остались только некоторые названия, например, Чичен-Ица, то есть «Берег воронки Ица».

В период войны человеческие жертвы приносились богам значительно чаще обычного; богов нужно было умилостивить, чтобы они помогли победить врага, к тому же захват пленных давал городам резервы человеческих жертв. Разумеется, захват пленных не был в ту эпоху единственной целью войн, но, безусловно, занимал в них далеко не последнее место, если учесть то значение, которое древние майя придавали приношению в жертву богам человеческих жизней.

Многочисленные историки и археологи склонны считать, что обычай приносить людей в жертву богам был принят у древних майя после нашествия тольтеков и под их влиянием. Однако возможно, что некоторые связанные с жертвоприношениями церемонии сложились и под влиянием теотиуаканской цивилизации. Установлено, что эти церемонии, процедура которых была довольно жестокой, существовали еще на первом этапе Древнего царства и сохранялись на протяжении всей истории майя, участившись на последнем этапе, после захвата майянских городов астеками.

СЕРДЦА ПЯТЕРЫХ РАБОВ

В интересном труде Д. Э. С. Томпсона (о котором мы уже говорили) описан и ритуал жертвоприношений в одном из культовых центров эпохи Нового царства, простая, но очень волнующая своим реализмом история, переданная как бы в непосредственной, почти репортерской записи. Приведем ее с некоторыми сокращениями.

«Молодой Ах Балам чувствовал во всем теле страшную боль. Язык у него распух; из мочек ушей, из рук и других частей тела было выпущено столько крови, что все его существо невыносимо страдало. К тому же, он был голоден и измучен невозможностью поспать. 80 дней, то есть *13 шулей* он постился, служил в храме, бодрствовал и отдавал в жертву свою кровь. Но через три-четыре часа все будет кончено, и тогда либо он перестанет существовать, как и весь мир, либо его

посадят за стол; мысль об этой последней перспективе навязчиво преследовала его, хотя ему полагалось бы не думать о таких мирских делах. Но ему трудно было избавиться от приятных дум об индюках и дичи, которые будут поданы со сладким картофелем, ведь он столько времени питался только кукурузными лепешками и кукурузной похлебкой.

Был день 4 *ахау* 13 *яш,* и до заката солнца оставалось еще три часа... Праздник. Счастливое предзнаменование! Кроме того, яш был месяцем планеты Венеры, и это благодетельное божество покажется при закате солнца, сверкая на вечернем небосклоне. А потом целых четыре месяца будет таять в солнечных лучах, перед тем как появится утренней звездой.

Все знали, что мир погибнет в конце одного из *катунов,* вопрос только в том, случится ли это именно в этом катуне, когда благоприятные и неблагоприятные элементы вроде уравновешены. Если все церемониальные обряды будут строго соблюдены, может быть, удастся избежать катастрофы.

Первая из важных церемоний вот-вот должна начаться. Сегодня, как всегда в дни 4 ахау, состоится марш огня и, более того, божеству Венеры будут принесены в жертву люди, потому что Венера — покровительница месяца, которым завершается этот катун. В предстоящей церемонии Баламу тоже надлежит выполнить свою роль: он будет составлять передние ноги и голову небесного чудовища с востока.

Из здания, где Балам и его соратники жили в период поста и подготовки к церемониям, они ви-

дели, как был зажжен большой костер, сложенный во дворе перед храмом бога дождя, и чувствовали наводящий на них ужас жар огня. Жрецы-служители только что разровняли горячие угли длинными, сырыми жердями, выложив огненную площадку. А в храме уже завершали свои молитвы и приношения копала и бальче четыре жреца, которым предстоял марш огня. Балам и его друзья проводили жрецов взглядами, когда они один за другим вышли из храма, согнувшись, чтобы не зацепиться о притолоку масками и высокими прическами, и медленно спустились по ступенькам.

Верховный жрец — *ах кин май* — шел впереди этой маленькой процессии, одетый в красное, как восточный бог дождя, и в длинноносой маске бога чака, украшенной зелеными перьями кецаля, олицетворением молодой зелени кукурузы и новой листвы, что вырастет на деревьях после благодатных дождей. За ним шагали северный, западный и южный чаки, с так же убранными волосами, но соответственно в белой, черной и желтой одежде. У каждого в правой руке каменный топор с деревянной ручкой в форме змеиной головы, в левой руке зигзагообразная трость, олицетворяющая гром, а на плече по тыквенному кувшину с водой, из которых боги будут лить дождь на землю.

Процессия остановилась у покрытой раскаленными углями площадки; подошли служители и сняли с ног жрецов сандалии. Из рук одного из служителей верховный жрец принял сосуд с горящим копалом и тыкву с бальче и, повернувшись к востоку, предложил их красному чаку. Потом взял нечто вроде веничка из пучка полосок чешуйчатой кожи гремучей змеи и без колебания ступил

на раскаленные угли, обмакивая веничек в тыкву с бальче и разбрызгивая ее вокруг. Дойдя до конца пылающего жаром угольного костра, он на мгновение остановился, потом повернул обратно. Вот он благополучно дошел до того места, откуда начал свой марш, снова протянул копал и бальче к востоку, и наконец, допил из тыквы остаток жидкости.

Представители белого, черного и желтого чаков по очереди выполнили тот же обряд. Балам особенно напряженно следил за белым чаком. Юные кандидаты в священнослужители не любили этого жреца, и Балама ничуть бы не огорчило, если бы он поскользнулся и его бы пожрало пламя. Но юноша тотчас же отогнал от себя эту мысль, столь не подходящую для такого торжественного дня, тем более, что это нарушило бы всю церемонию и недовольные боги отказались бы послать народу благодатный дождь.

Балам не мог увидеть, чем кончится этот обряд, ему надо было готовиться к своей роли. В глубине здания стояло четыре деревянных остова, покрытых древесной корой и перьями — изображения небесных богов. Балам подошел к красному, который он должен был нести вместе с приятелем Ах Туцем. Он погрузил свои ноги в передние конечности чудовища и осторожно, чтобы не поцарапаться об острые клыки, просунул голову в его шею, до разинутой пасти. Туц влез в задные ноги. Палки на плечах юношей поддерживали длинное тело дракона, не давая ему прогнуться. Жрец, в задачи которого входила забота о бутафории, пришел с проверкой и довольный, поправил на них маски. Прорези в маске позволяли Баламу видеть,

куда он ступает. У находившегося сзади Туца не было этого преимущества.

По знаку жреца четыре пары юношей выстроились в ряд один за другим. Балам и Туц, несшие красного дракона, были впереди. Балам повторял свою роль несколько раз, так что по знаку к выходу он точно знал, что надо делать.

Четыре чудовища вышли один за другим из храма, прошли между расступившимися зрителями, подошли к лестнице пирамиды, на вершине которой находился храм Венеры, и начали подниматься по ней. Через каждые несколько шагов юноши издавали вопль, подражая крокодильему реву. Достигнув верхней платформы, Балам и Туц встали на восточном конце, в то время как их товарищи заняли свои места на северном, западном и южном. Балам мог следить за церемонией, а Туц во мраке чувствовал только, что деревянный остов все больше давит на плечи.

Верховный жрец и три помогавших ему жреца сняли костюмы богов дождя и вошли в храм Венеры, умоляя бога смилостивиться и не губить мир. Служители храма повели вверх по лестнице пятерых юношей, которых надлежало принести в жертву на каменном алтаре перед святилищем. Жертвы шли безропотно, им дали выпить большое количество бальче, чтобы очиститься и проявить мужество. К тому же, предназначенные в жертву твердо верят, что они уходят к богам, чтобы донести до них послание народа.

Балам смотрел на них с любопытством. У троих черты лица не похожи на майя. Вероятно, это рабы из ольмеков или зоке, купленные недавно у купцов, пришедших от Мексиканского залива. Чет-

вертого Балам знал : тот вырос рабом в доме его отца. Это был глуповатый юноша, над которым часто подшучивали. Его не нужно было долго убеждать, что он будет принесен в жертву для его же славы ; примитивный ум его легко примирялся с любым положением, и по всему казалось, что он доволен оказанной ему честью. Обстоятельства придали ему достоинство, которого до сих пор у него никогда не бывало. Но в глазах пятой жертвы полыхал страх : это был каменотес, осужденный заплатить жизнью за ошибку, допущенную в воспроизведении по указанной жрецами модели глифов на стеле, которая должна увековечить события сегодняшнего дня.

Закончив молитвы, жрецы вышли из храма ; служители подвели и положили на жертвенный камень одного из чужеземцев. Двое юных жрецовчаков держали его за ноги, двое других — за руки. Другие поддерживали огонь в сосудах с копалом и окропляли святилище брызгами бальче. Верховный жрец с кремневым ножом в руке — люди называют его «рукой божьей» — подошел к жертве. В такой важной церемонии только он может выполнять этот обряд. Балама захлестнула волна смешанных чувств — восторга, жалости и наслаждения страданием жертвы. Ольмека, прильнувшего спиной к камню, с опущенными вниз руками и ногами, от Балама отделяли лучи солнца, как раз приближавшегося к горизонту. Тень пленника, образовав причудливую дугу, касалась ног Балама.

Верховный жрец склонился и нанес жертве сильный удар слева под ребра. Тело жертвы в

последний раз содрогнулось. Верховный жрец вырвал сердце и поднял его над головой, повернувшись к солнцу, клонившемуся к закату. На нем была красная одежда и по лицу его текла кровь. Потом он протянул сердце к западу, где не замедлит появиться Венера, если мир будет пощажен богами. Затем верховный жрец подошел к краю платформы и показал сердце людям на площади, откуда тотчас же взметнулись мощные возгласы.

Бездыханное тело было положено рядом, к святилищу подвели другую жертву, и обряд повторился. Настала очередь третьего пленника, а затем и раба из дома отца Балама. На мгновение Балама охватил стыд, что умереть должен простой юноша, никому не причинивший вреда. Быть принесенным в жертву почетно, но это было бы легче перенести, если бы человек пришел в смятение или же выставлял напоказ мужество; пылкая же вера его прямо-таки трогательна. Балам избегал смотреть в глаза рабу, не отрывая взгляда от мух, летавших над зияющей раной в груди одного трупа. Он не мог поднять глаз до тех пор, пока вопли толпы не напомнили ему, что все кончилось.

Пятая жертва вырывалась, и ее нужно было насильно втаскивать на камень. Даже когда ее пригвоздили к нему и крепко держали, она все же пыталась высвободиться. Балам нахмурил брови под маской. Это было просто недостойно; ведя себя таким постыдным образом, жертва может повредить всему обществу, ибо подобное зрелище может оскорбить бога Венеры. К тому же, осужденный уже допустил постыдный поступок, позво-

лив себе ошибиться, когда высекал глифы на стеле. А сейчас нарушает нормальное течение обряда. Но с его сопротивлением было быстро покончено, и вот уже тело его лежит рядом с другими. Церемония длилась всего несколько минут.

Балам и Туц двинулись, заняв свое место в шествии. Верховный жрец и трое жрецов-помощников выступали впереди. За ними шли пятеро жрецов, каждый в маске бога Венеры, с сосудами, в которых лежали сердца жертв. Следом двигались четыре чудища неба, а за ними — остальные жрецы, несшие сосуды с горящим копалом; самые юные вместе со служителями храма замыкали шествие, неся дары, которые должны быть возложены к новой стеле.

Шествие спустилось по ступеням пирамиды, пересекло двор храма Венеры, миновало площадку для игр с мячом и двинулось на большую площадь. Здесь все остановились перед новой стелой, поставленной на восточной стороне. Лучи заходящего солнца еще освещали обширную площадь, вызывая сверкание свеженанесенной на ее поверхность штукатурки синего, красного и желтого цветов. У подножия памятника было углубление для даров.

Балам и Туц поднялись по многочисленным ступеням пирамиды, перед которой возвышалась стела, и заняли свое место на восточной стороне. Отсюда Балам опять мог видеть всю церемонию. Он был доволен, что все шло без запинки; они с Туцем долго тренировались, чтобы все движения их были согласованны. Как только чудища заняли

свои места, жрецы, служители храма и толпа зрителей сели. Каждый достал острые обсидиановые иглы и пучок одинаковых по длине палочек. Барабаны, стоявшие с четырех сторон главной площади, забили в медленном, а затем во все более быстром ритме. Сердце Балама подчинилось этому ритму; ему хотелось кричать, плясать и стоило огромных усилий оставаться на месте. Вот зазвучали и трубы, рожки, раковины и под сильными ударами оленьих рогов загремели черепашьи панцири.

Подняв руку, верховный жрец подал знак и, опустив ее, вонзил обсидиановую иглу в свой язык и такими же иглами проткнул мочки ушей, мышцы рук и ног. То же самое сделали все мужчины и женщины, кроме восьмерки учеников, находившихся внутри небесных чудищ. В ранки от игл все воткнули деревянные палочки. После этого верховный жрец и его помощники подошли один за другим к стеле и бросили в яму перед нею свои окровавленные палочки; все остальные положили их перед собою на землю. Музыка замерла. И в тот же миг на подножие стелы пала вечерняя тень.

Пять жрецов, воплощавших собою бога Венеры, подошли друг за другом с сосудами, в которых покоились вырванные из жертв сердца. Верховный жрец принял их один за другим. Первым сердцем он потер высеченное на стеле лицо божества и бросил его в яму. Туда же были брошены и остальные сердца, после того, как жрец потер ими все четыре грани монумента. Запах смолы поднимался из сосудов, стоявших перед молодыми

жрецами, и, относимый вечерним ветерком, окутывал камень. Служители принесли дары — перья кецаля, шлифованный нефрит, кремневые ножи тонкой работы, бальче, еду и бобы какао. Верховный жрец поднимал каждый дар, протягивал его сначала к востоку, затем к стеле и бросал в яму. Когда дары заполнили яму, служители сровняли ее с землей, а каменщики быстро замуровали.

Солнце достигло линии горизонта. Балам видел, что свет бога Венеры становится все ярче и ярче; человечество избежало катастрофы еще на 20 лет. Начался день 5 имиш. Балам поднял руку, двинул одной из жердин, давая знать Туцу, что на небе показалась утренняя звезда.

По знаку верховного жреца барабаны вновь забили в торжествующем ритме. Зазвучали и дудки. Жрецы зажгли костер, в который люди будут бросать свои окровавленные палочки и крупинки копала. Ученики жреческой школы зажгли сосновые факелы и поднялись на вершины всех пирамид, какие только были в крепости. Вскоре костры горели перед каждым храмом и каждой стелой, перед площадкой для игр с мячом и на торговой площади. В домах теократии, расположенных на окраине культового центра, тоже зажглись огни.

Толпа начала редеть. Четыре небесных чудища скрылись в храме. Сняв костюм и маску, Балам почувствовал спазмы в желудке и подумал об ожидавшем их угощении. Все были счастливы. Восемьдесят напряженных дней позади, церемонии завершились успешно, день 5 имиш начался без всяких дурных предзнаменований. Балам совер-

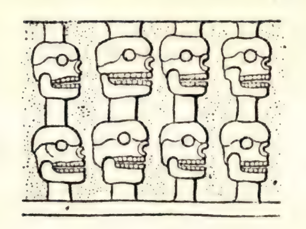
шенно забыл про отцовского раба, сердце которого лежало теперь у подножия стелы.

Туц, которому едва исполнилось 17 лет, шутя ухватил Балама за полу одежды и обернул ее вокруг ноги, пытаясь сорвать. Жрец, отвечавший за бутафорию, мягко сделал ему замечание. Туц возразил ему, обвинив в жестокосердии и в том, что он «как древесный ствол», по майянскому выражению. Все его товарищи засмеялись, ибо любили жреца за его доброту.

Когда друзья вышли из храма, была уже ночь и огни догорали и гасли. Юные священнослужители направились в сторону, где стояли дома знатных. Монотонно квакали лягушки, пальмовые листья четко вырисовывались на небе, посеребренном луною, которой было уже десять дней. Проходя мимо одного из храмов, друзья уловили запах жареного индюка в соусе с приправами и ускорили шаги».

Пересказанная выше история принадлежит перу ученого и изложена на основе строго проверенных данных (скелеты принесенных в жертву найдены в фундаментах храмов, а сцены принесения в жертву крови, добытой обсидиановыми иглами, нарисованы на стенах зданий Бонампака). У читателя может создаться впечатление, что древние майя были необычайно жестоки и кровожадны в своих религиозных обрядах. Разумеется, практика человеческих жертвоприношений предполагает определенную жестокость, но не надо судить этот народ слишком строго, следует учесть общественно-экономические условия и религиозные верования. К тому же, описанная выше сцена, которую

можно отнести, скажем, к 1000 году, возможно, даже менее жестока, чем то, что четыре или пять столетий спустя происходило в странах, стоявших на более высокой ступени цивилизации, например, в Испании, где Фердинанд Католический (с именем которого конкистадоры огнем и мечом прошли всю Мексику), был самым яростным сторонником инквизиции, сжигания на кострах ведьм и еретиков...

МРАЧНАЯ СТРАНИЦА: КОНКИСТАДОРСКИЕ ПОХОДЫ...

Лет через десять после того, как к берегам Нового Света впервые пристали кастильские корабли — сделавшие «грандиозное открытие по грандиозной ошибке», как сказал географ Ж. Б. Анвиль, имея в виду, что испанцы искали Индию, — в 1502 году Колумб, снарядив четыре судна, отправился в четвертую экспедицию. 30 июля он достиг Гуанахи, маленького острова в Гондурасском заливе. Бедность островитян разочаровала его, но неожиданно он заметил длинную пирогу, выдолбленную из цельного ствола громадного дерева; в ней сидели на веслах двадцать пять человек, а под балдахином из листвы восседал касик в богатом одеянии; рядом с ним лежали пестрые ткани, передники и безрукавые рубахи, бронзовые предметы (топоры, кувшины, бубенцы), деревянное оружие с кремневыми наконечниками и бобы ка-

као, служившие, как позднее узнали испанцы, своего рода обменной монетой.

Ни сам Колумб, ни сопровождавшие его брат Бартоломео и сын Эрнандо не придали этой встрече должного значения. И не обратили никакого внимания на слово «майя», часто повторяемое аборигенами из пироги. А ведь эта встреча была первым знаком, что в глубине вновь открытого континента существует довольно развитая цивилизация. Лишь пятнадцать лет спустя, встретив первых юкатанских майя в районе мыса Каточе, Кордоба и его лоцман Аламинос поняли, что имеют дело с народом определенно более высокой культуры, чем встречавшиеся им до тех пор индейцы караибы.

Покорение «трапеции» майя было довольно продолжительным делом. В упомянутой четвертой экспедиции Колумб исследовал побережье Центральной Америки от Юкатана до Панамского перешейка; здешние туземцы тоже были родственными майя индейцами, но образ жизни у них был иной (главным их занятием было рыболовство). Экспедиция выдалась очень трудной и позднее Колумб писал: «...Люди были больны и подавлены... Им часто приходилось безбоязненно встречать штормы, но никогда они не были столь продолжительны и ужасны... Страдания находившегося со мной моего сына разрывали мое сердце, особенно когда я думал, что ему всего 13 лет... Сам я был очень болен и не однажды чувствовал приближение смерти».

Следующими отправились в экспедицию Кордоба и Аламинос, у которых, как мы уже знаем, было несколько кровавых стычек с туземцами

майя. Кстати, через 10 дней после возвращения на Кубу Кордоба умер от полученных в Чампотоне ран. Но мираж золота был слишком заманчив: уже в следующем, 1518 году, к Юкатану двинулась новая флотилия, под командой Хуана де Грихальвы и с тем же Аламиносом в качестве лоцмана; среди членов экспедиции был и Берналь Диас дель Кастильо, будущий летописец этого похода. В устье реки Табаско (ныне река Грихальва) флотилия встретила многочисленных майя. Грихальва через переводчиков начал переговоры, расположившись на песчаном берегу; испанцы принесли свои бусы и зеркала, индейцы — рыбу, птиц, фрукты, кукурузные лепешки и по настоянию Грихальвы — несколько мелких вещей из низкопробного золота. Другого золота у них не было, но они показывали на запад; там, мол, находится страна, где много золота. И поскольку при этом индейцы не раз повторяли слово «мехико», эта страна и была так названа — МЕХИКО. Грихальва не стал терять времени и через несколько дней плавания достиг устья большой реки (вероятно, Усумасинты), где его ждали посланцы астекского правителя Монтесумы.

Некоторое время у испанцев было довольно много хлопот с астеками, и им было не до майя, разоренных почти вековым господством астеков. Лишь в 1524 году один из офицеров Кортеса — Педро де Альварадо пустился на юго-восток, вдоль берега, омываемого Южным морем (то есть Тихим океаном), к горной стране Гватемале. Достойный ученик своего начальника, Альварадо ловко воспользовался враждой туземных племен и, заручившись поддержкой равнинного населения,

подчинил жителей горного плато. Двумя годами раньше (1522) экспедиция Гиль Гонсалеса де Авилы, идя с противоположного конца, от Панамского перешейка, покорила город Никарагуа, достигнув южного края «трапеции», так что из всей населяемой древними майя территории остались независимы только восточные районы, куда входили долина реки Мотагуа и Гондурас.

Кортес слышал, что там лежит богатая золотом и серебром страна, что «индейцы в тех местах используют золото на грузила для рыболовных снастей». И экспедиция двинулась из Мексики в октябре 1524 года вдоль берега, а затем через Гватемалу. Поход продолжался больше полгода и был исключительно тяжелым. Десятки испанцев и сотни их индейских союзников погибли при переправе через болота «страны Петен», где им пришлось, стоя по пояс в воде, пилить деревья и вбивать сваи для мостов. А золота все не было... Кортес сам заболел тропической лихорадкой и, дойдя до города Трухильо, заложенного испанцами на юго-восточном берегу Гондурасского залива, остановился там на два года, затем снова вернулся в Мексику, откуда в результате интриг был отозван в Испанию.

Все эти более или менее успешные походы теоретически завершили завоевание населенных майя районов, но только теоретически, ибо огромные пространства оставались еще не исследованы испанцами. Юкатан был окончательно покорен лишь шестнадцать лет спустя, в 1541 году, а вглубь Петена и на северо-восток мексиканского штата Чиапас испанцы проникли только через столетие, ибо через болота и тропические леса было

страшно трудно пробраться, к тому же скудость природных ресурсов этих районов не привлекала солдат его королевского величества.

Последним убежищем индейцев ица, изгнанных с севера полуострова Юкатан (где они основали процветавшие поселения эпохи Нового царства), был Тайясаль, маленький остров на озере Петен, в глубине этой области. Индейцы, избежавшие смерти в резне при Чичен-Ице, жили здесь, сохраняя свою независимость и свой характерный образ жизни вплоть до 1697 года, когда их остров был захвачен испанцами. Один из участвовавших в захвате Тайясаля солдат заметил на острове рыжеволосого мужчину, женатого на индианке ица. Этот чужеземец имел влияние на туземцев, и у него была книга (вероятно, библия), считавшаяся им очень ценной. По-видимому, этот рыжеволосый мужчина был английским пиратом, бежавшим сюда из старого разбойничьего порта Белиза (в Британском Гондурасе), спасаясь от виселицы. К сожалению, этот флибустьер из Тайясаля (которого мы имеем серьезные основания считать одним из крупнейших авантюристов того времени) не оставил никаких свидетельств о жизни на маленьком острове среди озера Петен, последнего прибежища индейцев ица, как не оставил никаких записей и другой крупный авантюрист той поры, Гонсало Герреро, испанский солдат, ставший военным предводителем юкатанских майя. По всей вероятности, ни тот, ни другой и не умели писать, ибо в те времена грамота считалась привилегией духовенства. Солдат Берналь Диас дель Кастильо в этом отношении, конечно, исключение.

Завоевание Юкатана и Гватемалы облегчалось враждой между различными племенами майя. В Гватемале, например, воины племени какчикель вместе с наемниками Альварадо сражались против своих старых врагов — киче и сутухилей. За несколько лет до этого, во время похода испанцев в Мексику разные группы майя — особенно, тласкаланы — присоединились к Кортесу, борясь против своих угнетателей астеков. Вообще, среди индейцев Центральной Америки не было солидарности родственных племен. Конкиста, в конце концов неизбежная (если учитывать методы войны и более современное вооружение), как в Гватемале, так и в Мексике наступила бы значительно позже, если бы, с одной стороны, не вражда между майя и астеками, а с другой — не раздоры различных групп самих майя.

Местами от порабощения Центральной Америки силой испанского оружия и до установления там испанской административно-политической власти проходили целые десятилетия. Войдя в селение, наемники в любом случае — встречали ли их миролюбиво или сопротивлением, при котором половина (а то и больше) вооруженных копьями и пращами индейцев гибли, — действовали одинаково: в центре селения водружался испанский флаг, писарь составлял документ о том, что эта земля и ее жители принадлежат испанскому королю, а священник крестил индейцев, служил мессу и приказывал уничтожить языческих идолов. Затем отряд шел дальше, а индейцы возвращались к своей прежней жизни и поклонялись своим старым божествам.

Позднее, уже в 1540—1560 гг., испанцы стали оставлять в крупных поселениях майя свои гарнизоны и управленческий аппарат, в задачу которого, прежде всего, входил сбор налогов. Началось строительство церквей, широко развернулась работорговля, и рядом с именами гнусных вожаков наемных солдат, какими были, например, Альварадо и Монтехо, индейцы с ненавистью произносили имена торговцев рабами, среди которых пользовался печальной известностью некто Алонзо де Охеда. В Чампотоне, например, вскоре после того, как францисканские монахи конфисковали всех идолов, появилась шайка из двух десятков наемников, предлагая индейцам вернуть идолов в обмен на рабов. Туземцы были настолько возмущены, что наемникам и вместе с ними монахам пришлось поспешно отступить, и установление в этой области испанского управления задержалось на несколько лет.

В 1623 году, вскоре после того, как священник Диего Дельгадо основал поселение Саклум и собрал вокруг него многочисленных ица, которых обратил в христианство, здесь появился отряд испанцев под командой капитана Миронеса, взявший на себя миссию сборщика налогов. Самовольные действия наемников положили конец терпению туземного населения, и оно восстало, перебив всех испанцев и убив в том числе священника Дельгадо. Введенные в поселениях майя на Юкатане и в Гватемале испанские законы гласили, что отступничество (то есть возвращение к старым языческим верованиям) карается смертью; зато работорговля здесь долгое время была не только терпима, но даже поддерживалась властями.

Некоторые из касиков майя, потомки древних Кокомов и Тутуль Хиу, встретили испанцев доброжелательно, приняли христианство и признали власть Карла V, короля Испании. Другие же упорно сопротивлялись нашествию. В числе последних были вожди из Тиоо, Сотуты, Купуля, Цицимина и Ахкинчеля. Восстания продолжались и после того, как в 1566 году первым губернатором Юкатана был назначен Кихада.

Восстание майя, вспыхнувшее в 1636 году в Бакалале, доставляло испанцам много хлопот в течение свыше двадцати лет, ибо индейцы освоили военную тактику наемников и запаслись огнестрельным оружием и лошадьми. Поселение Эль Просперо в долине Усумасинты после восстания в 1646 году тоже долго не удавалось усмирить, и оно, по латинско-католическому выражению, оставалось in partibus infidelium (то есть в пределах владения неверных). В Гватемале восстания не прекращались даже после падения Тайясаля. В 1697 г. было разрушено множество зданий и на их месте построены церкви. Последние вольные майя ушли в труднодоступные глубинные районы, бродя небольшими группами по тропическим лесам и болотам Петена.

Более или менее случайно такие группы бродячих индейцев (лакандос) нет-нет да и обнаруживаются даже в наши дни ; об этих людях, прямых потомках удивительной цивилизации, процветавшей здесь тысячу лет назад, некоторые любители сенсаций — из журналистов — пишут в своих репортажах, как о племенах из каменного века...

КНИГА ЧИЛАМ БАЛАМ ИЗ ЧУМАЙЕЛЯ

От времен конкистадорских походов и последующего периода остался целый ряд очень интересных трудов, касающихся истории, верований и повседневной жизни майя. Многие из этих трудов написаны испанцами. Таковы, например, записки Берналя Диас дель Кастильо, солдата Кортеса, затем работа Альварадо под названием «Истинная история завоевания Новой Испании» (Historia verdadera de la Conquista de la Nueva España), довольно объективная и до сих пор еще остающаяся одним из главных источников по истории Нового Света того периода, который следовал непосредственно за эпохальным открытием Колумба.

Следующим, в хронологическом порядке, трудом является «Сообщение о делах в Юкатане» (Relación de las cosas en Yucatán) Диего де Ланды, изданное в 1566 году; бывший францисканский монах, наделенный острой наблюдательностью и

литературным талантом, Диего де Ланда, ставший затем епископом Юкатана, проявил себя самым яростным сторонником уничтожения древних рукописей и идолов майя. На закате своей жизни, возможно, сожалея о содеянном, он написал интересную книгу, подробно рассказав об обычаях и религиозных верованиях юкатанских жителей и дав детальное описание их календаря и письменности, в сопровождении иллюстраций.

Из трудов второй половины XVI века и последующего времени следует отметить как наиболее интересные следующие книги: Санчес де Агилар «Обвинение поклоняющимся идолам из епископства Юкатана» (Informe contra idolorum cultores del Obispado de Yucatan), году; Д. Л. Когольюдо издана в Мадриде, в 1639 «История Юкатана» (Historia de Yucatan), написанная в 1656 году и изданная в Мадриде в 1688 году; Бернардино де Сахагун «Общая история событий в Новой Испании» (Historia General de las Cosas de Nueva España); Б. де Лисана «История Юкатана» (Historia de Yucatan).

Написанные по-испански или по-латыни (иногда на испанском языке с многочисленными латинскими цитатами) и, как правило, с позиций католического духовенства, эти книги содержат все же многочисленные исторические и этнографические сведения, а также ценную информацию по вопросам народного творчества и религиозной мифологии древних майя, описания обычаев и будничной жизни туземных поселений Юкатана.

В более поздние времена очень плодотворную деятельность развернул один из миссионеров Брассер де Бурбур, который пытался спасти все,

что еще можно было спасти после разрушений, причиненных его предшественниками. Он обнаружил (и в некоторых случаях спас от огня) несколько прекрасных памятников письменности майя, в том числе и часть одного из трех существующих кодексов; он же спас целый ряд рукописей, когда монашеские ордена Мексики были распущены. Увлекшись историей народов майя, Бурбур где только можно рылся в библиотеках, в монастырских и антикварных коллекциях; однажды у одного антиквара из Мехико он купил за четыре песо рукопись самого лучшего майя-испанского словаря, так называемого *Мотула,* имеющего фундаментальное значение для разгадки письменности майя. Ему мы обязаны и публикацией *Попул-Вуха,* книги героических мифов индейцев майя-киче.

Очень жаль, что по вопросам истории майя ученым приходится обращаться к источникам иностранного происхождения, когда цивилизация майя, имевшая свою письменность, сама могла дать нам о ней самые прямые и самые точные сведения. Но древние тексты были почти все уничтожены. Уже в сравнительно недавние времена население майя предоставило нам новые тексты; начиная с XVI века и вплоть до нашего времени безымянные авторы из Юкатана и Гватемалы записывали на языке майя, но пользуясь испанским письмом, латиницей, многочисленные сведения о древней цивилизации. Источником некоторых из этих новейших записей, особенно воспроизводящих религиозные мифы, являются, по-видимому, уничтоженные древние тексты, передававшиеся по традиции в устном пересказе.

Из всех переписок после конкисторского периода исключительный интерес представляет книга *Чилам Балам из Чумайеля,* записанные латиницей народные рассказы на языке майя, многочисленные пассажи которых свидетельствуют о восстаниях против несправедливости и выявляют волю индейцев к утверждению своей национальной сущности. На этом сборнике следует остановиться подробнее.

Составляющие данный сборник произведения ходили по мелким юкатанским поселениям веками, распространяясь в рукописях (известно восемнадцать вариантов). Возникли они во второй половине XVI века, но лишь во второй четверти XIX века мексиканский ученый Пио Перес частично собрал их и опубликовал из собранного страницы исторического значения. Другой сборник, составленный из рукописей, ходивших в юкатанском селении Чумайель, ныне более известен, чем собрание Переса (которое не следует смешивать с Codex Peresianus, из Парижской Национальной библиотеки, — одной из трех рукописей с глифами майя, спасенных от неистовых миссионерских костров XVI века). Сборник из Чумайеля был переведен на испанский язык юкатанским ученым Медисом Болио (1930) и на английский — американским археологом Ральфом Л. Русом (1933). Все другие сборники, носящие название местности, откуда они происходят, известны сейчас только в рукописных или фотографических копиях, ибо большинство оригинальных записей погибло в период революционных событий в Мексике в 1912—1915 годы. Переводы же сделаны или

по рукописным копиям (сборник Переса), или по фотокопиям (сборник из Чумайеля).

Однако постепенно пропавшие рукописи начали выплывать на свет. Например, обнаружилось, что оригинал чумайельского сборника находится в собственности одного частного коллекционера из США, который в 1945 году пожелал продать его за «скромную» сумму — 5 000 долларов; чуть раньше, в 1938 году, он просил за нее 7 000 долларов, но поскольку покупателей не нашлось, снизил цену...

Мексиканский ученый Баррера Васкес, специалист по культуре майя, в сотрудничестве со своей женой Сильвией Рендон, написал и издал в 1948 году труд — результат сравнительного исследования различных сборников *Чилам Балам. Чилам* по-юкатански — верховный жрец-прорицатель, а *балам* — ягуар и одновременно — волшебник, маг, колдун. Так что это «Книга Пророка Ягуара». Сборник объединяет разнообразные тексты: религиозные, обрядовые, прорицательные, астрологические, медицинские, исторические. Интересны пассажи, в которых отражается отношение к испанским завоевателям: безымянные авторы осуждают сотрудничество майянской знати с захватчиками, их стремление уподобиться испанским *идальго,* одеваться, как они, носить саблю, ездить верхом, а в конечном итоге — притеснять своих сородичей, простых людей, обрабатывающих землю и восстающих против испанских господ.

Один из крупнейших в Латинской Америке специалистов по индейскому вопросу Александр Липшуц считает, что авторы текстов из книги *Чилам Балам* — «бывшие майянские интеллектуалы»:

жрецы и ученые, которые, хотя и перешли в христианство, все же остались верны древним культурным традициям. «Можно предполагать, что это они написали произведения, приписываемые жрецу-прорицателю Чиламу Баламу, и что они были вождями духовного сопротивления. Они знают и оплакивают страдания своего порабощенного народа».

Ниже мы воспроизводим несколько отрывков из книги *Чилам Балам,* в сопровождении некоторых комментариев. (Перевод на румынский язык взят из журнала «В защиту мира» — «În apărarea păcii» № 49, за 1955 год)[1].

Едва они пришли и вот уж
Господствуют на этих землях...
Они все бледнолицы...

Готовьтесь все!..
На расстоянии
Призыва, за много лье
Вы все их приближенье ощутите.
Несчастье нам!
Приход их
Для нас будет агонии моментом!
Белые коршуны
Леса уничтожают в наших землях
И камень весь увозят.
Огонь их руки изрыгают
И яд скрывают,
И веревки держат,

[1] Перевод на русский выполнен по этому румынскому тексту (прим. перев.).

Которыми они отцов ваших задушат.

Ах, братья...
Близки страданья наши,
И приближается жестокость нищеты
Налоги, подать...
Едва успели вы на свет явиться,
Побеги нежные лишь завтрашних деревьев,
А вас налогов бремя тяжкое
Придавит...
Готовьтесь все
Переносить тяжелые страданья,
Что вереницею придут к нам
В течение катуна, что наступит :
То будет пора печалей,
Времена господства
Дьявола...
Кровопролитий страшных
И сифилиса, и болезней смертных,
И засухи, и саранчи нашествий,
То — пропасть нищеты...
Земля наша — в огне
И небо — в белых кругах...
Земля наша — в огне,
Гнетущая война,
Все силы изнуряющая бойня...

Эпоха скорби нашей,
Слез горьких и страданий...
Рабы — деревья,
Раб — камень,
Слово — раб,
Все населенье — в рабстве,

И рабство низкое еще придет,
Познаете его...
Мученье всенародное...
Владык повесят всех,
Вождей краев майянских,
Что правят городами,
Жрецов майянских.
И придет конец
Святым делам и мудрости...
И виселиц несметное число
Итогом и ценою будет
Грядущего катуна...

Муравьи-гиганты
Из трех громадных муравейников
Заполонят всю землю.
Жестокие страданья,
Жестокие раздоры.
Касики — лисы,
Касики — злые кошки,
Касики — паразиты, кровопийцы,
Вы — бедствие народа!

В бесконечной веренице страданий певцы народной печали не теряют однако надежды. Возможность возрождения народа майя они видят в восстании против угнетателей. Следует обратить внимание, что местами в тексте древние верования сочетаются с новыми, христианскими понятиями.

Если только
Губернатор края

Сам бы угодил в петлю веревки,
Воля бы опять вернулась к майя
И конец настал бы нищете...
Устрашилась бы тогда
Суда господня
Стая белых коршунов жестоких,
Злые притеснители народа,
Пестрые шуты,
Драчливые канальи!
По-другому бы тогда
Заговорили,
Речь другою стала б,
И слова — другими...
А как случится это,
С коршунами белыми начнется
Битва всенародная...
Рабы ошпарят
Кипятком горячим
Всю моль земли,
Драчливых негодяев,
Белых коршунов
И диких кошек...
Небо
Их всех накажет
Грозно,
Резня начнется страшная,
Никто не избежит
Ножа войны...

Золото не будут увозить
К Антихристу...

Край наш возродится...
Будут справедливы судьи

И бедняки — богаты.
И жатвы, жатвы станут
Особенностью нового катуна,
Лет благоденствия
И изобилья...

Но в определенные моменты самого Чилама Балама, великого жреца и прорицателя, по-видимому, охватывает отчаяние, и он призывает к покорности пришельцам из-за моря. В последней главе безымянный автор заставляет пророка высказываться в духе священников-миссионеров:

Богов своих бессильных позабудьте,
Все боги ваши — смертны...

Встречайте же пришельцев бородатых,
Гостей с неведомых земель
Восточных,
Они несут знаменье
Отца нашего
Господа бога...

Однако безымянный автор отнюдь не убежден в истинности своей новой веры, не видит в ней избавления от принесенных захватчиками страданий и лишений. Книга пророчеств Чилама Балама завершается вопросом, в котором сквозит скептицизм:

Нет правды
В речах пришельцев...

Кто будет тот пророк
И жрец, который сможет
Истолковать
По правде, справедливо
Слова писания ?

АВАНТЮРИСТЫ ОТ АРХЕОЛОГИИ И ИСКАТЕЛИ КЛАДОВ

Археология майя зародилась при странных обстоятельствах.

Несмотря на довольно многочисленные испанские труды XVI—XVII веков, научный интерес к руинам Центральной Америки пробудился довольно поздно — возможно, потому, что вышеупомянутые труды были церковного характера, хотя не только попы, но и люди, не имевшие никакого отношения к духовенству, в своих докладах испанским властям выражали восхищение архитектурой древних городов майя. Следует отметить, однако, что многие из этих докладов ни разу не публиковались, оставшись в пыльных государственных архивах.

В 1785 году комиссия, составленная, в большинстве, из военных чинов, посетила только что открытые тогда руины Паленке, и отправила на имя

испанского короля Карла III доклад, в сопровождении иллюстраций и «образцов» скульптуры; однако, в силу несчастливой традиции, этот доклад, как и другие, был похоронен в архиве. Много лет спустя копия отрывков из этого доклада попала в Лондон и была опубликована там в 1822 году; это был первый труд по археологии майя, хотя научные достоинства его и весьма сомнительны.

В этой копии некто Антонио дель Рио, артиллерийский капитан, между прочим, с гордостью докладывает своему королю: «Решительно было сделано все, что необходимо, чтобы не осталось ни одного заблокированного окна или ворот, ни одной не пробитой стены, ни одного помещения, коридора, двора, башни и подземелья, где бы не было произведено глубокое рытье...»

Интерес к загадочным руинам был однако же разбужен. Вскоре граф Хуан Фредерик де Вальдек, немного авантюрист, художник и ...археолог-любитель, посетил Паленке и задержался там на два года, снимая планы, делая зарисовки фресок и скульптур, причем стилизуя их... с большим талантом. Вальдек прожил очень бурную жизнь: участвовал в походе Бонапарта в Египет, сражался в Чили вместе с адмиралом лордом Томасом Кокраном в войне против испанского господства. Цивилизацией майя он занялся в 66 лет, в том возрасте, когда большинство археологов уже уходит на покой. Результаты его исследований включены в труд «Живописное и археологическое путешествие по провинции Юкатан» (Voyage pittoresque et archéologique dans la province d'Yucatan, Париж, 1838 г.); это — второй труд по археологии майя.

Умер граф Вальдек в Париже, в 1875 году, в возрасте 109 лет и не от болезни, а от уличного несчастного случая (говорят, по своей вине, потому что обернулся взглянуть на красивую женщину...). Впрочем, он вовсе не был графом и, подстать его благородному титулу, оказались подделкой и некоторые его зарисовки из Паленке ; между прочим, там он нарисовал один персонаж майя во фригийском колпаке и в классической позе конца XVIII века и чисто американских ягуаров на скульптурах майя превратил в ...слонов.

Итак, первые труды по археологии майя вышли комом : дель Рио частично разрушил то, что еще устояло на месте (в Паленке и сейчас еще заметны печальные следы его артиллерийской тактики), а Вальдек придал культуре майя неоклассические черты и подарил ей слонов. Дальнейшая судьба археологии майя была не менее удачной. Лорд Кингсборо, эксцентричный английский богач эпохи регентства, будучи убежденным, что древние народы Мексики и всей Центральной Америки происходили от десяти библейских племен Израиля, всю жизнь и все свое состояние потратил на то, чтобы доказать свою теорию. Его труд «Мексиканские древности» (Antiquities of Mexico, Лондон, 1831—1848 гг.,) состоит из девяти огромных томов, каждый из которых можно было поднять только вдвоем ; в конце концов старый лорд разорился, не смог заплатить за публикацию последних томов и был посажен в долговую тюрьму. Надо отдать должное : некоторые собранные им материалы интересны еще и в наши дни, особенно древние тексты, со временем исчезнувшие. В его труде впервые был воспроизведен и Дрезденский

кодекс, лучше всего сохранившийся из всех трех иероглифических книг майя.

Два первых, строго научных труда о майя принадлежат Джону Л. Стефенсу, который вместе с английским художником Фредериком Катервудом посетил более сорока поселений майя; в 1839—1841 гг. они прочесали болотистые леса в долине Усумасинты и извлекли на свет из-под буйной тропической растительности много следов майянского прошлого. В районе поселений Копан и Киригуа они исследовали барельефы и скульптурные стелы, а на пути из Копана в Паленке составили археологическую карту. Результаты их работы собраны в двух книгах «Происшествия во время путешествия в Центральную Америку, Чиапас и Юкатан» (Incidents of Travels in Central America, Chiapas and Yucatan, Лондон, 1841) и «Происшествия во время путешествия по Юкатану» (Incidents of Travels in Yucatan, Лондон, 1843). Первая из этих книг вышла в течение девяти месяцев в 12 изданиях, менее чем за десятилетие она разошлась в 25 000 экземпляров, что для того времени было невероятной цифрой. И все же, Стефенс тоже не избежал соблазна фантастических гипотез: он выдвинул теорию о родстве цивилизации майя с цивилизацией... Атлантиды.

К концу XIX века археолог П. А. Моуслей предпринял тщательное исследование, особенно городов Тикаль и Вашактун. Итог этой работы 1881—1894 годов заключен в пяти томах с множеством репродукций, карт и планов. В отличие от своих предшественников, Моуслей имел в своем распоряжении новейшее изобретение того периода — фото-

аппарат. Так что представленные им иллюстрации — самые подлинные.

И все-таки, даже и в новые времена археология майя не избавилась от фантазеров; так, путешественник и археолог Ле Плонжон, подхватив теорию Джона Л. Стефенса о том, что майя пришли из Атлантиды, пытался к тому же доказать, что древнегреческий алфавит это не что иное как гимн майя, в котором говорится об утонувшей мифической Атлантиде. Найдя возле скульптурных стен в Чичен-Ице какие-то тонкие корни, Ле Плонжон принял их за телеграфные провода и сделал вывод, что у древних майя — тысячу лет назад — существовал телеграф.

В нашем столетии по древним американским цивилизациям специализируется несколько научных учреждений (Говардский университет, Музей Пибоди и, особенно, институт Карнеги, в Вашингтоне). В Петене, Юкатане, Чиапасе и Кампече работали экспедиции, вооруженные систематизированной программой и новейшими средствами.

Предпринимаемые в наше время исследования затруднительны, ибо многие древние поселения майя находятся в болотистых, заросших буйной растительностью местах, и археологам приходится работать в очень неблагоприятных условиях тропического климата. Иногда вина за разрушение древних материальных свидетельств лежит на первых прошедших по тем местам европейцах: охотниках за идолами, ревностных офицерах, вроде Антонио дель Рио, коллекционерах древностей и т. п.

Чтобы сделать цветные снимки фресок, покрывавших стены храма в Бонампаке, «специалисты»

одной из первых экспедиций промыли их бензином, убрав предохранявший их от разрушения известняковый слой. Бензином разъело краски, они потекли, и фрески превратились в пестрые пятна.

Некоторыми археологическими открытиями на «трапеции» майя мы обязаны простым случайностям. Многие памятники Петена обнаружили в тропических лесах *чиклерос,* сборщики *чикле* — смолы типа латекса, сырья для производства жевательной резинки. Вокруг Гватемалы, где леса менее густы, археологические находки обнаруживаются одна за другой, с тех пор как здесь началось программное жилищное строительство; правда, бульдозер и автоподъемник не совсем подходящие инструменты в археологии, но иногда и они могут дать интересные показания...

В интервью мексиканского ученого Барреры Васкеса советскому журналисту («Знание-сила», № 12, 1965) рассказывается, как в 1958 году руины одного крупного города майя обнаружили дети, игравшие на холме вблизи Мериды. Один ребенок упал, сдвинув поросший мохом камень, и под камнем открылся участок стены в орнаментах. Археологи обнаружили здесь древний город Цибильчалтун (*цибиль* — письмена и *чалтун* — глыба, скала), один из самых крупнейших и древнейших на Юкатане (3 000 лет, 50 000 жителей). С тех пор прошло уже восемь лет, а из богатейшего материала этого археологического очага не изучено и десятой доли.

Многочисленные легенды, сотканные вокруг древней цивилизации майя, еще и сегодня привлекают к археологическим исследованиям многих более или менее сведущих в археологии людей.

Одна из таких легенд, о «золотом коне из Тайясаля», как, впрочем, и многие другие, основывается на реальном историческом факте. В хрониках 1524 года указывается, что Кортес на своем пути в Петен заходил в Тайясаль, где крестил правителя Канека, признавшего власть короля Испании, Карла V. Уходя дальше, Кортес оставил здесь своего ослабевшего старого коня, который не смог бы выдержать трудностей дальнейшего пути. После ухода испанцев индейцы из Тайясаля забыли и христианство, и Карла Пятого и стали поклоняться... коню, который был для них сказочным существом, пришельцем из иного мира. Бедное животное не могло прожить на жертвоприношениях, состоявших из копала и бальче, и вскоре пало от голода... На этом история завершается и начинается чистейшая легенда : боясь навлечь на себя гнев божества-коня, индейцы из Тайясаля отлили ему золотую статую и установили ее на постаменте в одном из храмов. Когда испанцы начали осаждать город, нескольким жрецам удалось прорваться с золотым конем и спрятать его в какой-то пещере на дне озера.

Легенда о золотом коне древних майя много лет зачаровывала любителей археологических изысканий (несколько сот килограммов золота представили бы для счастливцев огромное богатство). Одним из не столь давних искателей золотого коня из Тайясаля был Пьер Иванофф, француз, живший в 1950—1952 гг. среди индейцев гуаарибов, на границе Венесуэлы и Бразилии. В 1960 году, вооружившись скафандром и устаревшим компрессором, прихватив с собой нескольких туземцев, которые в конце концов бросили его, потому

что ему уже нечем было заплатить им, Пьер Иванофф исследовал озеро Петен-Ица, но нашел только черепки керамики XVI века. Затем, следуя указаниям сборщиков чикле, он отправился на поиски на огромное болото Петенбатун, где находил в пещерах одних летучих мышей. В конце концов он очутился в лесном районе и открыл один из самых интересных городов майя, который был покрыт наносами и буйной растительностью.

Вернувшись в столицу Гватемалы, он с трудом раздобыл денег на экспедицию, но... не нашел то место, куда должен был вести экспедицию. Только благодаря помощи своего друга, французского пилота из Гватемалы, ему удалось распознать с самолета место, где он свалил несколько деревьев, отметив местонахождение руин. Другая предпринятая им в 1963 году экспедиция обнаружила... разумеется, не легендарного золотого коня, а новые, тоже интересные руины, которые еще исследуются.

«Как мне это удалось ? — объясняет П. Иванофф в интервью молодежному журналу «Вайян». — Благодаря моим поисковым методам. Три человека с рюкзаками за спиной проникают в самую глубь лесов и исследуют их непосредственно, в радиусе поистине фантастическом, чего не может сделать классическая экспедиция, слишком тяжелая, скованная условиями ее снабжения и в силу этих обстоятельств неповоротливая и медлительная для областей, где благоприятный сезон длится не больше четырех месяцев».

Безусловно, интересная точка зрения. И Пьер Иванофф, хотя ему и не удалось найти золотого коня из Тайясаля, открыл интереснейшие свиде-

тельства древнего прошлого майя, выпустил о них книгу и документальный фильм, доходы с которых предназначил на новую экспедицию.

Из всего вышесказанного следует выделить, прежде всего, что искатели кладов есть и в наше время и что далеко не всегда найденный клад оказывается искомым... (В этом отношении интересен случай с тремя молодыми канадцами, которые, разыскивая в апреле 1966 года пиратское судно, затонувшее с богатой добычей вблизи острова Кейп-Бретон, обнаружили обломки французской шхуны «Ле шамо», потерпевшей крушение в 1725 году. В капитанской каюте находилось жалование французскому гарнизону Луисбургского форта — клад, оцененный в 700 тысяч долларов...)

Для истинных археологов ценность кладов определяется не в деньгах и не в золоте, а совсем в других величинах. В 1956 году мексиканский археолог Альберто Руз нашел один из таких кладов в Храме надписей в Паленке. Совершенно случайно он заметил, что на одной из самых больших устилавших пол помещения плит есть несколько отверстий, по размеру пальцев, как будто специально, чтобы ухватить ее и приподнять. Плита оказалась своеобразным люком, под которым открывалась лестница, ведущая в глубь здания. Лестница разветвлялась на две, одна ее часть вела к широкой площадке, другая спускалась глубже, на восемнадцать метров, и там упиралась в закрытый ход через стену, возле которой лежали останки шести юношей, по-видимому, принесенных в жертву рабов. Когда ход через стену был открыт, археологи очутились в большом зале, вроде пещеры, сплошь покрытой сталактитами и ста-

лагмитами, образованными водой, просачивающейся через известняковые площадки. На стенах пещеры было девять берельефов из штукатурки, изображавших богов. Большую часть помещения занимал огромный саркофаг с крышкой, покрытой необычайно искусной скульптурной резьбой. Тяжесть саркофага была определена примерно в пять тонн. Вырезанные по бокам его глифы упоминали о погребении в период около 700 года. В саркофаге лежал скелет вождя майя, с нефритовыми украшениями, грушевидной жемчужиной в 2,5 см длиной и целым рядом других ценных предметов.

Именно такие находки, довольно частые на «трапеции» майя, и являются для археологии подлинными кладами.

«ТРАПЕЦИЯ» СЕГОДНЯ

В течение последних столетий флора и фауна населяемых майя краев оставались неизменными, не считая, конечно, культурных растений и домашних животных, привезенных сюда европейцами.

Характерную особенность местного пейзажа составляют деревья акаху, или махагони (Swietenia mahagoni), которые дают ценную, очень твердую красную древесину, идущую на изготовление мебели ; хвойные деревья с их своеобразными силуэтами ; гигантская *сейба* или *сейбо* (Ceiba pentandra), плоды которой дают *капок,* нечто вроде блестящей шерсти, используемой для набивки матрацев, и которую древние майя считали священной (на центральных площадях любого гватемальского поселения еще и сейчас обязательно растет сейба) ; пальмы различных пород ; хлебные деревья (Artocarpus incisa), круглые плоды которых,

размером с тыкву, местные жители едят вареными и печеными. К числу ценных растений относятся еще и некоторые породы дикого дерева, родственного бразильскому каучуконосу, затем *сапотайер* или *саподильо,* кустарниковое дерево-каучуконос, дающее *чикле,* сырье для жевательной резинки, деревья, дающие ваниль и какао. В лесах растут многочисленные сорта орхидей, иногда взбирающихся до вершин самых высоких деревьев.

Густые тропические заросли подтверждают, что древние майя вкладывали много труда, чтобы очистить участки земли для посевов ; они сжигали высокие деревья, затем своими простыми орудиями — кремневыми и обсидиановыми топорами — вырезали корневища, а в начале сезона дождей засевали смешанную с золой землю ; уже через два-три года земля родила так мало, что ее приходилось бросать, оставляя во власти дикой буйной растительности, и очищать под пашню другой участок леса (такой подсечно-огневой метод земледелия, получивший название индокитайского происхождения — *рай,* еще и сейчас практикуется на Мадагаскаре и в некоторых районах Африки и Южной Америки).

В тропических лесах жизнь очень трудна, путешественник на каждом шагу встречает самых различных насекомых, птиц, ящериц. Ягуары (Felis onca) и тапиры (Tapirus americanus) еще довольно многочисленны ; навстречу человеку они выходят редко, но следы их видны то тут, то там. Чаще встречаются здесь олени, *пекари* (дикие свиньи местной породы, мясо которых очень вкусно), дикие кабаны, *агоуты* (млекопитающий грызун не больше зайца), ленивцы (Bradypus), а также две

разновидности обезьян — обезьяна-паук (названная так за ее длинные и тонкие конечности) и обезьяна-ревун, странные вопли которой разносятся по всему лесу, особенно по ночам и на рассвете. Центральная Америка — родина *оцелота* (на языке майя — *талоселотль*) дикой кошки, с мехом в темных пятнышках.

Из птиц многочисленны попугаи *ара* и тетерева-очкарики, с золотисто-зеленым оперением в ярких глазках, как у наших павлинов. Очень грациозную птицу *окко* из семейства куриных, с причудливым, спиралью, гребешком местные жители весьма ценят не столько за ее красоту, сколько за вкусовые качества мяса ; это прирученная птица-чревовещатель пасет всех других домашних птиц, выполняя роль овчарки. Среди тропических лесных птиц назовем еще *тукана,* с мощным, толстым клювом, и родственного кецалю *курука* с красной шейкой ; этот последний встречается только на больших высотах, как наши тетерева, и так же редок.

Дожди в этом тропическом районе чрезвычайно обильны. На юге количество осадков достигает трех метров в год. Но есть и сухой сезон, который держится с конца января до мая ; все остальное время года центральная часть страны совершенно непроходима ; путешественники рассказывают, будто влажность такая, что любая кожаная вещь покрывается плесенью. К сожалению, самым благоприятным для сбора *чикле* является как раз дождливый сезон и чиклерос проводят его в лесах, в примитивном временном жилье. Путешественники говорят, что на десятки и даже сотни километров там не встретишь ни одного селения, разве только

жилище чиклерос (*хакаль* — хижина или *бахарека* — землянка) либо временный стан блуждающих *лакандос,* которые сейчас уже вымирают.

Штат Чиапас, где есть места до 1 500 метров над уровнем моря, представляет собою плоскогорье в сосновых лесах и травах; к юго-востоку, вблизи древнего Копана, рельеф горный, как и в некоторых районах Британского Гондураса.

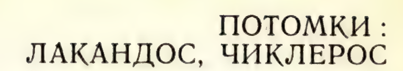
Повсюду изобилие известняка дает прекрасный материал для строительства и скульптуры. В некоторых местах кремень и другие твердые породы с успехом заменили обсидиан из вулканических районов. В Британском Гондурасе отдельные группы майя добывают гранит, делая из него *метате,* которыми и сейчас еще пользуются довольно широко. Есть здесь и золото (которого в Петене не обнаружено), но в малом количестве; древние майя стали пользоваться им очень поздно, к великому разочарованию первых конкистадоров.

Область Петен еще в древности производила какао отличного качества и вывозила в другие районы перья птиц, шкуры ягуаров, кампешевое дерево, используемое как сырье для изготовления мебели и красителей, пряности, копаловые смолы, используемые для культовых надобностей и производства красок, ваниль в небольшом количестве, каучук, из которого делались мячи, затем пальмовую сердцевину, прекрасный заменитель сельдерея, несмотря на ее горький привкус.

В северных районах, в Юкатане и Кампече, климат суше (годовые осадки примерно 46 см), а растительность главным образом кустарниковая. Известняк здесь более пористый, чем в центральных районах, рек меньше и население пользуется чаще

естественными водоемами в форме воронок (сеноте). Однако здесь хорошо растет хлопок, и местные жители — большие мастера ткать яркие ткани, воспроизводящие древние мотивы майя.

Кампешевое дерево (Haematoxylon campechiarum,) от которого произошло и название области Кампече, в наше время является важным товаром экспорта. Это — тяжелое, твердое дерево красного цвета с очень красивым блеском. Часть населения майя с северо-запада Юкатанского полуострова занята в деревообрабатывающей промышленности, обрабатывая твердой сталью то самое дерево, которое их предки обтесывали кремневыми или обсидиановыми орудиями...

ПОТОМКИ: ЛАКАНДОС, ЧИКЛЕРОС

Потомки древних майя и сейчас населяют те же самые места, где когда-то процветала их древняя цивилизация. Лишь в некоторых областях, особенно поблизости от крупных индустриальных центров, они растворились в массе латиноамериканского населения.

Шестьдесят лет назад географ Карл Саппер в труде «Экономическая география Мексики» (Wirtschaftsgeographie von Mexico, Галле, 1908) определил, что приблизительно 1 250 000 человек говорили тогда в тех местах на наречиях майя, причем, три пятых из этого числа пользовались их южными вариантами. Статистика 1965 года свидетельствует, что сейчас в Мексике и в Британском Гондурасе 363 000 человек говорят по-юкатански, а 304 000 — на других языках майя; в Гватемале среди 1 800 000 жителей распространено четырнадцать

говоров майя, наиболее важные из которых мам (310 000), киче (580 000) и какчикель (360 000). На берегах реки Пануко жители говорят по-уастекски. Кроме языка, эти группы населения сохранили многочисленные древние традиции в хозяйственной и общественной жизни и, особенно, в народном искусстве. Многие среднеамериканцы говорят на двух языках; другие, смешавшись с испанскими креолами, окончательно перешли на испанский язык, но хотя бы частично продолжают следовать образу жизни индейцев.

Если учесть, что по предположениям ученых население майя до прихода Колумба составляло примерно от 1 500 000 до 3 000 000 человек, то выходит, что за последние пять веков население майя и не выросло и не уменьшилось (2 500 000 человек в 1965 г.); однако, фактически эта «стабильность» представляет собою спад, если иметь в виду, что по демографическим показателям (особенно, что касается естественного прироста) население Латинской Америки непрерывно растет. В Мексике, например, средний годовой прирост населения — один из самых высоких в мире (на тысячу — 31).

В настоящее время диалекты майя в пределах «трапеции» находятся на пути к исчезновению. Два из них исчезли совсем недавно, в первые годы нашего столетия.

В северной зоне и в северных участках центральной зоны население говорит только на юкатанском диалекте, который отдельные специалисты считают собственно языком майя. Чем дальше к югу от Юкатана, тем все более население переходит

от юкатанского языка к южным майянским, и разница между говорами становится все больше, по мере удаления к южному основанию «трапеции». Переход совершается незаметно и постепенно. Один из крупных специалистов по языку майя, Андраде совершенно справедливо отмечает, что для составления лингвистической карты территории майя нужны не ярко контрастные, а стушеванные краски едва различимых оттенков.

Язык майя музыкален, приятен для слуха. В нем нет звуков, соответствующих нашим *Д* и *Ф*; зато есть особый звук, который лучше всего можно передать через сочетание *ДЗ*. Звук *Р* редок и чаще встречается в одном из говоров северной Гватемалы. Говорят, научиться языку майя очень легко.

Физический облик майя довольно однороден. Они крепки сложением, хотя и не высоки (средний рост — 1,56 м). Ноги у них мускулисты, лицо широкое, скуластое, черты гармоничны. Вообще майя считаются красивыми людьми. Кроме того, у них очень живой ум и ловкие руки.

Юкатанские майя — самые брахицефальные в мире. Средний черепной показатель (длина головы, разделенная на ее ширину) у них — 85, а в некоторых случаях — даже 93.

У майя черные, очень блестящие волосы, обычно прямые и в редких случаях — крупноволнистые; глаза в большинстве случаев темно-карие. Верхние веки нередко с чуть заметной складкой, придающей глазам миндалевидную форму. Нос мясистый, острый и прямой, а иногда орлиный; нижняя губа толстая.

Обычаи и духовный характер неомайянского населения отличаются некоторыми особенностями, точно так же, как и их язык.

Юкатанские майя явились предметом тщательного исследования в 1950—1951 гг., когда среди них проживала группа американских этнологов, археологов и миссионеров. Ученые пришли к выводу, что у среднего юкатанца очень развит дух коллективизма, он любит работать сообща, что юкатанец очень привязан к своей семье, но считает, что проявлять свою любовь не положено. Он дружелюбен, очень склонен к шутке и редко сердится. Умственные способности у него средние, особой изобретательности не проявляет и яркого воображения — тоже. Вообще экономен и исключительно честен. Чистоплотен, моется утром и вечером. Жена его обычно — замечательная хозяйка. Что касается религиозных верований, то в этом отношении от человека к человеку отмечаются довольно существенные различия. В юкатанском обществе убийцы и нищие — редкое исключение.

Майя-кекчи тоже описаны учеными как мягкие и спокойные люди, очень честные и трудолюбивые. Немецкий географ и этнолог Карл Саппер, долгое время живший среди индейцев-кекчи в области Альта Верапас, рассказывает в своей книге «Север Центральной Америки» (Das nördliche Muttelamerika, Брауншвейг, 1897), что они воспитывают у молодежи сдержанность и уравновешенность, уважение к родительскому авторитету; резкие жесты и повышенный тон некоторых европейцев или североамериканцев воспринимаются ими как проявление невоспитанности; превыше всего они ставят честь и за 12 лет, сколько жил среди них

немецкий ученый, у него не пропало ни одной мелочи.

Майя-лакандос с большой симпатией были описаны американским ученым Альфредом М. Тоззером в «Сравнительном исследовании майя и лакандос» (A Comparative Study of the Mayas anopthe Lacann pes, Нью-Йорк, 1907 г.). Тоззер рассказывает, что лакандос, среди которых он находился некоторое время, живут безмятежной семейной жизнью, и непонимание и ссоры у них редки; они честны, великодушны, гостеприимны и чувство чести у них очень развито. Они очень спокойны, редко выходят из себя, но когда уж выходят, то гнев их страшен.

В юкатанские села на юге и по краю Петенских лесов, где колесят агенты скупающих чикле компаний, в числе других торговцев проникли и корчмари. Индейцы майя, привычные к легким алкогольным напиткам — бальче и атоле — с трудом переносят водку *агуардиенте,* которой торгуют в *кантинас* (то есть в погребках и закусочных). Когда сборщики чикле пьют ее, в селах вспыхивают ссоры и разражаются скандалы и споры, нередко кончающиеся кровопролитием. Водка — одна из многих язв, принесенных в эти края «цивилизацией».

Странная судьба сложилась у населения лакандос, которые жили сначала оседлыми поселениями, а потом небольшими замкнувшимися в себе группами рассыпались по лесам вдоль берегов реки Усумасинты, ведя кочевой образ жизни. В 1965 году один журналист из французского журнала «Наука и путешествия» (Sciences et Voyages), после того, как несколько месяцев разыскивал ла-

кандос, напал, наконец, на их след, долго жил среди них и снимал их. Группа, обычно одна семья, за год меняет жилье пять-шесть раз. Ходят лакандос в длинных хлопчатобумажных халатах. Мужчины с детства курят толстые сигары из дикого табака. Любимая еда по утрам — лесные, так называемые юкатанские цветы, сок которых содержит наркотик ; днем — мясо обезьян и попугая. Любимый напиток — *кайе,* слегка перебродивший кукурузный сок, в смеси с разными пряностями. У вождя группы обычно 3—4 жены и 15—20 детей. При встречах двух групп вожди частично обмениваются женщинами и продают «лишних» девушек, считая их пригодными для замужества в 10 лет...

Один из лакандос, сменивший кочевую жизнь на оседлую, приняв от мексиканских властей должность сторожа храма в Бонампаке, некий Чаан-Анин Обрегон сейчас водит туристов по одному ему известным тропам. На пятичасовом пути от маленького аэродрома в лесной глуши до Дома Ягуара в Бонампаке от Обрегона можно услышать печальную повесть о жизни «привидений», как называют лакандос, о «людях с бесшумным шагом» : эти предки тех майя, которые воздвигали города и дворцы, знали движение звезд и письмо и создали искусство, поражающее смелостью художественного замысла, считаются в наши дни самым отсталым населением на земном шаре.

Значительная часть лесных жителей Петена и западного Британского Гондураса занимается ремеслом, какого нет нигде в мире — сбором чикле. В сезон дождей, когда *сапотайеры,* деревья-каучуконосы, наливаются соком, они уходят в леса, над-

резают стволы деревьев ножами особой формы — *мачете,* подставляют к ним выдолбленные тыквы, и в них стекает латекс, так называемый *чикле,* ароматический каучук, молочный сок, похожий на гутаперчу.

Сбор сырья для жевательной резинки в болотистых лесах, главное занятие большинства майя в Петене, определило и их образ жизни, решительно отличая их от других братьев по крови. Вот как обстоят дела, например, в Сокоце, маленьком селении на опушке большого леса в Петене, в западном Британском Гондурасе.

Накануне сезона дождей многочисленные агенты северо-американских обществ прибывают в Сокоц вербовать для себя сборщиков чикле. Они выдают в качестве аванса круглые суммы — и неделю или две селение благоденствует. Вместе с агентами прибывают торговцы, продают напитки, шарфы из искусственного шелка кричащих расцветок, которые вскоре теряют всякий цвет, ботинки, одежду ниже всякого качества, а также все, что необходимо для сборщиков чикле во время работы в лесу. Несколько дней благоденствия быстро кончаются, и подписавшие договор и получившие аванс люди отправляются в леса по известным им тропам, где в течение нескольких недель переносят сырость и холод, опасности встреч с дикими зверями и ядовитыми змеями, трудности передвижения по болотам и зарослям лиан с их острыми шипами, в изнурительных поисках каучуконосов, дающих чикле.

Семьи сборщиков чикле между тем заботятся о своих кукурузных полях — мильпах, готовятся к посеву, который начнется сразу, как только прой-

дут дожди; женщины ткут и выполняют другую домашнюю работу, мальчики постарше прочесывают ближайший лес в поисках медовых сот диких пчел, собирая мед и черный воск для свечей, или же ставят капканы на птиц и зверьков. С возвращением сборщиков чикле и сдачей тюков товара в селе опять наступает короткая пора благоденствия, а затем начинается не менее изнурительный труд на кукурузных полях.

Нельзя себе и представить более тяжелой и мучительной жизни, чем у сборщиков чикле, когда они отправляются в леса. Помимо ягуаров и других диких зверей им на каждом шагу встречаются муравейники (а укусы муравьев вызывают опухоли и временный паралич), ядовитые змеи, в том числе каменная змея, укус которой смертелен, а заметить их в густых зарослях не так-то просто. К этому следует добавить еще кустарниковые *питаайя,* с острыми как копья шипами, и самых различных насекомых, например, *тике* (укус которого вызывает страшный зуд). У Пьера Иванофф есть описание *колмойоте,* вызывающих болезненное заражение кожи: «Это белые червячки, длиной в четверть ногтя, у них видно только голову и реснички и, проникая под кожу, они чувствуют себя там отлично. Метод вылавливания их из-под кожи очень своеобразен. Сборщики чикле делают так: когда червь достаточно разжиреет, они подносят к коже кончик зажженной сигары, червь реагирует, высовывая голову, ее прижигают, а потом вытягивают всего червяка...»

Сборщики чикле не могут носить на себе большие припасы, поэтому их обычная пища в лесу — жесткое мясо обезьяны и попугая, а хлеб за-

меняет горькая мякоть из пальмовой сердцевины. Находка дикого улья с медом — большая удача, вносящая в меню некоторое разнообразие. В засушливых местах сборщики ищут лиану, содержащую много влаги (в степных районах — водянистый кактус), а не находя ее, страдают от жажды.

В наше время сборщиков чикле становится все меньше и меньше. Из-за интенсивной эксплуатации каучуконос сапотайер стал редкостью, как и *уле,* или *олькуаитль* (Castilloa elastica), каучуконос, из сока которого древние майя изготовляли мячи ; к тому же синтетический каучук все больше вытесняет натуральный. Бывшие сборщики чикле постепенно перемещаются к югу, нанимаясь поденщиками на банановые плантации в Гватемале. Часть из них, те, кто прекрасно знает тайные лесные тропы, ходят проводниками с археологическими экспедициями, разыскивающими изумительные строения, воздвигнутые их предками.

«ЗЕМЛЯ НАС КОРМИТ...»

Кукуруза, представлявшая собою экономическую основу цивилизации майя, была предметом культа, остатки которого и сейчас еще живы в индейской крестьянской среде, особенно в равнинных районах Центральной Америки. Разумеется, любовь к земле, которая кормит, более или менее свойственна любому крестьянину в любом уголке земного шара, но нигде она не обретает такого мистического облачения, как в сельскохозяйственных районах Центральной Америки. Один монах двести лет назад писал о крестьянах майя: «Все, что они делают и что говорят, в такой степени связано с кукурузой, что она считается почти божеством. Когда они созерцают свою мильпу, на лице их написано такое удовольствие, что всё — дети, жена, все наслаждения забываются, как

будто мильпа — конечная цель их существования и источник счастья».

Один майя-мам из западной Гватемалы высказал перед каким-то путешественником европейцем свое презрение к белым, которые хоронят своих мертвецов в каменных или цементных склепах. Индейцы предпочитают питать землю своими трупами — в расплату за пищу, которую она давала им при жизни. «Земля нас кормит, полагается и нам питать ее».

Важность значения кукурузы в жизни индейцев вытекает и из того факта, что хотя в Центральной Америке выращиваются самые различные продовольственные культуры, завезенные из Старого Света, по статистике, пища местного населения на 80 процентов состоит из кукурузы, без которой не обходится никакое застолье. Во всех городах с индейским населением есть булочные, выпекающие маисовые, то есть кукурузные, тортильи, где кукурузу размалывают между двумя каменными жерновами (похожими на метате древних майя), смешивают кукурузную муку с... известняком, придающим тортилье белизну, особый вкус и избавляющим потомство едоков этих лепешек от рахита и авитаминоза (неизвестно почему называемого местными жителями «английской болезнью»). По всей вероятности, добавляемый в кукурузную муку кальций укрепляет и зубы индейцев; у всех у них зубы здоровы до старости и зубная боль — редкое явление.

В более процветающих индейских селах вместо метате сейчас в ходу кукурузные мельницы с газолиновыми моторчиками — *молино де нихтамаль* (*нихтамаль* — чисто индейское слово, вероятно,

астекское, вошедшее в язык майя еще в доколумбовские времена). И булочных, выпекающих тортильи, здесь тоже нет; эти вкуснейшие лепешки каждая хозяйка сама готовит для всей семьи. На заре она поднимается в *синколоте* — высокий, сплетенный из кукурузных стеблей амбар на сваях, чтобы не добрались мыши, — достает зерно, сколько ей надо на день, идет с ним на мельницу, затем, вернувшись с мукой, принимается стряпать. К обеду, когда семья возвращается с поля, еда уже готова.

Говоря о кукурузе, как о главной пищевой базе индейцев Центральной Америки, следует немного остановиться и на разнообразии блюд, приготовляемых здесь из кукурузной муки, тем более, что Румыния принадлежит к числу тех немногих стран, где кукурузная мука тоже употребляется в пищу (в Европе ее едят еще только в двух странах — в СССР и Италии).

Во-первых, здесь едят *элоте* — сваренные или испеченные на углях, совсем как у нас, молодые початки. Причем индейцы натирают их не только солью, но и толченым или молотым острым красным перцем. Впрочем, без этого перца у них не обходится ни одно маисовое блюдо. В некоторых местах острый красный перец индейцы называют чилийским, в других — кайенским или испанским, что не совсем верно, имея в виду, что это растение из семейства пасленовых (Capsicum annuum), происходит из Мексики и из Гватемалы, то есть является чисто местным... А слово *элоте,* вошедшее в испанский язык, индейского происхождения; в Центральной Америке есть даже такое выражение pagar los elotes, дословно «заплатить

за початки», в смысле «расплачиваться за чьи-либо грехи». В Испании же в этом смысле употребляется выражение pagar el pato — «заплатить за утку»; так что каждый народ со своим любимым блюдом... Обычное зрелище в мексиканских городах — индейские женщины, сидящие на углу улицы перед жаровней с решеткой и занятые приготовлением *кокумы* — печеной кукурузы.

Из всех маисовых блюд наиболее распространены четыре: *тамалес,* пышные лепешки из молотой кукурузы со свиным мясом, завернутые в зеленую оболочку початков (как наши голубцы в капустные листья) и сваренные на пару; *энчиладас,* свернутые в трубочку сочни с мясной (обычно индюшачьей) начинкой или же с брынзой, в помидорном соусе с луком; *такос,* две тонкие тортильи с прослойкой из фасоли, разных овощей или мяса; *кесадильяс,* тоже своего рода тортильи с мясом, колбасками, брынзой или же с кабачковым цветом, сваренные в жире.

Наконец, кукуруза — главный составной элемент мексиканского национального блюда *посоле* — нечто вроде супа. *Посоле* готовят из сухих кукурузных зерен, сваренных лучше всего с головизной, с добавлением красного лука и различных специй. Из кукурузы же (с добавлением фруктовых соков) приготовляется и *атоле* — водка индейцев-бедняков и, говорят, не случайно его название происходит от испанского слова *атолондрадо,* что значит «ошеломленный, потерявший голову, сбитый с толку».

Неистощимое разнообразие маисовых блюд, с добавлением в них приправ и жиров, оберегает население Центральной Америки от пеллагры —

очень редкой в этих местах болезни, вызванной недостатком в организме некоторых витаминов. Европейцы же, перенявшие из Нового Света культуру кукурузы, но не перенявшие рецептов ее приготовления, сильно страдали от этой болезни. (В 1910 году в Румынии официальной статистикой было отмечено 58 000 случаев). Заметим кстати, что очень долго пеллагра (по-итальянски pella agra — «жесткая кожа») носила в Европе название колумбовой болезни.

Главная пища бедняков Мексики и Центральной Америки, кукуруза, как уже говорилось выше, еще и сегодня является предметом культа, напоминающего обряды древних майя. В этом отношении интересно, что рассказывает американский ученый Д. Э. С. Томпсон (о котором мы уже упоминали), по поводу праздничных церемоний в период посева кукурузы у майя-мопанов из восточного Британского Гондураса.

В ночь перед севом мешки с семенным зерном кладут на стол, где стоит крест и четыре горящие свечи. Крестьяне жгут ароматическую смолу, чаще всего тот же древний благовонный копал с копайеро (Copaifera officinalis), который, прослужив тысячи лет древним верованиям, с успехом служит и новой религии. На заре крестьянин выходит в поле, бросает четыре горсти зерна на все четыре стороны и произносит молитву: «О господи-боже, наш прадед и наша прабабка, бог гор, бог долин, бог святой! Приношу тебе этот дар от всего сердца. Будь милостив ко мне и делам моим, истинный боже и дева святая! Дай мне добрый урожай кукурузы, где бы я ни посеял ее на этом поле трудов моих. Храни ее мне, береги, чтобы с ней ни-

чего не случилось от момента, когда я посею ее, и до поры, когда я ее соберу».

Такие же обряды, смесь верований в древних богов с элементами христианства, отправляют и майя-мам, майя-чорти и майя-кекчи. В некоторых местах перед посевом кукурузы у крестьян принят тринадцатидневный пост. А утром первого посевного дня в поле воздвигается нечто вроде алтаря и глава сельского управления ставит тринадцать тыкв с бальче в честь чаков, богов дождя, а также богов, покровителей мильпы, после чего режет нескольких птиц, окропляя землю их кровью. К алтарю привязывают какого-нибудь сельского мальчишку, и он время от времени изображает гром и лягушачье кваканье, а молодежь пляшет вокруг. Гром и лягушка, как мы уже знаем, символы древних божеств дождя.

И Томпсон вполне справедливо заключает: «Эти обряды — не простые этнологические свидетельства; в них находит выражение тот факт, что в душах майя глубоко укоренился образ живой кукурузы и богов, которые питают ее, давая ей влагу».

Из традиционных продовольственных культур на «трапеции» возделывают еще картофель, этот дар человечеству от Нового Света, завезенный Вальтером Ролей в 1584 году в Ирландию, а Френсисом Дрейком в 1586 году — в Англию (в действительности же, в 1560—1570 гг. картофель уже выращивали в Испании и в Италии). Картофель, который растет сейчас в Европе (Solanum tuberosum), происходит с плодородных плоского-

рий Анд, из Перу и Чили. В Центральной Америке его выращивают уже много веков, и там есть еще несколько родственных ему сортов *батата* или *патата* (Ipomoea batatus), со стелющимися стеблями и клубнями до двадцати килограммов (в настоящее время в Румынии делаются попытки акклиматизировать это богатое крахмалом, сахаром и витаминами растение).

Фасоль (Phaseolus vulgaris), как и картофель, происходит из Южной Америки. В Гватемале выращивают сорта черной фасоли — *пито*; для среднеамериканского индейца это один из главных пищевых элементов. Один из видов *пито* (Phaseolus multiflorens) выращивается и в Европе — но только как декоративное растение.

Из других местных растений отметим бутылочную тыкву (Lagenaria vulgaris) и тыкву (Cucurbita pepo maxima) с вьющимся стеблем. Выдолбленные тыквы, использовавшиеся майя с самых древних времен, получили в новейшую эпоху название, прямо указывающее на их назначение: *хикара,* что значит по-испански — чашка. А тыквенный цвет широко употребляется в пищу.

Из технических культур на первом месте стоят хлопок (американский, мексиканского происхождения сорт, в промышленности известный под названием *упланд,* а в науке — под латинским названием Gossypium hirsutum, а также агава. Эта последняя, выращиваемая в Европе только как декоративное растение, на просторах «трапеции» использовалась и сейчас используется для самых различных надобностей. Три ее сорта — американская агава, мексиканская агава и агава atrovirens (первая, называемая еще и *магей,* наибо-

лее распространена) — дают очень прочное волокно для промышленности, а также богатый сахаром сок, из которого при брожении получается *пульке,* мексиканский национальный напиток. Путем дистилляции настоя цветочных бутонов и молодой листвы агавы мексиканцы получают водку — *мескаль.* Вместе с *бальче,* древним хмельным напитком из перебродившего дикого меда, который, как мы знаем, был по вкусу даже богам, вместе с *посолем* и *атоле* — из кукурузы в смеси с фруктовым соком, — *пульке* и *мескаль* составляют полную гамму среднеамериканских алкогольных напитков, которые у нас очень мало известны.

Разведение американской агавы — одно из главных занятий мексиканских крестьян-индейцев. В период созревания в середке этого растения образуется нечто вроде початка в форме кегли, где содержится много ценного сока. Хозяин поля, выращивающий агаву, — *тлачикеро* (вероятно, это слово астекского происхождения, но сейчас оно вошло и в северные наречия майя и даже в испанский мексиканский язык), надрезает эту «кеглю», подставляет к ее основанию выдолбленную тыкву и собирает сладкий сок — *агуамиель* (*агуа* — вода, *миель* — мед), очень приятный прохладительный напиток, особенно в смеси с плодовым соком одного из кактусов. Три раза в день в течение четырех-шести месяцев *тлачикеро* собирает натекающий сок в тыквы и очищает агаву от паразитов. Из этих последних агавовые черви, так называемые *гусанос де магей* — ценятся как сезонный деликатес ; едят их обычно поджаренными в масле (и пользуются они таким спросом, что в последние годы мексиканская пищевая промыш-

ленность закупает их в большом количестве и пускает в продажу законсервированными).

В Мексике и в других странах Центральной Америки агаву разводят главным образом ради *пульке;* в других частях света, особенно, в Индонезии и в восточной Африке, разводятся крупные плантации агавы sisalana дающей очень прочную пеньку *сизаль* (*пита,* или «конопля Тампико»), идущую на изготовление веревок, канатов и разных тканей.

Центральная Америка дала Старому Свету несколько очень полезных растений и сама заимствовала у него другие, например, сезам и банановое дерево. И все-таки среднеамериканские индейцы продолжают отдавать предпочтение кукурузе, или маису, — главной пище своих предков.

«ЖРЕЦЫ ЗОДИАКА» И КОЕ-ЧТО О КУРАНДЕРО

Когда мы говорили о жрецах древних майя, мы отмечали, что одной из их обязанностей было предсказание будущего. И как свидетельствуют путешественники, даже в наши дни, тысячи с лишним лет спустя после великого расцвета древних городов, в селениях майя живы многочисленные традиции, напоминающие об этих старинных предсказаниях. Так, в каждом селе есть какой-нибудь старик (некоторые авторы называют его, как и знахарей североазиатских народов, шаманом, но это не совсем правильно), с которым люди советуются, когда нужно выяснить причину болезни и имя того, кто ее накликал с помощью черной магии, когда надо разыскать потерянную вещь, узнать, выйдет ли девушка замуж и какой попадется ей муж.

Как видите, круг деятельности стариков-знахарей майя сходен с обязанностями наших деревенских знахарок, еще несколько лет назад заговаривавших болезнь, любовь и т. д. Только на высоких плато Гватемалы этим всегда занимается мужчина, которого индейцы называют «жрецом календаря» или «зодиака».

Методы заговоров однако сходны. Обычный арсенал знахаря майя умещается в мешочке: бобы *питы* (одного из сортов агавы), фасоли, кукурузы и иногда — несколько камешков. Знахарь раскидывает бобы и раскладывает их на две или четыре кучки. В городке Чичикастенанго, где живут майя-киче, бобы раскладываются кучками по четыре штуки; если один или два боба остаются без пары, потеря будет найдена, если выйдет три боба — то все поиски напрасны. В некоторых селениях знахарь, по-особому раскладывая зерна кукурузы, указывает направление, в котором сбежала девушка или скрылся похитивший девушку юноша. Словом, на бобах гадают совсем как в наших местах!

Многочисленные формы гадания и примет описаны разными этнографами и путешественниками Центральной Америки. В наши дни у майя-мам судорога в икре левой ноги считается дурным знаком, а правой ноги — добрым, предвещающим радость. Лакандос, желая узнать результаты какого-либо предпринимаемого ими дела, гадают, резко сводя пальцы рук: если ногти пальцев одной руки вонзятся под ногти на другой руке, ответ отрицательный, если они просто соприкоснутся — положительный. В районе Аматитлан, в Гватемале, майя-покомам предсказывают будущее по полету

птиц, по тому, как собирается скот в загоне, или какая птица поет поблизости от дома и т. д. Майя-кекчи «угадывают» его по тому, как умирает зарезанный для праздничного стола индюк.

В наши дни живут и многие другие древние суеверия и приметы. В юкатанских селах, например, резчики по дереву, вырезающие игрушки и предметы домашнего обихода, избегают пользоваться кедром акаху (хотя он — самый подходящий для скульптурной резьбы), потому что это — «дерево-божество», из него древние майя вырезали идолов, и использование его может навлечь беду или даже смерть на резчика или членов его семьи. По местному верованию, это дерево резчик может использовать, только выполнив определенный обряд при участии знахаря и окропив его бальче (или водкой — агуардиенте) и приняв предварительно определенные снадобья, чтобы оградить себя от злых чар.

Фармакопея майя чрезвычайно богата и нет сомнения в том, что использование многочисленных лекарственных растений имеет очень древние корни. Это доказывается и несколькими документами XVIII—XIX вв. на юкатанском языке, записанными латиницей; в числе прочих, их изучали и Ральф Л. Рус. В своем труде «Индейский фонд колониального Юкатана» (The Indian Background of Colonial Yucatan, Вашингтон, 1943), он указывает, что они составлены по более древним источникам. В этих документах говорится о том, как лечить различные болезни и какой эффект оказывают на человеческий организм разные растения. В юкатанских селах почти все эти растения используются в лечебных целях и в наше время, а

некоторые, особенно действенные, взяты на вооружение американской и даже европейской фармацевтической промышленностью.

Знахарь майя, занимающийся врачеванием лекарственными травами, носит довольно новое, уже послеколумбовское название — *курандеро.* (Так же называется и бродячий знахарь, блуждающий по селениям с мешком лечебных трав за спиною, и индианка-торговка, владелица городской лавчонки с лекарственными растениями, иногда очень редкими, которые она продает своим клиентам.) Курандеро рекомендует свои лекарства в самых разных формах, приготовляя смеси и мази, эмульсии и настойки, чаи и высушенные травы для курения, втирания, клизмы. Курандеро легко узнать; как у европейских врачей (еще со времен Гиппократа) есть свой символ — обвившаяся вокруг жезла змея, а у аптекарей — разные чучела или заспиртованные животные, так и у всякого уважающего себя мексиканского курандеро есть (в доме, где он лечит, в мешке или на вывеске лавки) голова крокодила с оскаленными зубами или же шкура броненосца с ее роговыми пластинами, или же то и другое вместе.

Из лекарственных растений наиболее часто употребительна *сарсапарилья* (Smilax ornata), колючее вьющееся растение, считающееся очень полезным при простуде и разных формах ревматизма. Ее лечебный эффект был проверен в веках двумя страдавшими подагрой коронованными особами — испанскими королями Карлом V и Филиппом II. Заявление Карла V: «Новую Испанию (Мексику — *X. М.*) скорее следует оценить за сарсапарилью, чем за ее золото» исторически не

проверено, но достоверно, что всякий раз, когда в испанских портах причаливали суда из Веракруса, они прежде всего сгружали тюк с корнями сарсапарильи, который курьеры на всем скаку везли в Эскориальский дворец.

В арсенале курандеро есть еще и смолистая древесина гваякового дерева — *гуахака* или *гуахакан* (Guajacum officinale), из которой делаются настойки для лечения простуды. Когда-то эта древесина славилась как прекрасное средство против... сифилиса, но у современных врачей такое утверждение вызывает только улыбку. Однако четыреста пятьдесят лет назад Ульрих фон Гуттен (1488—1523), гуманист и поэт, был так восхищен действием гваяковых настоек, что написал об этом чудодейственном средстве книгу: «Гваяковая медицина и французская болезнь» (De guajaci medicina et morbo gallico) в те времена сифилис называли французской болезнью, хотя первыми получившими ее европейцами были первые приставшие к берегам Нового Света моряки Колумба.

В наше время гваяковое дерево уже не используется в тех целях, в каких им пользовались древние майя (и Ульрих фон Гуттен), зато некоторые его виды (Guajacum sanctum) дают ценную древесину, известную под названием французской, а из других видов (Bulnesia Sarmienti), очень богатых смолой, путем дистилляции добывается эфирное масло для парфюмерной промышленности и для производства мыла. Европейская фармакопея включает это эфирное масло и в состав некоторых лекарств, рекомендуемых при легочных заболеваниях и при бронхите (самые известные из них носят коммерческие названия «Дуотал», «Сиролин»,

«Гуакалин»), откуда мы можем заключить, что унаследованные от предков эмпирические знания скромного курандеро майя из Юкатана довольно полезны.

В XVI—XVII веках, когда в Европе разнеслась весть о чудодейственных травах из Нового Света, в испанские, французские и английские порты стали приходить отсюда многочисленные суда с грузом корней, листьев, цветов, коры и смол. Аристократы начали лечить свои полученные в битвах раны бальзамом экстракта из коры дерева *тамаака;* корни маниоки использовались для лечения экзем и... рака, корень *халапа* помогал им при запорах, а *элеми,* благовонная смола похожего на оливковое дерева, славилась тем, что, говорят, в несколько часов затягивала любую рану.

Все эти лекарства, и сейчас находящиеся в арсенале средств курандеро, европейцы тоже используют, но по-иному: маниока (Manihot edulis) с ее крахмалистыми веществами (cassave) не подтвердила своей чудодейственности при лечении рака, зато мука из ее крахмала *(тапиока)* оказалась очень питательной, и маниока сейчас выращивается в широких масштабах как продовольственная культура; смола *элеми* (названная так по аналогии со сходным веществом, извлекаемым из филиппинского дерева Canarium luzonicum) дает эфирное масло, используемое сейчас в производстве лаков, духов и душистого туалетного мыла; и только корень *халапа* (Exogonium purga), содержащий слабительные вещества, используется и в европейской фармацевтике.

В Европе XVIII века большую сенсацию вызвало еще одно растение среднеамериканских широт

— *сасафрас,* дерево из семейства лавровых, родич средиземноморского лавра, которым в древности венчали поэтов и победителей. Сасафрас считался панацеей от всех болезней ; один текст двухсотлетней давности указывает, что «это изумительное растение изгоняет подагру из костей, больным французской болезнью очищает кровь и покрывает кудрявыми прядями самые блестящие лысины...» Химики, доверяющие только результатам лабораторных анализов, исследовали сасафрас и пришли к выводу, что он не вылечивает ни подагру, ни «французскую болезнь», ни лысину, зато обладает наркотическими, болеутоляющими и противоспазматическими свойствами, которые в фармацевтической промышленности могут использоваться сполна.

Сходная судьба постигла и другое мексиканское растение — *игерилью (игерильо,* или *игерета),* обладающее очень сильными слабительными свойствами ; некоторое время это растение было в моде и в Европе, где его использовали в тех же целях, что и жрецы юкатанских майя... пока ботаники обнаружили, что игерилья (Ixodes ricinus) не что иное, как один из видов клещевины (Ricinus comunis), одного из древнейших молочайных Старого Света, о котором Геродот, отец истории, упоминал еще около 2 400 лет назад. Но на этом «карьера» игерильи еще не завершилась. Вернувшись на некоторое время в мешок курандеро, которому оно и раньше служило около двух тысячелетий, это растение вновь оказалось в центре внимания в начале нашего века, когда химики обнаружили, что получаемое из клещевины касторовое масло отлично служит авиационным моторам Этим

и объясняется, что из дикого растения, ожидавшего, когда его соберут курандеро, игерилья превратилась в промышленную культуру; в Мексике ее выращивают на тысячах гектаров, и ежегодно в США экспортируются десятки тысяч тонн касторового масла.

«В сегодняшней лавке лекарственных трав, — пишет журналист Эгон Эрвин Киш, — лежат те же лекарства, что и прежде, ибо в большинстве болезни, которые есть сейчас, были и в давние времена». Тот же Киш в книге «Открытия в Мексике» («Entdeckungen in Mexico», Вена, 1947) описывает используемый индейцами очень оригинальный метод лечения: «Ужаленный скорпионом должен плясать, чтобы вылечиться. В Сан-Мигель де Альенде, городе, где так много дворцов в колониальном стиле, группа музыкантов — *мариачи* — специализируется только на этих плясках, исполняя песни, мексиканские варианты тарантеллы. Один из этих музыкантов, с которым я познакомился, рассказывал, что их приглашают играть довольно часто, и не дольше чем два дня назад они целых шесть часов играли тарантеллу для девушки, укушенной черным *алакраном*. Девушка без перерыва танцевала, обливаясь потом, до изнеможения, пока не упала. И уже на другой день была здорова».

Было бы ошибочно считать майя-курандеро своего рода ученым с обширными, хотя и эмпирическими, знаниями. Он скорее продолжатель древних традиций и — нередко — столь же древних суеверий. Лекарственные растения он собирает по определенным святым дням, обмороки и сердцебиения «изгоняет» барабанным боем, при некото-

рых болезнях «назначает» спасительные амулеты, а ревматика выводит в открытое поле дождливой ночью и «заговаривает», ибо ревматизм и другие подобные ему заболевания даны... богами дождя. Любопытный пережиток древнего культа майя — прекращение всякого лечения в последние пять дней года, считающиеся пагубными.

В мешке бродячего знахаря всегда есть камешек в форме сердца, который, будучи подвешен на шею ребенка, якобы оберегает его от укусов ядовитых пауков. Так называемый «олений глаз» *(охо де венадо),* косточка одного тропического плода, оберегает детей от «сглаза». «Против этого идолопоклоннического фетиша, — отмечает Э. Э. Киш, — яростно выступали миссионеры и их последователи, утверждавшие, что от «сглаза» может помочь только святой медальон. Результат их разъяснительной работы таков: в детских диспансерах половина младенцев снабжена языческими амулетами, а другая половина носит вдобавок и святой медальон».

И все же в наши дни курандеро перешагнули через некоторые суеверия. Например, копаловую смолу они используют и далеко не в религиозных целях — для лечения гонореи...

Вопреки всяким суевериям, фетишам и амулетам, знахари майя определенно прекрасные знатоки среднеамериканской тропической флоры и ее лекарственных свойств. Свидетельством тому служат исследования химиков, подтвердившие многие из приписываемых мексиканским травам свойств и, прежде всего, тот факт, что химико-фармацевтическая промышленность взяла эти травы на вооружение.

И сюрпризы, которые преподносят нам известные древним майя лекарственные растения, далеко не исчерпаны. Не так давно французский врач Эскофье-Ламбиот (в «Ле монд» от 22 апреля 1966 года) рассказывал о проведенных им и другими учеными исследованиях мескалины, вещества, извлекаемого из мексиканского кактуса, называемого древними майя *пейотль* (или *пейот*). О странном, вызывающем галлюцинации эффекте его, как мы уже знаем, писал в 1650 году монах Бернардино де Сахагун. Исследования показали, что принимаемая в малых дозах мескалина может вызвать существенные улучшения в состоянии психических больных, считавшихся даже неизлечимыми. Это та самая мескалина, от которой у жрецов майя начинались фантастические видения и которая придавала мужество предназначенным в священные жертвы несчастным, вызывая у них экзальтацию.

КОГДА СВЯТЫЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ИДОЛАМИ...

Тот факт, что в более глухих районах Юкатана и Гватемалы сохранились не только языки, но отчасти и древние верования, в значительной мере объясняется обстоятельствами исторического порядка. Почти сразу же после конкисты в тех местах проявились острые противоречия между военщиной и жрецами и между католическими монашескими орденами, особенно, между доминиканцами и францисканцами. Эта первая фаза испанской колонизации завершилась почти полным провалом. В XVI веке Франсиско де Монтехо, Алонзо Давила, Диего де Контрерас и целая галерея королевских губернаторов Юкатана, управлявших новыми землями рука об руку с испанским духовенством, были бессильны перед алчностью военщины, нахлынувшей сюда с целью наживы. Как могли индейцы из Чичен-Ицы, например, поверить в богов своих поработителей, в богов якобы милосердия и любви к ближнему, когда одна за другой

устраивались облавы, чтобы хватать людей, превращая их в рабов, когда за двадцать индейцев давали одну лошадь, а дочь вождя можно было выменять на круг сыра ?!. Как могли майя из области Петен охотно принять религию белых, когда в их городе, Тайясале, не прекращались казни, когда «отступничество» каралось, согласно закону, смертью, когда святые отцы, не довольствуясь разрушением идолов, нарушали даже покой «языческих» могил, развеивая их прах на все четыре стороны ?!

В таких условиях влияние древних богов на население Юкатана, Гондураса и Гватемалы оказывалось еще сильнее. Более того, в XVI—XVII веках, когда восстания майя против испанского управления участились, нередки были случаи, что и сами испанцы принимали религиозную веру древних майя. Мы уже говорили о Гонсало Герреро, ставшем военным вождем нескольких групп майя в районах Четумаля и Бакалаля. Другой пример — капитан Хуан де Бильбао, метис, которого испанская экспедиция, отправившаяся в 1646 году из Кампече в Эль Просперо, нашла в Ноаа женатым на индианке по всем правилам местных обрядов. Как с возмущением передавали сопровождавшие экспедицию святые отцы, в хижине у Бильбао стоял деревянный идол, в честь которого он напивался бальче, и в его религиозной службе католические обряды переплетались с древними обычаями майя.

Некто Эхкемелин, написавший в 1678 году хронику буканьеров (купцов, рыскавших по побережью Мексиканского залива и Караибского моря, не гнушаясь и пиратством), рассказывает о во-

сточных берегах Юкатана : «В давние времена область эта была густо населена индейцами, но испанцы до такой степени все разрушили, что сейчас жителей здесь совсем мало, да и те — их данники, или точнее, рабы, потому что у них нет никакой свободы... Жители же другого конца (полуострова — *Х. М.*) обязаны принимать в определенные периоды года испанского священника, посылаемого туда, чтобы обращать их в христианство. Пока священник живет среди них, они не смеют поклоняться своей религии, ибо народы эти — идолопоклонники...»

Причудливое переплетение христианских обрядов с языческими исключительно ярко иллюстрирует история города Санта Крус. В 1848 году восставшие индейцы заняли этот город, изгнав из него всех других жителей. И вплоть до 1902 года, когда генералу Браво де Бакалару удалось силой восстановить здесь власть мексиканского правительства, городок этот был центром странного культа: индейцы поклонялись кресту на испанской церкви (Санта Крус), и в совершаемых жрецами обрядах христианские таинства смешивались с традициями идолопоклонства. Деревянный крест у них обладал даром речи и произносил смертные приговоры ; чтобы завоевать его расположение, люди приносили ему человеческие жертвы, главным образом, окровавленные сердца...

В Мексике, Гватемале и Гондурасе, как и в других республиках Латинской Америки, религия католическая. И все-таки, между верой креолов (потомков испанских завоевателей) и ладинов (испаноамериканских метисов) — с одной стороны, и верованиями индейцев — с другой, следует делать

различие. По нашему мнению, в этом отношении очень красноречивы высказывания о населении Гватемалы Адальберта Хименеса («Orizonturi», № 20, май, 1961 г.) :

«...Индеец верит вообще в творческую сущность вещей, ибо он живет на лоне природы ; это она, в глубоком смысле, сила и источник его веры. Ладино (который происходит от европейца) обособлен от нее, он единоверец и идеалист ; религиозная вера его часто далека от природы...» И далее Хименес указывает, что у индейцев есть «свои собственные общества религиозного характера, свои собственные святые и каменные божества на высоких платформах или в пещерах. Пять веков прилагаются большие усилия, чтобы уверить этих простых людей в том, будто созидательная способность, которой они наделяют силы природы, находится на небе...»

Майя приняли христианство, но не свергли своих древних богов ; они сплели две религии вместе, приспособив их по своему усмотрению. «Божества майя и христианские святые слились в податливый пантеон», — как образно выразился Д. Э. С. Томпсон. На Юкатане богов дождя стали изображать верхом на испанском коне и называть именами архангелов ; богиня Луна слилась в представлении майя с девой Марией, а на плоскогорьях Гватемалы жители обращают свои молитвы и к католическим святым, и к божествам гор и рек. В некоторых областях наблюдается даже четкое разграничение : христианские святые покровительствуют городам, где стоят церкви, и вообще городской жизни, а власть древних прадедовских бо-

жеств распространяется на горы, леса и кукурузные поля.

Интересно, что древние божества дождя приспособлены индейцами майя к одному определенному культу. К тому же, в горных районах Гватемалы в тканях, вышивках и некоторых ремесленно-художественных изделиях и сейчас еще используются мотивы с изображениями богов дождя, напоминающие древние, тысячелетней давности образцы.

Различные путешественники рассказывают, что у майя-чорти, населяющих районы Гондурасского залива и места, где находятся руины крепостей Киригуа и Копан, даже в наши дни живы легенды о четырех *чакчанах,* небесных чудовищах — наполовину людях и наполовину змеях, божествах дождя и урожаев. Сходство их названий (чакчан-чак) — да и функций — ясно указывает, что здесь мы имеем дело с вариантом пережившей века древней веры производителей кукурузы, в жизни которых дождь и засуха были проблемой первостепенного значения.

Из всех народностей майя, кажется, только у блуждающих лакандос древние обряды вплоть до наших дней не претерпели никаких изменений, за что мексиканское католическое духовенство и наградило их именем последних идолопоклонников.

В 1946 году ученый Джильс Хели, долго живший в южных областях Мексики, писал, что приютившие его лакандос время от времени исчезали, уходя в джунгли и встречаясь там в тайном месте, чтобы выполнить определенные обряды. Предприняв разведку, Хели обнаружил, что несколько групп лакандос собираются возле Бонампака, у

развалин внушительного храма, расписанного многочисленными и очень красочными фресками (археологи назвали его Домом Ягуара) и совершают там древние обряды в честь божеств, принося им в дар фрукты и сжигая копал в каменных сосудах.

Случалось, что результатом обучения майя в миссионерских школах были взрывы гнева против идолов, принесшие археологии большой ущерб, ибо они кончались разрушением предметов древней материальной культуры. Но и эти взрывы коренятся в суевериях, основываются на вере в существование навлекающих беды духов, а вера эта идет от древнейших языческих верований. Так, у различных групп майя на Юкатане существует поверье, что древние стелы с иероглифами и сосуды, в которых курились благоуханные смолы (и которые создавались в форме человеческой фигуры), а также и другие предметы материальной культуры предков скрывают в себе злых духов, оживающих по ночам и навлекающих на людей болезнь или смерть. Поэтому индейцы их разрушали или бросали в болота. Превосходные стенные росписи из Санта Рита, на севере Британского Гондураса, местные жители разрушили вскоре после того, как они были обнаружены и, к сожалению, их никто не успел сфотографировать или зарисовать. В других случаях, например, на колоннах из Пьедрас-Неграс изображения богов ничуть не разрушены, и факт этот позволил археологам высказать предположение, что в разрушениях не виновны ни испанские завоеватели, ни суеверные индейцы наших дней, а скорее всего восставшие крестьяне последнего периода Древнего царства,

гнев которых обрушивался на символы их рабства, но обходил изображения божеств, в которых они верили.

Вера в духов и привидения, судя по всем данным, наиболее распространена среди майя на высоких гватемальских плоскогорьях. В городе Солола, например, вблизи озера Атитлан, до наших дней дошло несколько легенд о духах, особенно о *сигуанаве,* который появляется в лунные ночи вблизи колодцев: о «безголовом осле», присутствие которого можно угадать по звону цепей на дорожных камнях; о *сомбреронах,* неожиданно возникающих на темных улочках, и о «наседке с цыплятами», которая заставляет блуждать путников. Горные жители Гватемалы верят в духов рек, холмов, деревьев, зверей и растений. Как показывает Хименес, «весь этот мифический, легендарный мир верований вошел в повседневность, смешался с самыми незначительными мелочами жизни и растворился в самом образе обыденных вещей. Люди живут в этом сверхъестественном и в то же время реальном мире... населенном фантастическими существами и таинственными предметами, полном кладов, звуков и красок».

В наши дни, как и много веков назад, танцы майя тесно связаны с религиозными ритуалами, и факт этот с успехом используют в своей рекламе предприимчивые агенты туризма («Посетите Гватемалу, страну древних танцев майя!»). Что касается языческого характера этих танцев, лучше всего предоставить слово испанскому священнику из Масатенанго, который составил специальный доклад о древних танцах майя-киче.

«Он (танец — *Х. М.)*. изображает принесение в жертву индейца-военнопленного, как происходило в давние времена, по заявлению самих танцоров. Четверо нападают на пятого, привязанного к столбу, пытаясь убить его. Эти четверо переодеты и в масках ягуара, пумы, коршуна и еще одного, уж не помню какого, зверя. Они заявляют, что звери эти — их родичи. Танцующие аккомпанируют себе на длинных витых трубах, изрыгающих ужасные, вызывающие содрогание звуки...»

Примерно к тому же периоду относится и следующее описание танца с Юкатана. «Индейцы припасают носилки и ставят на них нечто вроде башни, высотою в шесть футов (около 1,95 м — *Х. М.*), довольно сходной со стулом. Сверху донизу все это покрывается крашеным хлопчатобумажным полотнищем с флажками по сторонам. Прилично одетый индеец влезает в эту башню по пояс. В одной руке у него деревянная трещотка, очень распространенная в этих местах, а в другой — перо. Он все время двигается, не останавливаясь ни на минуту, крутит трещотку под барабанный бой другого индейца, стоящего возле носилок. Толпа индейцев, выстроившись в длинный ряд, двигается тем же манером, дуя в дудочки, издающие резкие, пронзительные звуки. Затем шестеро из них поднимают носилки на плечи и идут, танцуя в ритме барабанного грохота... Этот танец они называют *соно,* говоря, что унаследовали его от очень давних времен».

Религиозный характер этих танцев обличает и тот факт, что они исполняются в определенное время, причем танцоры должны предварительно выдержать пост и выполнить определенные об-

ряды. В некоторых областях, продолжая исполнять древние танцы, майя внесли в них элементы христианских религиозных обрядов. Так, Томас Гейдж, англичанин-доминиканец, долго живший на Атитлане, в Гватемале, рассказывает, что в древний танец майя-покомамов введены новые персонажи — святой Иоанн Креститель и Ирод; танец, по-видимому, является мимическим представлением усечения главы Иоанна — в такой манере, где эта сцена из Нового завета переплетается с древними обрядами майя.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

На первый взгляд цивилизация майя кажется нам нагромождением загадочных, странных и очень противоречивых явлений. Противоречивых во времени и в пространстве. Во времени, потому что потомки этого народа (который по очень серьезным основаниям можно считать первым в мире, понявшим значением нуля в математике и практиковавшим хирургию на черепе с помощью обсидиановых ножей и рыбных костей), вернее, некоторые его потомки, а именно лакандос, считаются сейчас самым отсталым населением земного шара. В пространстве, потому что в пределах населяемых ими когда-то земель простираются неподвижные в своей тысячелетней дикости тропические леса и в то же время проложены современные воздушные трассы, например, между городами Гватемала и Тикаль, а самолеты садятся на бе-

тонные дорожки, обрызганные инсектицидами, дабы уберечь туристов от укусов насекомых.

Чтобы воскресить на страницах книги чудесное явление, каким была цивилизация майя, недостаточно описать, что создала она в области надстройки, а также в обыденной жизни древних и современных жителей в пределах «трапеции». Надо изучить и понять мировоззрение майя, их философию существования, надо изучить и понять среду, в которой зародились и дали плоды столь яркие и захватывающие проявления их культуры.

Человека, взявшего на себя такой труд — и читателя, к которому он обращается, — естественно привлекают необычные аспекты : например, образ жизни лакандос, со всеми его странностями, или занятия сборщиков чикле — те аспекты, которых не найдешь нигде в другом месте. Не следует забывать, однако, что в 1965 году лакандос едва насчитывалось две сотни душ, а всего потомков древних майя около двух с половиной миллионов. Это не только сборщики чикле в тропических лесах или мексиканские тлачикеро, обрабатывающие свои поля агавы (магей) ; это крестьяне, большие мастера кукурузы, поденщики банановых плантаций Гватемалы, скотоводы северного Юкатана, лесопромышленные рабочие Гондураса и Кампече, шахтеры свинцовых и цинковых рудников из Кобана и Кецальтенанго. Они превосходные мастера и истинные художники ; в гончарных изделиях и тканях, в плетеных соломенных шляпах можно узнать древние мотивы орнаментов, украшающих храмы, пирамиды и каменные стелы.

Разумеется, в жизни блуждающего по долине Усумасинты населения есть много интересных и живописных сторон, но они в то же самое время потрясающи в силу трагического характера судьбы этих людей, потомков древней, достигшей высокого расцвета культуры. Но не следует впадать в ошибку, считая созданные древними майя культурные ценности канувшими в вечность навсегда. Их потомки начинают занимать в политической и культурной жизни Центральной Америки все более видное место. Много лет губернатором Юкатана был Фелипе Пуэрто Каррильо, мексиканец, в жилах которого течет и кровь майя. Альберто Хименес, секретарь ЮНЕСКО — индеец-майя, родившийся в Сололе, на высоком гватемальском плато. А Мигель Анхель Астуриас, известный писатель и поэт, которому в «Гватемальских легендах» удалось с таким мастерством сочетать фантастическое с реальным, тоже отчасти индеец-майя. Перечень этот можно было бы продолжить именами революционеров и прогрессивных политических деятелей, поэтов и фольклористов, ученых и общественных деятелей, именами, дающими нам право считать, что потомки замечательных строителей из Чичен-Ицы, Копана и Вашактуна переживают в настоящее время эпоху, в которой брезжит заря их общественного и политического возрождения.

УКАЗАТЕЛЬ

этнографических терминов и слов на древнем и современном языке майя

А

АГОУТ — млекопитающий грызун величиной с зайца.

АГУАМИЕЛЬ — сладкий сок агавы.

АГУАРДИЕНТЕ — род водки.

АКАХУ — обожествляемое у майя дерево, из которого в древности вырезали идолов.

АКБАЛЬ — день в календаре Венеры.

АКТУН — сложенный из камня дворец; пещера.

АЛАКРАН — скорпион.

АРА — попугай американской породы.

АСТЕКИ — древнее мексиканское население.

АТОЛЕ — кукурузная водка с фруктовым соком.

АТОЛОНДРАДО — ошеломленный, потерявший голову, сбитый с толку.

АХ КАН — жрец, находящийся в подчинении у верховного жреца.

АХ КАН МАЙ — см. *ах кин май.*

АХ КИН МАЙ — верховный жрец культового центра; «принадлежащий солнцу».

АХАУ — день в календаре Венеры.

Б

БАКАБЫ — четыре божества, поддерживающие небо.

БАКАЛЬ — листья, одевающие кукурузный початок.

БАЛАМ — ягуар.

БАЛЬЧЕ — напиток из перебродившего сока агавы, вроде водки.

БАТАТ — растение со стелющимся стеблем и съедобными клубнями (Ipomoea botatus).

БАТУН — болото, топь.

БАХАРЕКЕ — лачуга, землянка.

БЕН — день в календаре Венеры.

Г

ГУАХАКА — см. *гуахакан.*

ГУАХАКАН — лекарственное растение (Guajacum officinale) используемое майя от простудных заболеваний.

ГУСАНОС ДЕ МАГЕЙ — съедобные черви, паразиты агавы.

З

ЗОКЕ — древний язык, на котором говорили америндейцы, населявшие территорию мексиканского штата Табаско.

И

ИГЕРИЛЬО — см. *игерилья.*

ИГЕРИЛЬЯ — лекарственное растение (Ixodes ricinus), используемое у майя в качестве слабительного.

ИГЕРЕТА — см. *игерилья.*

ИК — день в календаре Венеры.

ИМИШ — день в календаре Венеры.

ИЦА — другое название племени тольтеков или одной из его ветвей.

ИЦАМ — ящерица.

ИЦАМНА — имя бога-чака.

ИШ — день в календаре Венеры.

ИШИЛЬ — население майя с верхнего течения Усумасинты.

К

КАБАН — день в календаре Венеры.

КАВАК — день в календаре Венеры.

КАЙЕ — хмельной напиток из кукурузы, с добавлением специй.

КАЙЯБ — месяц длинного календаря.

КАКЧИКЕЛЬ — население майя в районе озера Атитлан.

КАЛАБАСА — тыква.

КАМПЕЧЕ — кампешевое дерево с ценной древесиной красного цвета (Haematoxylon campechiarum).

КАН — (can) змея; (kan) — день в календаре Венеры.

КАНКИН — месяц длинного календаря.

КАНТИНА — закусочная, корчма, погребок.

КАПОК — нечто вроде растительной шерсти, получаемой из плодов дерева сейбы.

КАРАИБЫ — индейское население Центральной Америки.

КАРАКОЛ — улитка.

КАСАБЕ — небольшие хлебцы (или лепешки) из тапиоки (маниоковой муки).

КАССАВЕ — см. *касабе*.

КАСИК — вождь индейцев.

КАТУН — календарный цикл, равный 7 200 дней, (20 лет по 360 дней).

КЕКЧИ — население майя, жившее в районе верхнего течения Усумасинты.

КЕСАДИЛЬЯ — блюдо, приготовленное из лепешек-тортилья с мясом или брынзой и тыквенным цветом.

КЕХ — месяц длинного календаря.

КЕЦАЛЬ — птица с ярким хвостовым оперением.

КИН — день.

КИЧЕ — население майя в районе озера Атитлан.

КОАТЛЬ — змея.

КОКОМ — вождь, предводитель войска.

КОКУМА — печеная кукуруза.

КОЛМОЙОТЕ — тропические червячки, паразиты, вызывающие болезненное заражение крови.

КОПАЙЕРО — дерево с благовонной пахучей смолой (Copaifera officinalis).

КОПАЛ — смола копалового дерева — копайеро.

КУКУЛЬ — птичье перо; юкатанское название птицы кецаль.

КУМХУ — месяц длинного календаря.

КУРАНДЕРО — знахарь в селениях майя; торговец лекарственными растениями.

КУРУК — птица с красной шейкой, родич кецаля.

Л

ЛАКАНДОС — блуждающие группы индейцев из округа Петен.

ЛАМАТ — день в календаре Венеры.

М

МАГЕЙ — сорт агавы Agave americana).

МАК — месяц длинного календаря.

МАМ — население майя из Гватемалы.

МАНИК — день в календаре Венеры.

МАНИОКА — растение, с очень питательным крахмалом (Manihot edulis).

МАНЧЕ-ЧОЛЬ — население майя в долине реки Мотагуа.

МАРИАЧИ — мексиканские музыканты, играющие на народных инструментах.

МАСЕУАЛЬ — слуга, простой человек.

МАЧЕТЕ — кривой нож, которым пользуются в тропических лесах.

МЕН — день в календаре Венеры.

МЕСКАЛЬ — водка, получаемая путем дистилляции настоя цветочных бутонов и молодых листьев агавы.

МЕТАТЕ — жернова для размола кукурузного зерна.

МЕТАТЛЬ — см. *метате.*

МИЛЬПА — кукурузное поле.

МОЛИНО ДЕ НИХТАМАЛЬ — кукурузная мельница.

МОЛЬ — месяц длинного календаря.

МОПАН — население майя в долине реки Мотагуа и на востоке Британского Гондураса.

МУАН — месяц длинного календаря.

МУЛУК — день в календаре Венеры.

Н

НАКОН — жрец, в задачи которого входил обряд жертвоприношений.

НАХУАТЛЬ — группа древних мексиканских языков, из которых наиболее распространенным был астекский.

НИНАЛ — месяц, состоящий из 20 дней.

НИХТАМАЛЬ — кукуруза.

О

ОК — день в календаре Венеры.

ОККО — птица-чревовещатель, из семейства куриных.

ОЛЬКУАИТЛЬ — см. *уле.*

ОЛЬМЕКИ — америндейское население на территории современного мексиканского штата Веракрус.

ОХО ДЕ ВЕНАДО — «олений глаз», нечто вроде амулета.

ОЦЕЛОТ — дикая кошка, шкурка которой усыпана темными пятнышками.

П

ПАТАТА — см. *батат.*

ПАШ — месяц длинного календаря.

ПЕЙОТ — см. *пейотль.*

ПЕЙОТЛЬ — мексиканский кактус (Datura stramonium), содержащий используемую в медицине мескалину.

ПЕКАРИ — дикая свинья, мясо которой съедобно.

ПЕТЕН — остров.

ПИПИЛЬ — американское население южной Мексики.

ПИТА — агава; волокна агавы.

ПИТААЙЯ — тропическое кустарниковое дерево с очень острыми колючками.

ПИТО — черная фасоль.

ПОКОМАМ — население майя из Гондураса.

ПОКОМЧИ — население майя из Гватемалы.

ПОСОЛЕ — нечто вроде супа из кукурузных зерен с мясом.

ПОП — месяц длинного календаря.

ПОСОЛЬ — хмельной напиток из меда, с добавлением кукурузы.

ПУЛЬКЕ — напиток из перебродившего сока агавы.

С

САК — месяц длинного календаря.

САПОДИЛЬО — см. *сапотайер.*

САПОТАЙЕР — кустарниковое дерево-каучуконос, латекс которого — чикле — является сырьем для производства жевательной резинки.

САПОТЕКИ — америндейское население современного мексиканского штата Оахака.

САРСАПАРИЛЬЯ — лекарственное растение, используемое майя против простуды (Smilax ornata).

САСАФРАС — дерево из семейства лавровых, используемое в фармакопее майя.

СЕЙБА — четыре священных дерева, стоящих по четырем сторонам света; дерево, плоды которого дают волокно, похожее на шерсть (Ceiba pentandra).

СЕЙБО — см. *сейба.*

СЕНОТЕ — естественный колодец, карстовая воронка на Юкатане, образованная в результате провала известняковых сводов над подземными озерами.

СИБ — день в календаре Венеры.

СИГУАНАБА — дух ночи у индейцев майя из Гватемалы.

СИЗАЛЬ — волокно агавы.

СИМИ — день в календаре Венеры.

СИНКОЛОТЕ — плетеный амбар для хранения кукурузы.

СИП — месяц длинного календаря.

СОМБРЕРОН — дух ночи у майя из Гватемалы.

СОНО — танец юкатанских майя.

СОЦ — месяц длинного календаря.

СУТУХИЛЬ — население майя из Гватемалы.

СУУЙ — чистый, невинный; святая вода.

Т

ТАКО — блюдо, приготовленное из двух лепешек-тортилья, с овощами или мясом между ними.

ТАЛЕ — поле маниоки.

ТАЛОСЕЛОТЛЬ — см. *оцелот.*

ТАМААКА — дерево, из коры которого извлекалась смола, использовавшаяся для лечения ран.

ТАМАЛЬ — пирог из кукурузной муки с мясом.

ТАПИОКА — мука из маниоки.

ТАРАНТЕЛЛА — итальянский и испанский народный танец, с его мексиканскими вариантами.

ТАРАСКИ — индейское население Центральной Америки.

ТЕКПАН — большое общество, дворец.

ТЕНАМИТЛЬ — укрепленный город, крепость.

ТЕПАЛЬ — см. *тепуаль.*

ТЕПЕН — величие, слава, блеск.

ТЕПУАЛЬ — хозяин, рабовладелец.

ТИКЕ — жалоносное тропическое насекомое, укус которого вызывает зуд.

ТЛАКАЛАНЫ — родственное майя население с территории мексиканского штата Оахака.

ТЛАЛОКИ — тольтекские боги дождя.

ТЛАЧИКЕРО — крестьянин, разводящий агаву.

ТОЛЬТЕКИ — америндейское население, проживавшее на центральной территории современного мексиканского штата Идальго.

ТОРТИЛЬЯ — лепешка из кукурузной муки.

ТОРТИЛЬЕРИА — мельница, пекарня, магазин, где продаются тортильи.

ТОТОНАКИ — америндейское население, вероятно, из центральных районов современного мексиканского штата Веракрус.

ТУКАН — птица с очень толстым клювом.

ТУН — календарный год, состоящий из 360 дней.

У

УАЙЕБ — пять добавочных дней в конце года, по длинному календарю.

УАСТЕКИ — см. *уахтеки.*

УАХТЕКИ — америндейское население, по-видимому, родственное майя, жившее на севере современного мексиканского штата Веракрус и по берегам реки Пануко.

УЙК — маленький цветок.

УЛЕ — кустарниковое дерево, каучуконос (Castilloa elastica).

УО — лягушка; месяц длинного календаря.

УПЛАНД — американский хлопок (Gossypium hirsutum).

УСПАНТЕКИ — население майя с верхнего течения Усумасинты.

Ф

ФЛОР ДЕ КАЛАБАСА — тыквенный цвет (употребляемый в пищу).

Х

ХАКАЛЬ — хижина.

ХАКАЛЬТЕКИ — население майя по верхнему течению Усумасинты.

ХАЛАПА — растение (Exogonium purga), корень которого майя используют в качестве слабительного.

ХАЛАЧ-ВИНИК — правитель, глава гражданской власти в культовом центре, выполнявший и некоторые священные функции.

ХАН — солнечный год в 365 дней.

ХИКАРА — бутылочная тыква особого сорта, выдолбленная изнутри.

Ц

ЦЕК — месяц длинного календаря.

ЦЕЛТАЛЬ — население майя с левого берега Усумасинты.

ЦИБИЛЬ — письмена.

ЦОМПАНТЛИ — стеллажи с черепами у тольтеков и астеков.

ЦОЦ — летучая мышь.

ЦОЦИЛЬ — население майя с левобережья Усумасинты.

Ч

ЧАКИ — четыре бога дождя; жрецы, выполнявшие обряд жертвоприношений.

ЧАЛТУН — массивная глыба, скала.

ЧЕН — месяц длинного календаря.

ЧИАПАНЕКИ — древнее америндейское население Мексики, с территории штата Чиапас, говорившее на своем, чиапанекском языке.

ЧИКЛЕ — латекс сапотайера, сырье для производства жевательной резинки.

ЧИКЛЕРО — сборщик чикле.

ЧИКОМУСЕЛЬТЕКИ — население майя из Гватемалы.

ЧИКЧАН — день в календаре Венеры; другое название чаков.

ЧИЛАМ — см. *чилан.*

ЧИЛАН — верховный жрец, занимающийся предсказаниями, колдун, знахарь.

ЧОЛЬ — население майя с левобережья Усумасинты.

ЧОНТАЛЬ — население майя с левобережья Усумасинты.

ЧОРТИ — население майя в долине реки Мотагуа.

ЧУЧ — население майя из Гватемалы.

ЧУЭН — день в календаре Венеры.

Ш

ШУЛЬ — месяц длинного календаря.

Э

ЭБ — день в календаре Венеры.

ЭЛЕМИ — благовонная смола, которой древние майя лечили раны.

ЭЛОТЕ — кукурузный початок.

ЭНЧИЛАДА — блюдо из свернутых в трубочку лепешек-тортилья, с начинкой из мяса или брынзы.

ЭСАНАБ — день в календаре Венеры.

Ю

ЮКАТАНСКИЙ ЯЗЫК — язык, на котором говорит население северной части полуострова Юкатан.

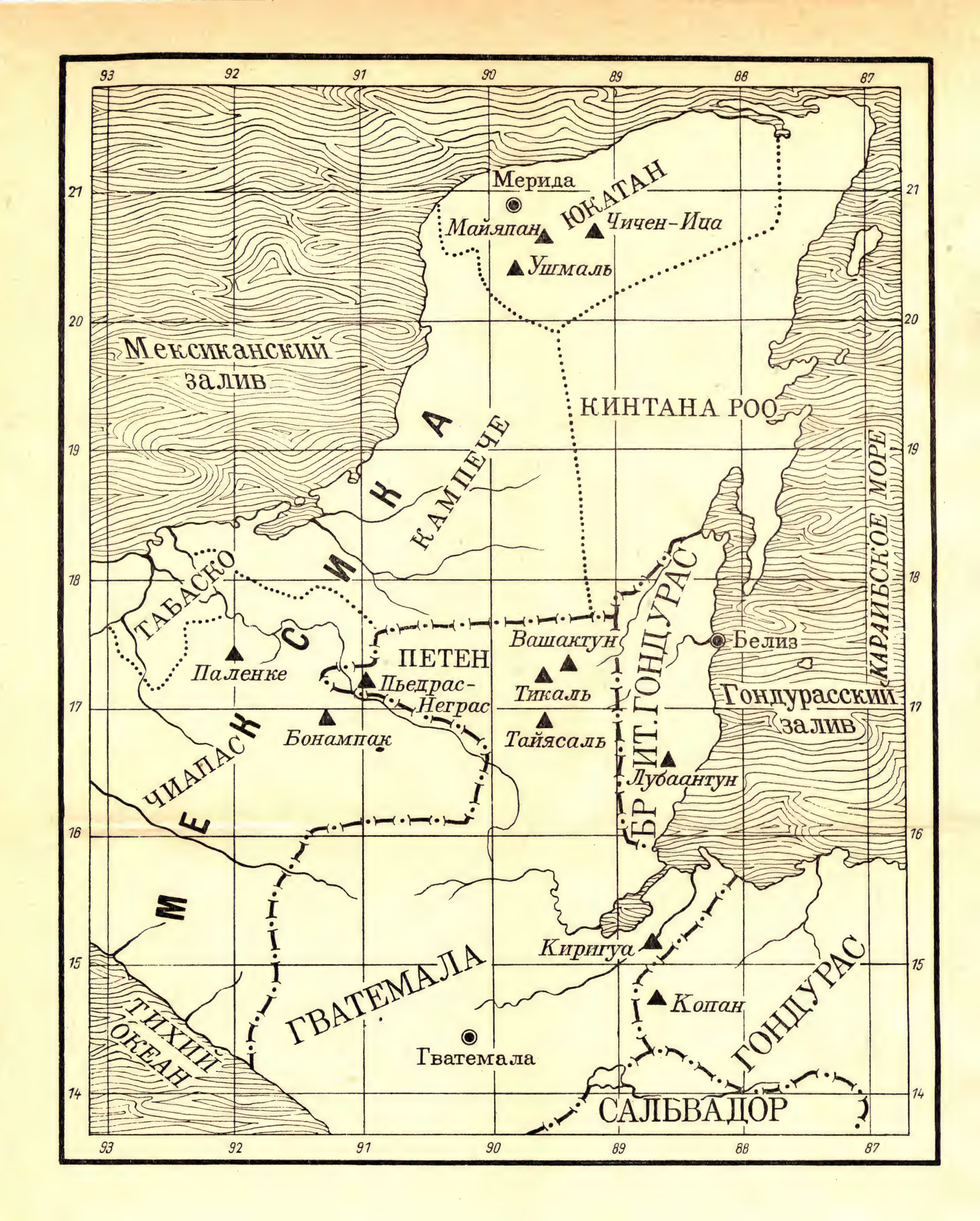
ЮККА — растение (Jucca), родственное маниоке.

Я

ЯШ — месяц длинного календаря.

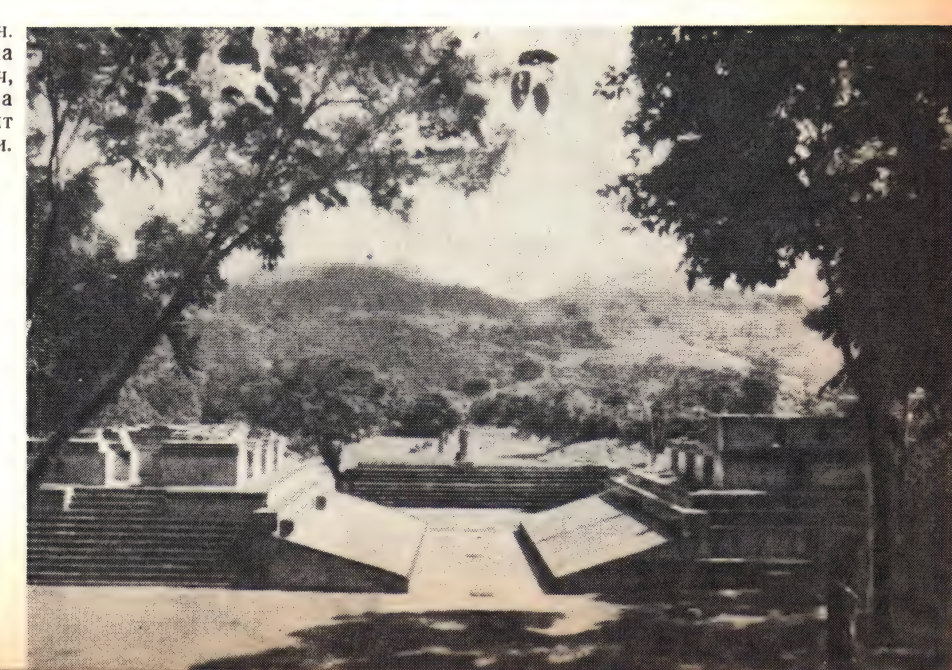
ЯШКИН — месяц длинного календаря.

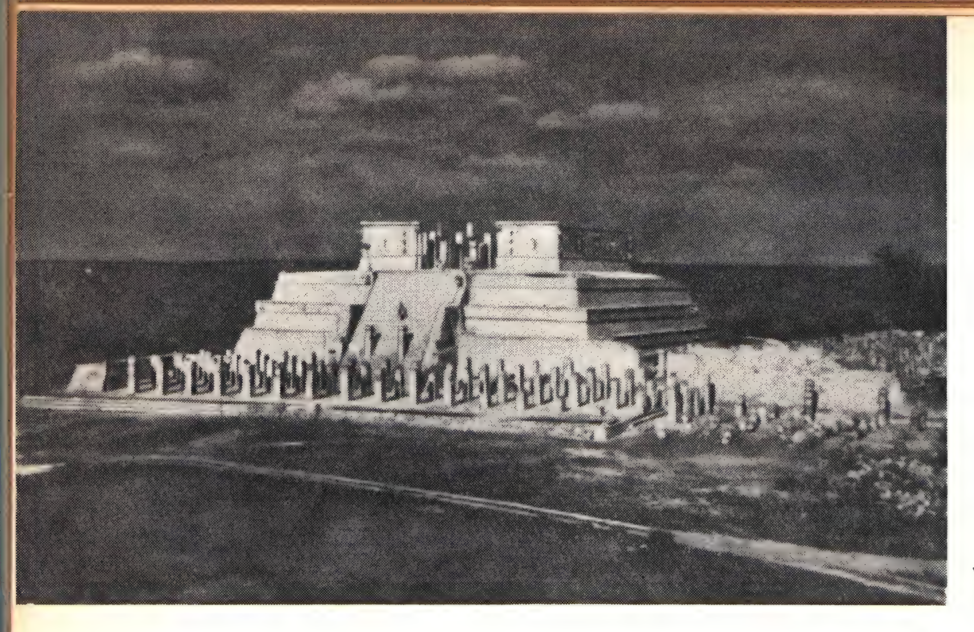
ОГЛАВЛЕНИЕ

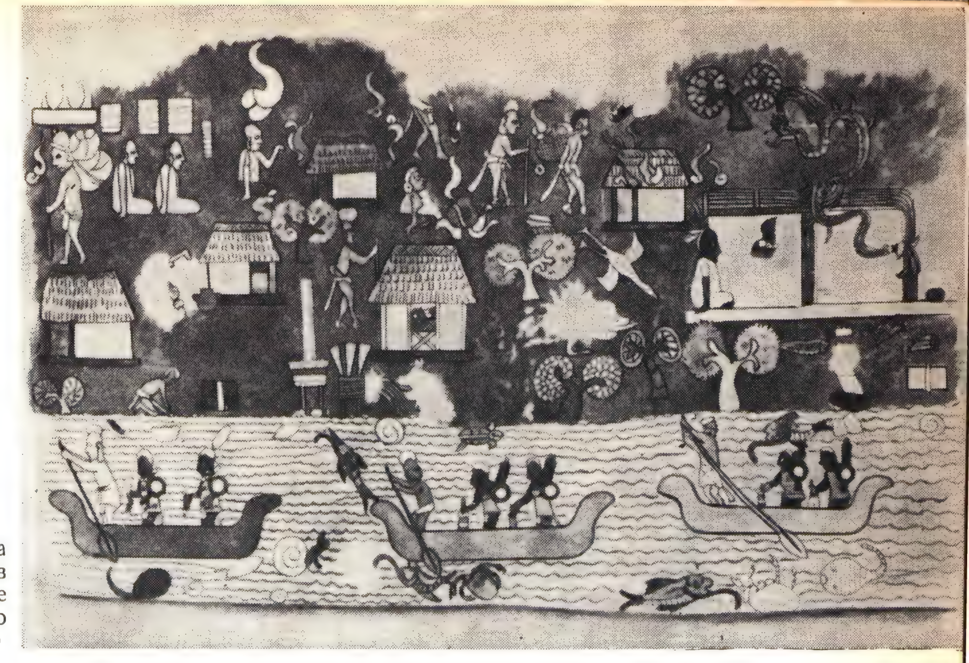
93
92
91
90
89
88
87
21
20
19
18
17
16
15
14
Мерида
ЮКАТАН
Майяпан
Чичен-Ица
Ушмаль
Мексиканский залив
КИНТАНА РОО
КАМПЕЧЕ
МЕКСИКА
КАРАИБСКОЕ МОРЕ
ТАБАСКО
Вашактун
ПЕТЕН
Белиз
Паленке
Пьедрас-Неграс
Тикаль
Гондурасский залив
Бонампак
Тайясаль
Лубаантун
ЧИАПАС
БРИТ. ГОНДУРАС
Киригуа
ГВАТЕМАЛА
ГОНДУРАС
Копан
ТИХИЙ ОКЕАН
Гватемала
САЛЬВАДОР

Копан.
Площадка
для игр в мяч,
как она
выглядит
в наши дни.

Чичен-Ица.
Храм воинов.

Фреска
из Храма воинов
в Чичен-Ице
(около
1150 г. н. э.)

Глиняная фигурка (Агиас Калиентес, Оахака).

Каменная фигурка (Эстадо Кортес, Гондурас).

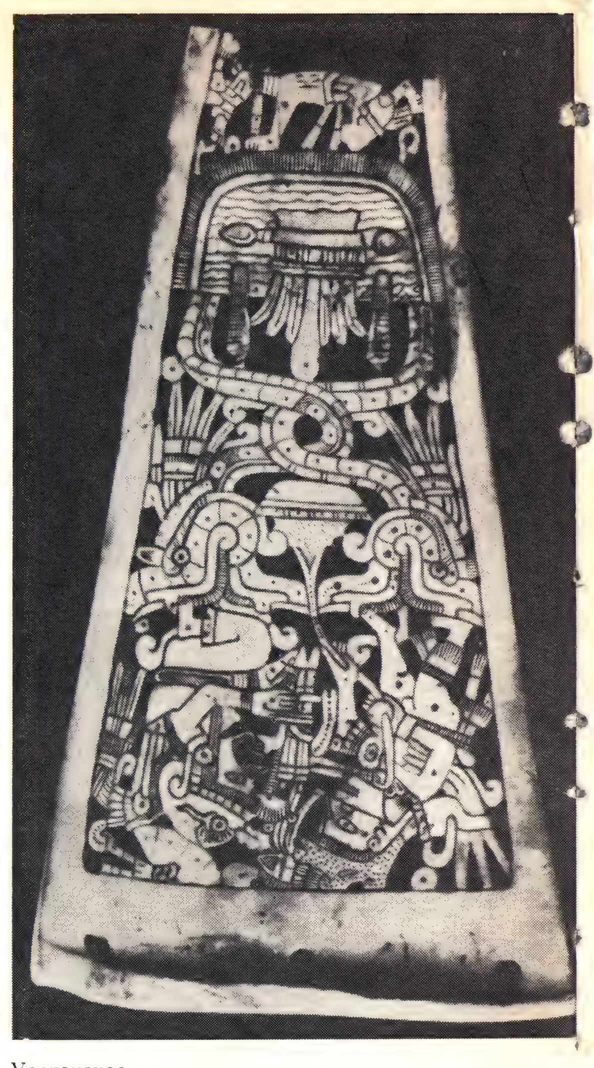

Сосуд для
курения
благовоний
(около 750 г. н. э.).

Оахака.
Урна из обожженной глины.

Уастекское
украшение
из раковины.

Каменная скульптура, изображающая, по всей вероятности, Кецалькоатля.

Мексиканский крестьянин
с деревянным плугом.

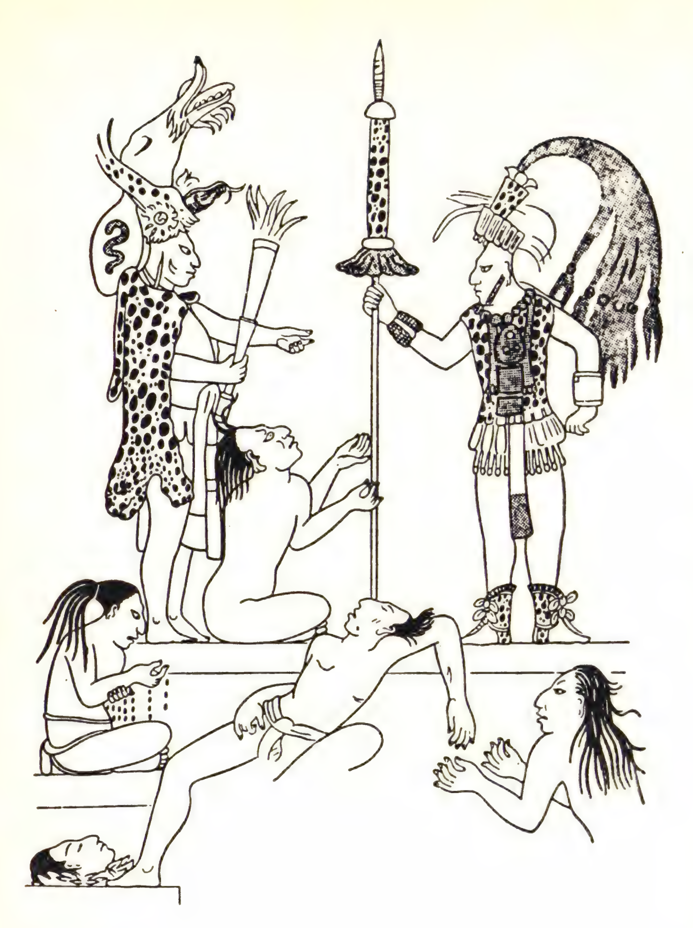
Жрец,
бьющий в барабан
(роспись на
сосуде из Чамы,
Альта Верапас).

Вождь майя,
которого несут
на носилках
(роспись на сосуде
из Ратинлихаля,
Альта Верапас).

Воин (барельеф
из Чичен-Ицы,
около 1100 г. н. э.)

Суд над пленниками (фреска из Бонампака).

Яшчилан. Сцена,
изображенная на стеле.

Тикаль. Рисунки на штукатурке.

Паленке. Резьба на камне (около 700 г. н. э.).

Вождь майя в маске (роспись на сосуде из Чамы, Альта Верапас).

Слуга майя (роспись на сосуде из Небаха, Эль Киче).

НАПЕЧАТАНО В РУМЫНИИ

ИЗДАТЕЛЪСТВО МОЛОДЕЖИ

ЦЕНА 60 КОП.

ХОРИЯ МАТЕЙ ▪ МАЙЯ